

Книга первая.

Уставъ св. Пахомію данъ въ откровеніи отъ Ангела.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатанъ дозволяется.
Москва. Ноября 5 дня, 1901 года.

Цензоръ Протоіерей Григорій Дьяченко.

Типо-Литографія И. Ефимова, Вольная Яковлева, соборнаго дома.

Христіанство возродило и обновило древній міръ, разлагавшійся отъ дряхлости и внутренняго разслабленія. Небесный огонь любви, низведенный Спасителемъ на землю (Лук. XII, 49), воспламенилъ новую жизнь въ сердцахъ людей, подавленныхъ чувственностію, оживотворилъ духъ, почти омертвѣвшій въ узлахъ грѣховности (Ефес. II, 5), и, при содѣйствіи благодати, ревность къ благочестію во многихъ воспламенилась съ такою силою, что сдѣлалась главною стихіею духовной жизни, и вся дѣятельность духа сосредоточилась въ непрерывномъ усиленіи — *распять плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24), стать выше своей чувственности, покорить высшему духовному закону всѣ порывы поврежденной грѣхомъ природы, чтобы, по мѣрѣ силы, постепенно возрастая духомъ, *всещѣло жить въ Бога и для Бога* (II, 19). Христіанство, обновивши ветхаго чело-вѣка (Кол. III, 10), содѣлавъ его причастникомъ Божественнаго естества (2 Петр. I, 4), произвело многіе виды подвижничества, которыми христіанинъ нравственно возвышается до возможнаго для чело-вѣка совершенства. И въ великомъ сомнѣніи угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ Св. Церковію, юродивые Христа ради являются *дивными во святыхъ* по роду своего подвига и по той высокой степени самоотверженія, которому

они слѣдовали. Ради Христа и своихъ ближнихъ они отрѣшались не только *отъ міра и яже въ мірѣ* (1 Иоан. II, 15), но и отъ всего лучшаго, что есть въ природѣ человѣка, поскольку послѣднее необходимо для христіанина, по слову Апостола: *аще внѣшній назъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). По истинѣ, въ нихъ внѣшній человекъ тлѣлъ по мѣрѣ того, какъ внутренній духовно жилъ и правдивно возвышался.

Юродство о Христѣ — одинъ изъ труднѣйшихъ и великихъ подвиговъ христіанскаго благочестія, какіе язь любви къ Богу и ближнимъ принимали на себя особенные ревнители благочестія. «Юродство Христа ради составляетъ столь рѣдкій, столь трудный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь высокій христіанскій подвигъ, на который призываются Господомъ Богомъ только особенные избранники и избранницы, сильные тѣломъ и духомъ»¹⁾. Эти славные подвижники, одушевляемые горячею ревностію и пламенною любовію къ Богу, добровольно отказывались не только отъ всѣхъ удобствъ и благъ жизни земной, отъ всѣхъ выгодъ жизни общественной; отъ родства самаго близкаго и кровнаго, но даже отрекались, при полномъ внутреннемъ самосознаніи, — отъ самаго главнаго отличія человѣка въ ряду земныхъ существъ — отъ обычнаго употребленія разума, добровольно принимая на себя видъ безумнаго, а иногда и нравственно падшаго человека, не знающаго ни приличія, ни чувства стыда, дозволяющаго себѣ иногда соблазнительныя дѣйствія. «Страненъ сродникъ твоихъ былъ еси», прославляетъ Св. Церковь одного изъ сихъ великихъ ревнителей благочестія, и «и ближнихъ любви чуждъ, и во твоёмъ языкѣ, яко иноязыченъ, *во иномъ же въ разумъ съдѣяи*; и ничтоже отъ земныхъ одѣяній на тѣлѣ твоёмъ носить сей якоже Адамъ, дондеже не видѣлъ еси обнаженія души твоея, ниже безобразіе плоти твоея познать еси»²⁾. Лишенные, повидимому, простаго — здраваго смысла че-

1) Сказанія о Христѣ ради юродивой подвижницѣ Серафимѣ Дивеевскаго монастыря Пелагіи Ивановны Серебрянниковой. Тверь 1891 г., 1 стр.

2) Минея августа 2-го, 2-я пѣснь канона св. блаженному Василию.

ловѣческаго, отрѣшившись отъ общепринятыхъ обычаевъ міра и правилъ общественнаго благоприличія, они под личиною юродства нерѣдко совершали такіе гражданскіе подвиги, на которые не рѣшались люди, *мнящіеся бытъ мудрыми* (1 Кор. III, 18), изъ страха ли то предъ сильными міра сего, или изъ житейскихъ расчетовъ и соображеній, и — которые (подвиги) не могли совершать съ такимъ усиліемъ люди обыкновенные. Непрестанно возводя очи ума и сердца своего къ Богу, постоянно горя духомъ предъ Нимъ, сіи подвижники, подобно древнимъ пророкамъ, ревнителямъ славы Божіей, не стѣснялись говорить рѣзкую правду въ глаза сильныхъ міра сего; они своими словами, или необычными поступками, то грозно обличали и подобно молніи поражали людей могучихъ и сильныхъ, но несправедливыхъ и забывающихъ правду Божію, — то подобно весеннему благотворному солнцу радовали и утѣшали людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ. — Юродивые нерѣдко вращались среди самыхъ порочныхъ членовъ общества, среди людей погибшихъ въ общественномъ мнѣніи, съ цѣлію исправить ихъ и спасти; и многихъ изъ такихъ отверженныхъ возвращали на путь истины и добра. Имѣя даръ предсказывать будущее, они молитвами своими нерѣдко избавляли согражданъ отъ грозившихъ имъ бѣдствій, не разъ отвращали гнѣвъ Божій отъ своихъ современниковъ, у которыхъ были большею частію въ поношеніи и презрѣніи.

Совершенно свободные отъ всякихъ привязанностей къ земному, отказываясь отъ всякой собственности, не имѣя, обыкновенно, опредѣленнаго пристанища и потому подвергаясь всѣмъ случайностямъ бездомной и безпріютной жизни, — эти избранники Божіи самымъ дѣломъ съ буквальною точностію, осуществляли въ своей жизни заповѣдь Спасителя: *не пецитесь душею вашею, что ясте, или что пѣете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесь; не душа-ли больше есть пшцы и тѣло одежды?* (Матѣ. VI, 25). *Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (33). Эти причастники небеснаго званія (Евр. III, 1), не имѣя на землѣ

пребывающаго града, но грядущаго взыска, такъ какъ по слову Апостола, *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31),—*не сообразовались въку сему* (Рим. XII, 2): вся ихъ жизнь представляла собою какъ бы воплощенный протестъ противъ чрезмѣрнаго тяготѣнія людей къ земнымъ, временнымъ интересамъ, какъ бы живое, наглядное напоминаніе о высшей цѣли жизни—*о единомъ на потребу*¹⁾ (Лук. X, 41).

Взирая на образъ жизни Христа ради юродивыхъ, можно подумать, что это несчастные, осужденные влачить горькую участь безумія. Пренебрегая общепринятыми обычаями міра, не соображаясь съ законами общества гражданскаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самыя постановленія Церкви, повидимому, не могли привести ихъ (юродивыхъ) къ обыкновенному порядку жизни²⁾. Это были какъ бы пришельцы изъ другаго міра, не считавшіе для себя нужнымъ знать и дѣлать то, что, по общему мнѣнію, составляетъ необходимую принадлежность жизни земной. Живя въ тѣлѣ, они считали себя какъ бы безплотными или въ чужомъ тѣлѣ. Подобно божественному Павлу, восхищенному въ вождельнное, горнее свое отечество, и они могли сказать о себѣ: *аще въ тѣлѣ или внѣ тѣла,—не въмы* (2 Кор. XII, 3): пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для нихъ существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. По нѣсколько дней, иногда по цѣлымъ недѣлямъ, они не вкушали пищи, и только ту вкушали пищу, которую подавали имъ люди благочестивые, отъ

1) „Слышалъ еси, премудре Василіе, Спасову заповѣдь“, прославляетъ церковь блаженнаго Василія, Христа ради юродиваго Московскаго чудотворца, „аще, рече, человекъ весь міръ приобрящетъ, и отсчититъ душу свою, что дастъ измѣну на души своей; ты же сіе въ сердца своемъ скривъ еси и пекся еси, како угодити Богу“. Миней, августъ 2-е, 8 пѣснь канона.

2) О Симеонѣ юродивомъ въ „Чет. Мин.“ читаемъ: „на большее мнимоаго своего юродства показаніе, отлагаша стыдливѣе человеческое, и множицею обнаженъ по торжищу хождаше“! о немъ тамъ же находимъ: „по утрѣ дню недѣльну бывшу, вниде въ церковь начинающейся литургіи, имѣше въ видѣрхъ орѣхи, первѣе убо нача погашати свѣщи, и егда изгнати его хотяху, онъ востекъ на амвонъ, меташе орѣхи на жевъ и едва со многими трудомъ возмогоша его изгнати изъ церкви“; или онъ же „иногда во святѣй величій четвертокъ изъ утра на торжищи сѣди ядшеш, еже видяше многолюдіи глаголаху: виждь безумнаго сего, яко ни святаго четвертка не почиташе, по рано ясть“. 21 июля, стр. 146, 147 и на обор.

прочихъ они не принимали, или принятую передавали другимъ¹⁾. Одеждою для нихъ служило ветхое, раздранное рубище, но нерѣдко отлагали они и этотъ бѣдный покровъ своей наготы. Рѣдко входили и часто не были впускаемы въ жилища человеческія, проводили большую часть жизни подъ открытымъ небомъ—на городскихъ площадяхъ и улицахъ, близъ церковной паперти или ограды, на кладбищахъ, иногда даже на кучѣ сора, страдающая отъ холода, голода, стужи и зноя, и вообще подвергались всякаго рода стихійнымъ невздамъ и испытывали всевозможныя лишенія, неразлучныя со скитальческою жизнію²⁾. Такъ, о Египетскомъ подвижникѣ,

1) Блаж. Прокопій Устюжскій „пищу зѣло малу приемляше отъ богобоязненныхъ человекъ, и то не по вся дни; отъ богатыхъ же и неправды творившихъ ничтоже когда восхотѣ принти, и часто безъ пищи дни многие пребываше“, Чет. Мин. июля 8-го, 48 стр., Симеонъ юродивый—„иногда святую чотырдесятяицу безъ пищи пребываше“, 149 стр.; „аще кто отъ милостивыхъ нищелюбцевъ подаеше (Андрею юродивому) милостыни онъ взямаа, пшмы убогимъ даеше ю... Хлѣба иногда чрезъ три дни не вкушаше, иногда же и всю седмицу пребываше алченъ, и аще не бѣ, да кто подасть ему укругъ хлѣба, то и другую седмицу безъ пищи провождаше“. Чет. Мин. октяб. 2, стр. 11. Нѣщии христороубы даеху блаж. Андрею цаты, и елико бо ему кто даеше, приимаше, и идѣже видаше соборъ нищихъ, тамо идяше и игру творилше сребреники. Нищіе же яко юрода порѣваху его и похлицяху сребреники. Онъ же ударилше ихъ пистію яко сваряса, и тамо пометая сребреники вси и отбѣгаше отъ нихъ: нищіе же вземше сребреники и дѣлху на главы. Се же творяше блаженный Андрей, да не явѣ будетъ милостыня его. Прологъ 12 октября. Блаженный Михаилъ Клопскій—„хлѣба единою въ седмицѣ вкушаше такоже и воду единою пилше въ седмицѣ, и то поасуду“. Прологъ 11-го января. „Пощеніе преподобнаго Виссаріона баше безмѣрно: иногда во всю седмицу не вкусил, а иногда и чотырдесятъ дней безъ пищи и питія препроводи“. Четин-Миней. Юни 6-го дня.

2) Объ Андрѣе юродивомъ читаемъ: „одежда его бѣ рубище нѣкое непотребное, едва могущее прикрыти наготу тѣлесную: днемъ убо бѣгаше по улицамъ яко юродивый, ноцѣи же въ молитвѣ пребываше; и въ толикомъ градѣ (Константинополѣ) посредѣ множества людей живя, не имѣ гдѣ главы преклонити: нищии бо его отъ кушъ своихъ прогонаху, богатіи въ дворы своя не пускаху, и егда нужда бѣ уснути и удокоити мало многотрудное тѣло, смотряше, идѣше пси на сметици лежать, и между ими полагашесе, но и тѣи не преемляху къ себѣ раба Божіи: нищии бо кусающе его, отгоняху отъ себе, нищии же сами оставилше его, отбѣгаху, и никогда подъ кровомъ ноци, но всегда на стужи и знои, на гноицахъ яко Лазарь, и въ блатѣ ваялешесе, отъ человекъ и отъ скотовъ попираемый“. Чет. Мин. Окт. 11 стр. Блаж. Василій—„ни вертепа мала имѣ у себе, ни ризнаго одѣяніа на тѣлѣ своемъ носаше, но безъ крова всегда пребываше, и нагъ хождаше и въ зимѣ и въ лѣтѣ, зимою отъ мраза померзаемъ, въ лѣтѣ же отъ зноа опалемъ“. Прол. 2 августа. Блаж. Исидоръ жилищемъ для себя выбралъ находившееся внутри города (Ростова) толкое мѣсто и среди его, на мѣстѣ нѣсколько возвышенномъ надъ уровнемъ воды и постоянной грязи—„на мѣстѣ сушъ во градѣ, среди блатца нѣкоего“, устроилъ себѣ кущу изъ хвороста „вепокровену“, гдѣ иногда вочью имѣлъ на краткое время отдыхъ, днемъ же, „юродство

Христа ради юродивомъ Виссаріонѣ читаемъ въ Скитскомъ Патерикѣ: «жизнь преп. Виссаріона, по сказаніямъ его учениковъ, была подобна жизни какой-нибудь воздушной птицы или рыбы, или земныхъ животныхъ: ибо онъ все время жизни своей провелъ безъ смущенія и безъ заботъ. Не озабочивало его попеченіе о домѣ, не овладѣвало его душой — желаніе имѣть поле, ни жажда удовольствій, ни приобрѣтеніе жилищъ, ни переноска книгъ; но весь всецѣло являлся свободнымъ отъ тѣлесныхъ заботъ, питаясь надеждою будущаго и утвердившись оградою вѣры. Онъ, подобно плѣннику, терпѣлъ то зѣбь, то тамъ: терпѣлъ холодъ и наготу, опалемъ былъ жаромъ солнца, всегда находясь на открытомъ воздухѣ. Онъ, какъ бѣглець, укрывался на скалахъ пустынныхъ, и часто любилъ носиться по обширной и необитаемой песчаной странѣ, какъ бы по морю. Если случалось ему приходиться въ мѣста такіа, гдѣ ведутъ жизнь однообразную по уставу киновій, онъ садился у воротъ, плакать и рыдать, какъ бы шловець послѣ кораблекрушенія, выброшенный на берегъ. Иногда кто нибудь изъ братій находилъ его сидящимъ тутъ подоб-

творише, и отъ многого труда покой тѣлеси своему принимаше на улицахъ градскихъ, на гнонцахъ, или на смети, или въ своей кушѣ тѣло свое на землю пометаше, и тамо мало сна принимаше⁴. Прол. май 14. Подобными же чертами характеризуется жизнь и прочихъ свѣт. угодниковъ Божіихъ. Такъ наприм., о блаж. Прокопій Устюжскомъ въ житіи читаемъ (49 стр. на обор. Чет.-Мин. Юля 8-го): «Нѣкоего года бысть зима паче иныхъ зимъ лютейша, сразу нестерпимому стужающу, и вѣтру дыхающу бурну, спаде же тогда и снѣгъ превеликій, яко и хранинамъ многимъ засыпавшимъ быти отъ него и мнози человеци и скоты не токмо въ путяхъ, но и во градѣ и всѣхъ померзашу, и птицы мертвы на землю падаху, и нищии терпяху бѣду великую стѣнюще и трясущися, и множайшии отъ нихъ изомроша: продолжися же та безмѣрная лютость зимняя на дни мнози, въ то время и Святый Прокопій лютейшая злая наготствующимъ своимъ тѣломъ отъ зимы велику пострадалъ: егда бо изшедъ ноцію изъ паперти церковныи, приде къ малымъ хранинамъ прямо церкве бывшимъ, въ нихъ же нищии жителествоваша, и хотѣ у нихъ пове мало согрѣтиса, нищии ощутивше приходъ его, инии затвориху двери крепко предъ нимъ, инии же съ палицами противу ему изшедше, близу того и прогоняху отъ себе, кричаще: отыди отсюда юроде, отыди; онъ же отъ нихъ отшедъ въ пустую вѣвную хранину вниде, и обрѣте во единомъ углѣ невои лежащихъ, и ляже при нихъ яко да мало согрѣтиса: пси же возставше, отбѣгоша отъ него. Рабъ же Божій видя, яко не точию человеци, но и пси имъ гнушаются, глаголаша въ себя: буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка, и возвратиса пакы въ притворъ церковный, и егда согнувся, и трясыйся тѣломъ и отчаявъ живота своего, ожидаше посѣданаго издыханія и молящися, да приметъ Богъ душу его».

но нищему, скитающемуся по міру; и, приближаясь къ нему, съ сожалѣніемъ говорилъ ему: что ты плачешь? Если нуждаешься въ необходимомъ, то дадимъ тебѣ, сколько можемъ, только войди къ намъ, раздѣли съ нами трапезу, подкрѣпись. Преп. Виссаріонъ отвѣчалъ: не могу оставаться подъ кровлею, пока не найду имущества своего. Я, говорилъ онъ, различнымъ образомъ лишился великаго имущества. Я и попался морскимъ разбойникамъ, и потерпѣлъ кораблекрушеніе, и лишился славы своего рода, изъ знатныхъ сдѣлался незнатнымъ. Если же братъ, прослезившись при его словахъ, уходилъ и приносилъ ему кусокъ хлѣба и, подавая, говорилъ: прими это, отецъ, а прочее возвратить тебѣ Богъ, по словамъ твоимъ, отечество, славу рода и богатство, о которомъ ты сказываешь, то старецъ еще болѣе плакалъ, и громко рыдалъ, приговаривая: не умѣю сказать, могу-ли я найти, чего, потерявъ, ищу. Но могу еще болѣе потерпѣть. каждый день находясь въ смертныхъ опасностяхъ, и не имѣя покоя отъ безмѣрныхъ моихъ бѣдствій, ибо мнѣ надобно совершить теченіе жизни среди непрестаннаго блужданія¹⁾.

Съ каждымъ подвигомъ христіанскаго самоотверженія связаны тѣ или другія лишенія: не легко человѣку, склонному къ чувственнымъ удовольствіямъ, отказываться отъ нихъ, истощить плоть свою постомъ и воздержаніемъ; не легко также пристрастившемуся къ богатству, раздать свои сокровища и жить въ Евангельской нищетѣ,—человѣку, жившему въ славѣ и почестяхъ, вступить въ безызвѣстную жизнь. Но отказаться отъ ума—этого лучшаго украшенія человѣческой природы, какъ это мы видимъ въ юродивыхъ, конечно, для каждаго должно показаться труднѣйшимъ подвигомъ, лишеніемъ, съ которымъ не можетъ сравниться никакое произвольное самолишеніе. Въ разумѣ Богъ положилъ существенную черту въ насъ Своего великаго образа (Ефес.

¹⁾ Сказанія объ изреченіяхъ и дѣлахъ свѣт. и блажен. отцевъ избранны изъ Скитскаго Патерика. Москва 1875 г. 169—170 стран.; также *Достопамятныя Сказанія о Подвижничествѣ Святыхъ и блаженныхъ Отцевъ*, 4-е издан. С.-Петербургъ 1871 г. 78, 79 стр. и Чет. Мин. 6 іюня.

IV, 22, 23), почему съ отрѣшеніемъ отъ ума — «этого благодатнаго дара неба», съ которымъ ничто не можетъ сравниться въ мірѣ видимомъ, человѣкъ теряетъ все, что составляетъ истинное его величіе, истинное его достоинство¹⁾. И, при здоровомъ умѣ, — такъ какъ юродивые о Христѣ были людьми истинно мудрыми, по слову Апостола: *аще кто мнитъся мудръ быти въ насъ, въ вѣщъ селъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. III, 18)—и, при здоровомъ умѣ, принять на себя видъ безумнаго — жертва великая. Не большею ли частію, чтобы не сказать всегда, бываетъ для человѣка чувствительнѣе укоръ въ скудоуміи, чѣмъ въ какомъ либо другомъ недостаткѣ, даже нравственномъ?! Жизнь человѣчества не свидѣтельствуетъ-ли съ очевидностію, сколько во всѣ времена, изъ удовлетворенія уму было добровольныхъ мучениковъ науки, которые въ непрерывныхъ, изнурительныхъ своихъ трудахъ не примѣчали, какъ часъ отъ часу силы ихъ слабѣли и оскудѣвали. Почему столь многимъ человѣкъ жертвуетъ въ угоду этой своей способности? Отчего такая исключительная честь уму? Оттого, что въ нашей душѣ эта сила осталась болѣе доступною человѣческимъ трудамъ въ своемъ развитіи и образованіи, потому что она одна по преимуществу свидѣтельствуетъ о достоинствѣ духовной природы человѣка. Отсюда понятно, какъ должно быть трудно и чувствительно для человѣка, при полномъ, здоровомъ умѣ, выдавать себя за лишеннаго простаго смысла, дѣйствовать въ теченіе всей своей жизни подобно умалишеннымъ. Тяжело и больно смотрѣть на человѣка лишеннаго ума—на безумнаго: свѣта—разума тамъ не свѣтится; по характеру дѣйствій безумный не отличается отъ неразумнаго животнаго. Но несравненно тяжелѣе для сердца чувствительнаго человѣка смотрѣть на юродивыхъ. Это не тѣ несчастные умалишенные, которые проводятъ скорбную жизнь, можетъ быть, безъ всякаго сознанія, большею частію начиная и окончивъ ее подъ покровомъ милосердія и состраданія. Пусть онъ предста-

¹⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1862 г. ч. 2-я, 243 стр.

вить себѣ людей съ полнымъ самосознаніемъ, почти всеми оставленныхъ и отверженныхъ, пусть подумаетъ, какія трудности предстояли имъ на попріщѣ ихъ жизни. Живя въ обществѣ, они были не менѣе одиноки, какъ и живущіе въ дикихъ пустыняхъ; ихъ души, исполнены высокими мыслями, святыми чувствами, съ обѣтомъ юродства, до конца жизни, большею частію, закрыты были для другихъ». При такомъ исключительномъ образѣ жизни, быть можетъ, не каждому изъ нихъ случилось въ теченіе всей жизни найти человѣка, которому бы можно было открыть свою душу, высказать свои чувства, обмѣняться мыслями и тѣмъ обнаружить, что онъ не тотъ, какимъ его считаютъ, что онъ знаетъ Бога, знаетъ присныхъ о Христѣ и молится за нихъ¹⁾.

Пустыня по преимуществу учитъ посту и бдѣнію, «удаляетъ пресыщеніе, изнѣженность и излишество», но, несомнѣнно она должна уступить въ этомъ отношеніи юродству Христа ради. Въ сказаніяхъ о подвижникахъ пустынной жизни высказывается съ ясностію та мысль, что подвизающіеся среди міра выше самыхъ великихъ подвижниковъ иночества. «Кто живетъ, говоритъ Антоній великій, въ пустынѣ и безмолвіи, тотъ свободенъ отъ трехъ искушеній: отъ искушенія слуха, языка и взора: одно только у него искушеніе—въ сердцѣ²⁾». «Три ученыхъ друга, читаемъ въ Патерикѣ, —рѣшились поступить въ монашество. Одинъ изъ нихъ избралъ себѣ дѣло—умиротворять ссорящихся, по Писанію: *блаженн миротворцы* (Матѣ. V, 9); другой—посѣщать больныхъ, а третій пошелъ въ пустыню на безмолвіе. Первый сколько ни трудился, не могъ прекратить раздора между людьми и всѣхъ успокоить. Побѣжденный скукою, пошелъ къ тому, который услуживалъ больнымъ и нашель, что и онъ изнемогаетъ отъ малодушія и не въ силахъ болѣе исполнять заповѣди. Согласившись, оба пошли посѣтить того, который живетъ въ пустынѣ, рассказали ему свои дѣла, просили и его сказать имъ, какую онъ получилъ поль-

¹⁾ Духовная Беседа, томъ 10-й, 1860 г., 379 стр.

²⁾ Достопамятныя Сказанія о подвижничествѣ Святыхъ и Блаженныхъ Отцевъ, 5 стран.

зу въ уединеніи. Тотъ, немного помолчавъ, вливаетъ воду въ сосудъ и говоритъ имъ: посмотрите въ воду.— Вода была мутна. Черезъ нѣсколько времени опять говоритъ имъ: посмотрите, какъ свѣтла сдѣлалась вода. Тѣ посмотрѣли и, какъ въ зеркалѣ, увидѣли свои лица. Тогда сказали имъ: точно то же бываетъ и съ нами, когда кто находится среди людей,—отъ подскаго шума и мірской суеты не видитъ своихъ грѣховъ; а когда онъ безмолвствуетъ, особенно въ пустынѣ, то ясно можетъ видѣть свои грѣхи¹⁾. Для отшельника пустыня была открытою книгою, въ которой онъ читалъ неизмѣримое величіе Божіе; она вмѣстѣ съ тѣмъ была и училищемъ самопознанія, потому что человекъ, оставаясь одинъ самъ съ собою, могъ внимательно и безъ развлеченія слѣдить за помыслами, возникавшими изъ глубины его души: пустыня была для отшельника и средствомъ къ самоусовершенствованію, потому что даже страстные помыслы, не находя себѣ удовлетворенія, въ концѣ концовъ утихали и успокаивались. «Братъ просилъ совѣта у старца: мысли мои блуждаютъ и я сокрушаюсь объ этомъ.—Сиди въ кельѣ своей, сказалъ старецъ, и онъ опять соберутся. Когда ослица бываетъ привязана, то осленокъ ея скачетъ туда и сюда, и куда бы ни уходилъ опять приходитъ къ своей матери. Такъ и мысли монаха, постоянно пребывающаго въ кельѣ ради Бога, хотя на нѣсколько времени и разсѣваются, но потомъ возвращаются къ нему²⁾. Предъ вступленіемъ Симеона юродиваго «изъ пустыни въ міръ», на подвигъ юродства, въ прощальной, трогательной бесѣдѣ другъ его пустынной жизни Іоаннъ такъ увѣщевалъ: «блюди, возлюбленный Симеоне, да еже собра пустыня, не разсыплетъ міръ, и елико успѣ молчаніе, да не повредится то мірскою молвою, всеночныхъ твоихъ неспаній да не погубить сонъ, и иноческаго любомудрія да не расточить прелесть мірская; блюди, да зрѣніе жень, отъ нихъ-же тя Богъ до днешняго дне соблюде,

1) Древн. Патер. Москва 1861 г. 34—35 стр. Въ прилож. къ Душеп. Чт. 1861 г., ч. 3-я. стр. 34—35.

2) Тамъ же 148—149 стран.

не растлить твоего цѣломудрія, и нестяжанія твоего пустыннаго да не окрадетъ любоимѣніе, пощенія твоя да не разорятся многоразличными вкушеніями, и плачь твой смѣхомъ и молитва лѣнностію да не истребится¹⁾. Если пустыня представляетъ меньше «искушеній» для инока въ дѣлѣ спасенія, то, естественно, тѣмъ большій подвигъ для спасающагося въ міру.

Лучшіе представители иночества были того взгляда, что и среди міра возможно достигнуть такого совершенства, какимъ не обладаютъ и сами отшельники; потому—тѣхъ, которые въ мірѣ живутъ благочестиво, они, какъ видно изъ ихъ повѣствованій, ставятъ выше подвизающихся въ пустынѣ, потому, конечно, что первые «спасались» при болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ. Такъ объ Антоніи Великому известно, что, достигши высокихъ нравственныхъ совершенствъ, онъ и въ мірѣ признавалъ возможность спасенія и благочестиво живущихъ среди мірскихъ безпокойствъ и соблазновъ признавалъ еще болѣе угодными Богу, чѣмъ подвизающихся въ пустынѣ. Однажды Антонію открыто было въ пустынѣ: «есть въ городѣ нѣкто подобный тебѣ, искусствомъ врачъ, который избытки свои отдаетъ нуждающимся и ежедневно поетъ съ ангелами трисвятое²⁾. Въ другой разъ было указано ему, что онъ не достигъ совершенства кожевника въ Александріи, который исполняя обязанности христіанина, считалъ себя хуже всѣхъ³⁾. Великіе пустынножители были того убѣжденія, что Господь

1) Затѣмъ продолжаетъ біографъ: „аще и взялъ еси возлюбленне, таковую отъ Бога силу, сле возможи тебѣ безъ поврежденія спасенія твоего въ мірѣ съ человекѣ пребывати, обаче храни опасно сердце твое отъ тѣхъ, яже въ мірѣ зрѣти будещи, и яже дѣлати имаши предъ человекѣ тѣломъ, да не содѣствуетъ купно изволеніе душевное, егда чесому прикоснется рука твоя да не прикоснется душа, и устомъ ядущимъ да не усладится сердце, и ногами ступающимъ да не воспляшетъ внутренній покой, и вся извнѣ творима вънутрь, да не ощущается, и умъ твой безмятеженъ да пребываетъ“. Великій Святитель церкви вселенской, Святый Іоаннъ Златоустъ самъ „украшенный всеми христіанскими добродѣтелями“ нѣредко въ своихъ бесѣдахъ съ пылкимъ увлеченіемъ говоритъ о высокомъ достоинствѣ пустыни въ дѣлѣ спасенія; такъ напр., см. его бесѣды (68, 69, 70, 72 объ иноческомъ житіи) на Евангеліе Матвея. Часто также и у другихъ Отцевъ иноческаго житія встрѣчаемъ указанія „на удобства“ пустыни для преспіянія духовнаго.

2) Достопамятныя сказанія, 12 стр.

3) Христіанское Чтеніе 1879 г., ч. II, стр. 107.

имѣть и среди міра много сокровенныхъ рабовъ Своихъ, «благоуспѣшно содѣлывающихъ свое спасеніе», добродѣтель которыхъ тѣмъ выше, чѣмъ сокровеннѣе. Св. Макарію Египетскому былъ однажды во время молитвы голосъ: «Макарій, ты еще не достигъ въ мѣру двухъ женщинъ, живущихъ въ сосѣдномъ городѣ». И старецъ изъ пустыни пришелъ въ городъ разспросить сихъ женъ, какъ онѣ живутъ. По просьбѣ Макарія, онѣ рассказали, что пятнадцать уже лѣтъ, какъ онѣ вышли замужъ за двухъ братьевъ, и въ теченіе сего времени жили во взаимной любви и согласіи, всегда исполняли волю мужей; имѣли желаніе поступить въ монастырь, но, по несогласію на то мужей, рѣшились остаться въ мірѣ, подѣ условіемъ обѣта бдѣть надъ своимъ сердцемъ и не произносить ни одного празднаго слова. *II Макарій смиренно просилъ Бога, чтобы Онъ сподобилъ его жить въ пустынь такъ, какъ онѣ жили въ мірѣ*¹⁾. Два старца просили Бога показать имъ, въ какую мѣру достигли они, и имъ открыто было, что они не достигли мѣры совершенства жителя одного селенія Евхариста и жены его Маріи²⁾. Блаженный Симеонъ въ бесѣдѣ съ другомъ своимъ діакономъ Іоанномъ говорить: «да вѣсть любовь твоя, яко и между простыми людьми, во всѣхъ жительствоющими и дѣлающими землю, яже не въ злѣбъ и правотѣ сердца своего жительствоюще, никогде хулятъ, ни обидятъ, но отъ труда рукъ своихъ въ потѣ лица ядятъ хлѣбъ свой: между таковыми мнози суть великіи святіи»³⁾.

«Въ морѣ есть болѣе опасныя мѣста, есть и покойныя, говоритъ преп. Синклитикія. Мы (иночествующіе) плывемъ въ покойной сторонѣ моря, а мірскіе въ мѣстахъ опасныхъ. Мы плывемъ при свѣтѣ солнца правды, а они несутся въ ночи невѣдѣнія. Впрочемъ бываетъ, что мірскіе, плывя въ темнотѣ и опасности, отъ стра-

1) Исторія Православнаго монашества на Востоку П. С. Казанскаго. Москва 1856 г., ч. II, 66 стр.

2) Достопамятныя сказанія 106 стр.: Аввъ Силуану было видѣніе, „что многіе изъ иноковъ шли въ адъ, а многіе изъ мирянъ шли въ царствіе небесное“. Тамъ же, 368 стр.

3) Чет.-Мин. іюля 21, стр. 152 на обор.

ха крѣпко кричатъ предъ Богомъ, бодрствуютъ и такъ спасаютъ* корабли: а мы по нерадѣнію тонемъ, оставляя управленія правды». 1) Такими неустанно бодрствующими, «спасающими свой корабль» среди свирѣпствующей бури житейскаго моря и были Христа ради юродивые. Ихъ постоянное самоуглубленіе, ихъ зоркая бдительность надъ малѣйшими движеніями своего внутренняго міра, при которыхъ не могло ускользнуть ни одно біеніе ихъ сердца, ни одно движеніе ихъ духа, сообщая юродивымъ глубокое нравственное самонаблюденіе, предохраняли сихъ бодрыхъ стражей отъ внѣшнихъ и внутреннихъ грѣховныхъ прирожденій, которыя могли бы повредить нравственной ихъ чистотѣ или склонить отъ избраннаго ими пути спасенія. Блаж. Виссаріонъ «увѣщаваше учениковъ своихъ къ бодрости, еже бы имъ непремленно блюсти себе всегда отъ ловительствъ вражійхъ, и глаголаше: подобаетъ (подвижнику), да будетъ весь око, якоже херувимъ и серафимъ, и егда кто пребываетъ мирно, не имѣй брани, тогда паче да блюдется, и смиряетъ себе предъ Богомъ: да ни како, возмѣшися стояти, надѣтъ люгѣйшимъ паденіемъ, самошнѣнія бо ради мнози на брань предани быша, множицею же немощи ради нашихъ не оставляетъ Богъ приити на насъ брани, да не до конца погибнемъ»²⁾. Преп. Михайлъ Клонскій «клокотъ демонскій креста знаменіемъ неязветвень сотворилъ и клокочущееся море житейское волнами суетъ, скорѣе еленскія борзости прескочилъ и въ прудныхъ мѣстѣхъ грѣха не потопился»³⁾.

«Увлекаемые непреклонною силою воли ко внутреннимъ и внѣшнимъ подвигамъ», эти неусыпные стражи спасенія старались достигнуть такого состоянія, чтобы ни во внутренней, ни во внѣшней своей природѣ ничего не слышать, никакихъ движеній не ощущать крохѣ

1) Святые подвижники Восточной Церкви, пресвищ. Филарета архіеп. Черниговскаго. Спб. 1871 г., 18 стр., также Древній патерикъ, изложенный по главамъ. Изд. 2-е. Москва 1892 г., 226 стр.

2) Чет.-Мин. іюня 6, 37 стр. на обор.

3) Мин. января 11, пѣнь 7-я. Блаженный Прокопій „легкостію крылъ прелетѣвъ отъ многомыслаго и тревожнательнаго міра и въ бурнаго пристанища достигъ“. Минея іюль 8, стихиры литія.

одной мысли о Боге,— это добровольные мученики, постоянно умиравшие, для мира, плоти и дьявола ради жизни во Христе. И Церковь восхваляет блаж. Михаила Клопскаго чудотворца: «волею, преподобне, предложився во юродство Христа ради, скорби и бѣды претерпѣль еси, поруганія и укоризны и досады: *мученицы бо малыи времени Христа ради пострадаша: ты же всю жизнь твою мученически сконча.лѣ*»¹⁾. Великъ и святъ подвигъ предать тѣло свое въ руки мучителей за исповѣданіе имени Христова. Но менѣ ли требуется мужества, вращаясь въ «мірскомъ обществѣ, въ этомъ волнистомъ морѣ огня страстей, гдѣ въ (мірѣ) обычаи суть ходящія живыя страсти»,²⁾—постоянно каждый день, каждый часъ умерщвлять свое тѣло, отсѣкать всякую нечистую мысль?!

Въ трудныя, рѣшительныя минуты жизни болѣе напрягаются силы души и во время великихъ испытаній человекъ чаще выходитъ побѣдителемъ, нежели въ малыхъ ежедневныхъ искушеніяхъ. Сколько разъ слабая воля можетъ поколебаться въ своемъ направленіи! Сколько нужно терпѣнія, сколько требуется бдительности надъ собою, чтобы, находясь среди бурныхъ волнъ житейскаго моря—грѣховнаго міра, постоянно сохранять душу и тѣло чистыми отъ прираженія грѣховныхъ движеній?! «Удивишася вси видящии терпѣніе твое, воспѣваетъ церковь св. Андрею, мученицы бо во едино время страсть претерпѣша, ты же вся дни живота твоего злыя муки терпѣль еси»³⁾.

При всей трудности этого подвига для святаго юродства какая требуется высокая мудрость, чтобы безсла-

1) Минея января 11, 5 пѣснь.

2) «Въ мірскомъ обществѣ, пусть оно и христіанское, зло преобладаетъ и всегда стоитъ впереди и является направляющимъ дѣлами его. Обычаи его суть ходящія живыя страсти. Вступаящій въ общеніе съ нимъ, вступаетъ въ волнистое море огня страстей. Какъ и въ немъ самою есть подобное же горячее вещество—свои страсти, то самъ онъ начинаетъ горѣть тѣмъ же огнемъ». Такъ говоритъ о трудности спасенія въ міру св. Василій Великій въ письмѣ [39] къ ученику *Хилому*. См. Древніе Иноческіе Уставы пр. Пахомія Великаго, св. Василія Великаго, пр. Іоанна Касіана и пр. Венедикта, собранные еп. Феофаномъ († 1894 г. 6. янв.). Москва 1892 г., Уставъ св. Василія Великаго. 250 стр. и Творен. св. Василія Великаго. Часть 6, 105 стр.

3) Минея октября 2, 5 пѣснь канона.

віе свое обращать во славу Божию и въ назиданіе ближнимъ, въ смѣшномъ не допускать ничего грѣховнаго, въ кажущемся неблагопристойномъ ничего соблазнительнаго или обиднаго для другихъ? Въ «Сказаніи о блаж. Николаѣ Кочановѣ» передается изъ жизни его на улицахъ Новгорода: «глаголаше тамо словеса неумѣстная, обаче нѣкимъ предстоящимъ весьма учительная и полезная: являше иногда движенія странная, обаче ни единому соблазнъ дающая, паче же многихъ вразумляющая, являшеся иногда земная гонящая, въ умѣ же бѣ имѣя помощь неимущихъ и нищенствующихъ,—изъ нихъ же многихъ спасе отъ великаго нужды и грѣха: себѣ же всегда бѣ желаящъ въ сердцѣ своемъ точію небесныхъ и Божіихъ»¹⁾. Путь юродства чрезвычайно трудный и опасный путь. Какъ, подражая иногда безразсудству людей самыхъ низкихъ, сохранять духъ всегда возвышенный, стремящійся къ Богу,—постоянно ругаясь міру, обнимать однако же всѣхъ совершенною любовью?! Наконецъ, какъ удержать себя отъ духовной гордости тому, кто, перенося столько оскорбленій и лишеній, сознаетъ, что все это терпитъ онъ невинно и что онъ совѣмъ не таковъ, какимъ его считаютъ многіе. Это произвольное, постоянное мученичество, это постоянная брань противъ себя, противъ міра и дьявола и притомъ борьба—самая трудная и жестокая. Это крестоносцы по преимуществу, такъ какъ, по доброй волѣ, по собственному избранію, единственно изъ любви къ Богу и ближнимъ, несли самый трудный и тяжелый крестъ.

Не всегда юродивые среди своихъ современниковъ считались за носителей божественной благодати, быть можетъ, и теперь нѣкоторые, *мнящіеся быти мудрыми вѣка сего* (1 Кор. III, 18), не таковыми ихъ считаютъ. Говоря это, разумѣемъ Христа ради юродивыхъ—истинныхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія, а не мнимо-юродивыхъ,—тѣхъ тунейдцевъ, которые, не желая трудиться, подъ видомъ юродства любятъ жить на чу-

1) Жизнь и чудеса Блаж. Николая Кочанова, Христа ради юродива, Новгородскаго чудотворца. Москва, 1891 г., стр. 11.

жой счетъ и своими странными выходками невольно обращаютъ вниманіе другихъ. Не можемъ сказать съ опредѣленностію, какъ рано на Востокъ появились такіе лжеюродивые; но всей вѣроятности, одновременно съ тѣмъ, какъ иночество восточное, изъ котораго произошелъ подвигъ юродства о Христѣ, стало утрачивать духъ древне-христіанскаго подвижничества, вмѣстѣ съ истинно-юродивыми, стали появляться и мнимо-юродивые. Что же касается тунеядцевъ — лжеюродивыхъ на Руси, то они, несомнѣнно, имѣли здѣсь благоприятныя условия въ томъ умственномъ и нерѣдко нравственномъ дракѣ, какими богато было прошлое нашего отечества. Да и теперь еще, какъ извѣстно, многіе грады и веси нашего отечества, не исключая и Москвы, часто даютъ гостепріимный пріютъ такого рода мнимо-юродивымъ¹⁾.

Многіе изъ современниковъ Спасителя считали *Его ядцемъ и винопитцемъ, другомъ мытарей и грѣшниковъ, блѣдылицамъ и неистовымъ дѣтцамъ*²⁾ и т. п.: но что нравственно слѣдующій міръ сдѣлать по отношенію къ своему Божественному Учителю, то нерѣдко повторялось и повторяется и относительно преданнѣйшихъ Его послѣдователей. Божественная благодать, дѣйствовавшая въ Его избранныхъ, не только не всегда была примѣчаема, но нерѣдко была даже въ презрѣніи и поношеніи у міра. Особенно же это нужно сказать по отношенію къ святымъ — Христа ради юродивымъ³⁾. Отъ

1) О юродивыхъ-тунеядцахъ прежней и нынѣшней Руси есть цѣлая, можно сказать, литература, такъ наприм. см. *36 Московскихъ лже-пророковъ, лже-юродивыхъ*; Москва 1865 г. *«Старое Житіе»*. Очерки и рассказы о бывшихъ въ отшедшее время обрѣдахъ, обычаяхъ и порядкахъ въ устроѣнствѣ домашней и общественной жизни *М. П. Палаева* С.-Петербургъ. 1892 г.; стародавніе старчики, пустосыты и юродцы 114 стр. и слѣд. Сказаніе о кончинѣ и погребеніи Московскихъ юродивыхъ М. 1862 г. «Семевъ Митричъ» — въ Москвѣ 1770 — 1860 г. «Домашняя Беседа» Аскаченскаго. Иванъ Яковлевичъ Корейша. Москва. 1894 года. Также см. Историческій Вѣстникъ 1880 г. ноябрь: Прав. Собесѣди. 1877 г. ч. 1 и др.

2) Матѣ. XI, 19; Іоан. VII, 12; VIII, 48, Марк. III, 21.

3) «На динхъ и встрѣтилъ, говорить достопочтенный сотрудникъ *Москов. Вѣдомостей* Ю. Николаевъ въ своихъ разсужденіяхъ «Фантазія и Дѣйствительность», одного моего знакомаго, чловѣка «интеллигентнаго», съ высшимъ образованіемъ, слѣдящаго за литературой и отчасти гордшагося независимостію своихъ мнѣній. Онъ только что прочелъ мои послѣдніе статьи (въ № 201 и 208 Моск. Вѣд. о юродивомъ «Иванѣ Гавриловичѣ») и страшно на мени обрушился. Онъ говорилъ, что я *обскурамъ*, потому что проповѣдую

современниковъ они нерѣдко подвергались всякаго рода оскорбленіямъ; не отъ всѣхъ пріемлютъ они должную честь и въ потомствѣ. Эгоистическій и самолюбивый міръ далекъ отъ духа истинной христіанской любви, готовой положить душу свою за другихъ. За такую любовь, доходящую до самоотверженія, когда-то самихъ Апостоловъ считали *буими*, и проповѣдь сихъ просвѣтителей вселенной, преобразившая міръ, казалась — *иудеемъ соблазнъ, еллинамъ безуміе* (1 Кор. I, 23). *Сыны нынѣшняго вѣка, ходящіе по стихіямъ міра* (Колос. II, 8), нерѣдко гордо отвергають все, что выходитъ изъ круга ихъ обыденныхъ взглядовъ, соблазняются тѣмъ, что не подходитъ подъ мѣрку ихъ понятій и убѣжденій часто узкихъ, одностороннихъ и шабковыхъ. Не могутъ они, конечно, не соблазниться и такимъ выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій, какъ — жизнь Христа ради юродивыхъ, явленіемъ, которое можетъ вызывать съ ихъ стороны глумленіе и презрѣніе. А между тѣмъ св. Церковь, прославляя юродивыхъ, представляетъ этихъ вѣрныхъ сыновъ своихъ въ примѣръ вѣры и благочестія, ублажая ихъ какъ послѣдователей заповѣди о нищетѣ духовной¹⁾ и какъ истинныхъ ревнителей заповѣди Писанія о духовной мудрости²⁾: *аще кто мнитъся мудръ быти въ вѣцѣхъ селъ, буй да бываетъ, яко да пре-*

о какихъ-то юродивыхъ, что я указываю, какъ на идеальныя лица, на какихъ-то *нечужественныхъ фанатиковъ*, что въ ихъ идеяхъ и чувствахъ я вижу смыслъ русской Исторіи, что для меня смыслъ этой исторіи въ пѣвѣствѣ и фанатизмѣ... *Москов. Вѣдом.* 1893 г. № 222. Хотя авторъ въ указанныхъ статьяхъ говорить о юродивомъ, итѣкомъ Иванѣ Гавриловичѣ, непрославленномъ Церковію, но для насъ важны въ данномъ случаѣ основныя черты юродства этого, по народному выраженію — «Божья чловѣка», такъ какъ онъ (черты) вѣрны христіанскому ученію о семь подвигъ, — по крайней мѣрѣ, какъ объ этомъ передаетъ г. Николаевъ.

1) *«Сему иному духомъ, преп. Симеону въ часть блаженныя кончины его предсташа святіи ангелы Божіи»*... Чет. Мин. 21 іюля, 153 стр.; Христовъ гласъ исполнися на тебѣ, Андрее блаженне, реченный: *блаженіи нишии духомъ, яко тѣлѣ естъ царство небесное. ты бо обнищавъ еси духомъ и царство небесное восприимъ еси»*. Миня 2 Окт., 6 пѣснь канона. Также см. 8-ю пѣснь канона св. блаж. Василию, Мин. авг. 2-го и во многихъ пѣснопѣніяхъ юродивымъ Церковь прославляетъ ихъ, какъ исполнителей этой евангельской заповѣди.

2) По словамъ Церковной пѣсни, самый моментъ принятія Андреемъ юродства понимается, какъ воспріятіе имъ духовной мудрости: «о преславнаго чудесе, яко во иступленіи ума, совершися духовная мудрость». Стихира вечерни, Миня октяб. 2-го.

мудръ будетъ (1 Кор. III, 18). «Христа послушалъ еси, говорить церковная пѣснь, повелѣвшаго тебѣ юроду быти, и царство небесное обѣщавша, тому послѣдовавъ, неизреченная благая его воспріялъ¹⁾; или преп. Михаилу Клопскому: «*всю мысль твою Богу возложилъ еси отъ младенчества и крестъ твой вземъ, невозвратнымъ путемъ Тому послѣдовавъ еси и по апостолу духовную мудрость стяжалъ, еже есть буйство Христа ради*»²⁾. Отсюда очевидна необходимость и важность, по возможности, внимательнаго разсмотрѣнія образа жизни юродивыхъ о Христѣ и тѣмъ — съ одной стороны отвергнуть неправильныя взгляды мнимо-мудрствующихъ на сихъ подвижниковъ благочестія, а съ другой уразумѣть истинность суда Церкви о Христѣ ради юродивыхъ.

Первое и самое главное условіе, какое требуется отъ каждаго образа жизни въ христіанствѣ, — его сообразность съ ученіемъ Христа, съ Св. Писаніемъ: такъ какъ христіанинъ — *законникъ Христу* (1 Кор. IX, 21). Отсюда, образъ жизни, сколько бы онъ ни представлялся благовиднымъ, но коль скоро не основывается на этомъ краеугольномъ камнѣ, не можетъ имѣть важности и нравственнаго достоинства. Далѣе — главная цѣль ученія Христа, какъ и всего благодатнаго строительства Церкви, — *да вси животъ имутъ* (Іоан. X, 10); потому важность въ дѣлѣ спасенія должна быть также необходимою принадлежностію каждаго образа жизни въ христіанствѣ. Кромѣ того, въ царствѣ Христовомъ — въ царствѣ любви, каждый членъ долженъ заботиться не только о собственномъ спасеніи, но и о спасеніи другихъ. Отсюда, естественно, возникаютъ вопросы: заповѣдуются ли Словомъ Божиимъ такой необыкновенный образъ жизни, который ведутъ Христа ради юродивые, и что такое

¹⁾ 3-я пѣснь канона блаж. Андрею: «апостола Павла исполнилъ гласъ на тебѣ отче: слово крестное погибающимъ убо юродство вмѣняе, тебѣ же спасающемуся сила Божія бысть, Андрее всехваляе» — пѣснь 6-я, также смотр. тропарь сему святому.

²⁾ Миней 11 января, 1-я пѣснь. «Иже до третьяго небесе возшедый рече: мы юроди Христа ради, ты же преблаженне Василіе, по благодати въ таковое юродство предложился еси... также стихирѣ на вечера. Мин. 2 авг., 5 пѣснь; Св. Исидоръ Ростовскій «буйственное и юродственное, еже по Апостолу житіе избра», Миней 14 мая, икосъ, 118 стр.

юродство о Христѣ по существу? Значеніе въ душѣ чловѣка чистаго, христіанскаго разума и отношеніе къ нему Христа ради юродивыхъ; сообразенъ ли подвигъ юродства вообще съ духомъ христіанства и въ частности съ природою чловѣка? Ведеть-ли и какимъ образомъ ведеть онъ чловѣка къ нравственному совершенству; сообразенъ ли онъ съ любовью христіанина по отношенію къ ближнимъ и, наконецъ, не можетъ-ли этотъ подвигъ служить поводомъ къ соблазну другихъ?

I.

Въ Св. Писаніи не находимъ прямыхъ и подробныхъ указаній о всѣхъ возможныхъ родахъ христіанскаго подвижничества. Въ Словѣ Божиимъ тотъ или иной подвигъ самоотверженія, какъ добровольная жертва со стороны христіанина, не предписывается, какъ нѣчто обязательное для всѣхъ, а предлагается, какъ совѣтъ для тѣхъ, *имже дано есть* (Матѣ. XIX, 11), предоставляется усердію стремящихся къ высшему совершенству: *могий влѣстити да влѣститъ* (12). Соотвѣтственно сему Св. Писаніемъ указывается только высшій идеаль совершенства, какъ конечная цѣль всякаго подвига. Такой безконечно совершенный, нравственный идеаль въ Откровеніи указывается людямъ въ самомъ Богѣ. Еще чрезъ Моисея сказано было: *святѣ будите, яко Азъ Святъ есмь Господь Богъ вашъ* (Лев. XIX, 2); Иисусъ Христосъ подтвердилъ сію заповѣдь: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть* (Матѣ. V, 48). И св. апостоль Петръ учитъ: *по званію вы святому, и сами святѣ во всемъ житіи будите, зане писано есть: святѣ будите, яко Азъ святъ есмь* (1 Петр. I, 15, 16). Если всѣмъ вообще христіанамъ заповѣдуются въ своей жизни подражать совершеннѣйшей свя-

тости Божіей, то тѣмъ болѣе должны стремиться къ этому тѣ, которые кромѣ исполненія евангельскихъ заповѣдей, предписанныхъ всѣмъ желающимъ спасенія, приняли на себя еще и *благое иго* евангельскихъ совѣтовъ, данныхъ Богомъ лишь для стремящихся къ высшему совершенству. Слово Божіе, поучая: *святи будите...*, предлагаетъ въ то же время и самый примѣръ божественной святости въ лицѣ Подвигоначальника—Христа; потомъ указываетъ, такъ сказать, общіе пути въ духѣ истиннаго благочестія христіанскаго, каковы — дѣвство, нестяжательность и послушаніе; въ этихъ объѣктахъ главнымъ образомъ заключается основаніе и духъ подвижничества, сосредоточіе всей подвижнической дѣятельности, а подробныя черты различныхъ видовъ подвижничества, равно какъ и самый выборъ того или иного состоянія могла опредѣлять сама свобода христіанская, при содѣйствіи божественной благодати, по слову Апостола: *кѣждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. VII, 7); *комуждо*, — продолжаетъ св. Павелъ, *дается явленіе духа на пользу. Овому бо духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же дусъ; другому же вѣра, тѣмъ же духомъ; иному же дарованія исцѣленій, о томъ же дусъ; другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ...* и, указывая источникъ всего этого, присоединяетъ Апостолъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойже дусъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хочетъ* (XII, 7—11). Богодухновенный Сирійскій «пророкъ» Ефремъ въ своемъ «Наставленіи Монахамъ» пишетъ: «божественный и утѣшительный Духъ, данный Апостоламъ, и чрезъ нихъ преподанный единой и истинной Церкви Божіей, съ минуты крещенія, по мѣрѣ вѣры, различно и многообразно пребываетъ въ каждомъ, приступившемъ ко крещенію съ чистою вѣрою, и каждый для приумноженія, воздѣланія и приращенія получаетъ свой *мнась*, какъ сказано въ Евангеліи. Какъ младенецъ, рожденный въ вѣкѣ семь, не навсегда остается въ младенческомъ возрастѣ, но ежедневно растетъ вслѣдствіе необходимости, по неизъяснимымъ законамъ природы, пока не

прійдетъ въ совершеннаго мужа, въ полноту разумныхъ понятій: такимъ же образомъ и рожденный свыше водою и Духомъ долженъ быть возведенъ не въ младенчество духовнаго возраста, но, ежедневно пребывая въ подвигѣ, трудѣ и многомъ терпѣннн, обязанъ чрезъ борьбу съ духовнымъ противникомъ преуспѣвать и возрастать до полноты духовнаго возраста»¹⁾, по сказанному у Апостола: *Дондеже достигнемъ вси въ соединеніи вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова: да не бываемъ ктому мла-*

Сошествіе Святого Духа на Апостоловъ

денцы влающаяся и скитающаяся всякимъ вътромъ ученія, въ коварствѣ козней льщенія. Истинствующе же въ любви, да возрастимъ въ Него всяческая, Иже есть Христосъ (Ефес. IV, 13—16 ст.).

Какъ дары Св. Духа безконечно разнообразны, а потому и степени совершенства многообразны, такъ могутъ быть разнообразны и пути, ведущіе къ совершенству, необходимо только, чтобы они (пути) вѣрны были духу христіанства въ своемъ исходномъ пунктѣ и въ достиженіи конечной цѣли. Отсюда извѣстный видъ подвижничества, хотя бы и не былъ предписанъ опредѣленно и точно Св. Писаніемъ, но согласный съ духомъ Писанія, вытекающей изъ духа христіанства, имѣетъ такое же нравственное достоинство, какъ и образъ жизни, заповѣдуемый Словомъ Божиимъ: «духъ Писанія не ниже буквы Писанія», только бы онъ былъ понимаемъ правильно. О нѣкоторыхъ другихъ подвигахъ христіанскаго благочестія—столпничествѣ, затворничествѣ, отшельничествѣ, молчальничествѣ не находимъ также прямыхъ и подробныхъ указаній Св. Писанія, но изъ этого не слѣдуетъ, что они должны быть отвергнуты²⁾.

Начатки подвижничества, какъ извѣстно, видимъ еще въ ветхомъ заветѣ, каковы примѣры пустынножителей Или, Елисея и другихъ пророковъ, обѣтъ назореевъ, дѣвство дочери Іефоя; предъ пришествіемъ Спасителя въ міръ среди Іудеевъ, жившихъ въ Египтѣ, образовалось общество веращевтовъ¹⁾, любителей пустыннаго безмолвія, но эти примѣры до-христіанскаго міра были рѣдки и, такъ сказать, не смѣлы, потому что подвижничество было выше нравственнаго состоянія ветхозавѣтнаго человѣка. Только христіанство придало подвижничеству истинный смыслъ, сообщило новую силу и жизненность. Божественный Основатель христіанства, благоговѣствуя на землѣ путь спасенія, своимъ примѣромъ и ученіемъ возбудилъ и возвысилъ духовныя силы человѣка и преподавать нравовченіе, совершенно противоположное

1) Творенія Св. Еерема Сирина, ч. 5-я, Москва, 1850 г., 31, 32 стр.

2) Равно какъ и о многомъ другомъ, относящемся къ существу вѣры и жизни христіанской, не сказано прямо и подробно въ Словѣ Божиимъ, какъ объ этомъ не разъ замѣчено въ Писаніяхъ и Евангелии (см. 2 Іоан. 12 ст.; 3 Іоан. 13 ст.; Іоан. XXI, 25 ст.; 2 Сол. II, 15 ст.).

Взятіе Или на небо. К ногам Елисея упала милоть, то есть верхняя одежда, Или. Елисей поднял ее

духу міра, почѣму въ самомъ началѣ христіанства явилось, хотя еще не по имени, но по существу, и подвижничество. Первые примѣры его, еще до пришествія Іисуса Христа, представляютъ св. Іоаннъ Предтеча—и Матерь Божія въ своей дѣвственной, одинокой, безмолвной и чуждой всего мірскаго жизни, а основаніе ему положилъ Самъ Господь І. Христосъ, преподавъ желающимъ вышаго совершенства въ духовной жизни совѣты нестяжательности, дѣвства и послушанія, въ исполненіи которыхъ показалъ совершеннѣйшій примѣръ въ Себѣ Самомъ. Св. Апостолы, какъ истинные выразители Христова ученія, ревнуя сами исполнять эти совѣты и постоянно внушая христіанамъ жить *не по плоти, не по духу міра сего* (Римл. VIII, 12, 13; 1 Іоан. II, 15) и всячески *огребатися отъ мірскихъ похотей* (1 Петр. II, 11), *растинати плоть со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24), — тѣмъ самымъ полагали дальнѣйшее основаніе подвижнической жизни. *Царство мое—не отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36), учитъ Христосъ Спаситель; *наше житіе, продолжаютъ Апостолы на небесахъ, откуда и Спасителя ждетъ* (Фил. III, 20); *возлюбленіи, молю яко пришельцевъ и странниковъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, яже воюютъ на душу* (1 Петр. II, 11), мы только *странники и пришельцы на земли, взыскующіе отечества небеснаго* (Евр. XI, 13, 14), *какая бо жизнь ваша? — пара бо есть, яже в малѣ является, потомъ же*

1) Исторія Православнаго монашества на Востоку, Казанскаго ч. 1, 24 стр.

исчезаетъ, говоритъ Апостолъ (Іак. IV, 14); *настоящая жизнь есть не больше, какъ паръ, на малое время являющийся и потомъ исчезающій, или какъ сонъ. Общеизвѣстно постоянно проводимое въ Евангеліи и Писаніяхъ Апостольскихъ противоположеніе между обществомъ послѣдователей Христовыхъ и міромъ,—обществомъ людей, живущихъ чувственною и полною страстей жизнью: еще отъ міра бысте были, міръ нбо свое любилъ бы; якоже отъ міра нвсте,—сего ради ненавидитъ васъ міръ* (Іоан. XV, 19), *въ міръ скорѣни будете, сказалъ Спаситель своимъ избраннымъ отъ міра ученикамъ* (XVI, 33): *не любите міра, ни яже въ міръ, еще кто любитъ міръ,*

нвсть любви Отци въ немъ; яко все еже въ міръ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житнейская, нвсть отъ Отца, но отъ міра сего сть. И міръ переходитъ и похоть его, а творяи волю Божию, пребываетъ во вѣки (1 Іоанна II, 15—17). Такой возвышенный духъ христіанства не могъ не уносить искреннихъ послѣдователей Христова ученія далеко за предѣлы земныхъ стремленій и привязанностей,—далеко изъ той области ежедневныхъ заботъ и мелкихъ страстей, въ какой привыкъ жить *родъ людской, лукавый и прелюбодѣйный* (Матѣ. XII, 39). Почему, послѣ Апостоловъ весьма многіе изъ учениковъ ихъ, желая полнѣе и совершеннѣе исполнять заповѣди Евангельскія о *единолѣ на потребу*, обрекали себя на одинокую, уединенную отъ мірскаго суеты жизнь, въ дѣвствѣ, трудахъ и подвигахъ молитвы, поста, бдѣнія и т. п. Таковыя назывались обыкновенно *аскетами или подвижниками* 1). Впрочемъ, въ первые вѣка подвижничество еще не было опредѣлено и приведено въ однообразіе извѣстными правилами и постановленіями, а располагаемо было по благочестивому произволенію избравшихъ его; въ третьемъ вѣкѣ подвижничество уже явственно отдѣлилось отъ міра не только по духу, но и по внѣшности. «Домогавшіеся вышнихъ совершенствъ», стремясь къ большому безмолвію, начали оставлять одинокія свои жилища, находившіяся близъ селеній и городовъ, удаляться общества, и, по примѣру древнихъ пустынножителей—Иліи, Елисея, другихъ пророковъ и Іоанна Предтечи, стали селиться въ пустыняхъ, чтобы здѣсь, вдали отъ шума и соблазновъ міра, безъ развлеченія упражняться въ подвигахъ благочестія и удобнѣе достигать высшей степени духовнаго совершенства 1). Изъ числа таковыхъ совершенныхъ, отъ сего, такъ сказать, плодоноснаго корня произрасли цвѣты и плоды св. анахоретовъ (отшельниковъ или монаховъ — отъ уединенной, одинокой жизни). Основателями такого образа жизни были, какъ извѣстно, св. Павелъ Фивейскій († 343 г.) и Антоній († 358 г.), которые, по желанію большаго пресціянія въ божественномъ созерца-

1) Что монашество получило начало въ первые времена христіанства, это ясно видно изъ сочиненія Діонисія Арсинагита о Церковной Іерархіи, гдѣ подробно описывается и обрядъ монашескаго постриженія, торжественно совер-

Христос и ученики

шаемаго священникомъ въ церкви. Ученикъ апостольскій — Ареопagitъ, раздѣли христіанъ на три разряда, или степени, по духовному совершенству: очищаемыхъ, просвѣщаемыхъ и усовершенующихся. говорить, что „священное сословіе монаховъ есть чинъ вышій всѣхъ усовершенующихся. Наставники наши почтили ихъ свѣщ. наименованіями, шше называли ихъ еерепевтами, а пвые монахами (удиненными, какъ по чистому ихъ служенію Богу, такъ и по уединенной и нераздѣлительной жизни, которая ихъ святыми соединеніями вещей раздѣлимыхъ приводитъ къ Боголюбному совершенству и Богоподобному единству“... Церк. Иерарх. гл. VI, стр. 109—110 Моск. 1786 г.

Филопъ, современникъ Апостоловъ, о сословіи христіанскихъ аскетовъ, существовавшихъ въ его время, такъ пишетъ: „аскеты называются еерепенными или потому, что души приходившихъ къ нимъ, подобно врачамъ исцѣляютъ отъ злыхъ страстей или по причинѣ чистаго и искреннаго ихъ служенія Богу (θεραπεύτης) значить и врачъ и служитель). Начиная любознательствовать прежде оставляютъ свои стѣжания, потомъ, отвергнувъ все жителескія пожеланія и удалившись изъ городовъ, обитаютъ въ пустыняхъ, вертекахъ и горахъ, зная, что обращеніе съ незаконными вредно и губительно, съ ревностно подражаютъ житію пророческому“.— Святый Антоній Великій, въ жизнеописаніи Антонія Великаго, говорить, что хотя прежде Антонія не было пустынножителей, но монахи были, которые строили себѣ монастыри (т. е. уединенныя отдѣльныя жилища, всякій для себя) на поляхъ близъ городовъ и селеній см. о монастырѣ. Еп. Петра 8—10 стр.

Подробнѣе пишетъ о происхожденіи монастыря пр. Іоаннъ Кассіанъ, такъ: „въ началѣ христіанской вѣры хотя не многіе, но самыя благочестивыя пошли или монаховъ, и именно заимствовавшіе образъ жизни отъ евангелиста Марка, бывшаго первымъ епископомъ въ Александріи, и не только обладавшие тѣми свойствами, какими, по сказанію двинній апостольскихъ (VI. 32, 34), отличалась первенствующая церковь, но еще домогавшіеся вышнихъ совершенствъ. Удалились въ уединенныя мѣста близъ городовъ, или вели столь воздержную жизнь, что возбуждали изумленіе въ иноверцахъ, потому что съ такимъ усердіемъ занимались чтеніемъ Св. Писанія, молитвою и рукодѣліемъ, что и алкавше не прерывали воздержанія, развѣ уже на второй или третій день принимали пищу, и то, не столько по желанію наслажденія, сколько по требованію нужды“.*Писанія Преподобнаго Іоанна Кассіана Римлянина. Москва, —1877 г. гл. V, страница.*

1) О монастырѣ. Епископа Петра, 2-е изданіе, Москва 1885 г. 12 стр.

ніи, удалились въ сокровенныя мѣста пустыни¹⁾. Ихъ примѣру послѣдовало множество ревнителей подвижничества и пустыни Египта, Сирии и Палестины наполнились цѣлыми тысячами отшельниковъ, просіявшихъ дивными подвигами благочестія. Одновременно съ отшельничествомъ распространялось и общежительное иночество, «началовождемъ» его былъ преп. Пахомій († 348 г.), которымъ начертанъ и уставъ для сего рода иночества, ставшій потомъ нормою для всѣхъ общежительныхъ обитателей не только востока, но и запада. Особенный авторитетъ этому уставу придавало то обстоятельство, что онъ былъ данъ св. Пахомію въ откровеніи отъ ангела²⁾.

Такимъ образомъ, основанное на совѣтахъ евангельскихъ и духъ истиннаго благочестія христіанскаго, подвижничество получило свое точное и опредѣленное выраженіе въ «откровенномъ» уставѣ и правилахъ св. Пахомія³⁾. Послѣдующіе основатели и распространители иноческаго житія—св. Василій Великій, преп. Кассіанъ и другіе, посѣтивъ монастыри Египта на мѣстѣ убѣдились въ высокой важности и полной примѣнимости для иночества мудраго начертанія правилъ св. Пахомія и положили ихъ въ основаніе и для устроенныхъ на своей родинѣ обитателей. Такъ, нѣсколько позже Василія Великаго пр. Кассіанъ (около 390 г.) посѣтилъ восточ-

1) Тамъ же 12 стр. примѣчаніе.

2) Господь открылъ Пахомію во время одной изъ пламенныхъ молитвъ въ наиболее уединенномъ мѣстѣ (это было въ Тивсѣ, какъ называлась или какаа либо мѣстность пустыни, или островъ на Нилѣ, недалеко отъ города Сіены): «здесь утверди пребываніе свое, Пахомій, и устрой монастырь, ибо придутъ къ тебѣ многіе, возжаждя содѣлать свое спасеніе въ иноческомъ образѣ житія, ты будешь руководить ихъ по правилу, которое я тебѣ тотчасъ пошлю. Въ то же мгновеніе предсталъ ему ангелъ въ одеждѣ великаго иноческаго образа,—въ ехіяхъ и вручить ему мѣдную дщцу, на которой были начертаны правила постыческаго житія для имѣвшихъ погустить подъ его руководство“.*Древ. Иноч. уставы еп. Теофаня, —14 стр. Что было написано на дщцѣ, о томъ см. у Палладія, еп. Еленопольскаго, — въ Лавсанкѣ, гл. 34. 114—117 стр.*

3) Гдѣ и находимъ черты, отчасти характеризующія подвигъ юродства: пришло 17-е: «возненавидимъ міръ и все, что въ мірѣ; возненавидимъ и всякій тѣлесный покой; отвергнемся отъ самой жизни, да Богови жить возможемъ“: 19-е: «будемъ алкать, жаждать, наготствовать, бдѣнно бодрствовать и изъ глубины сердца воздыхая, проливать слезы во время псалмопѣвній и молитвъ“.*Краткія наставленія преп. Пахомія, стр. 154; см. Древніе Иноч. Уставы.*

ные монастыри, гдѣ оставался 7 лѣтъ среди великихъ подвижниковъ восточныхъ; возвратившись на родину (на югѣ Франціи), устроилъ два монастыря мужской и женскій со «введеніемъ въ нихъ чина, ка кой видѣлъ онъ въ восточныхъ монастыряхъ». Западныя епископы и настоятели монастырей, желая по образцу восточныхъ завести у себя или преобразовать существующіе, просили Кассіана письменно изложить «порядки и требованія» внутренней жизни иноковъ, какіе видѣлъ онъ на востокѣ. Написанная имъ по сему случаю книга и служить отъ вѣтомъ «на сіе благое желаніе любителей и читателей истиннаго иночествованія»: «постараюсь, сколько можно върѣше, пишетъ преп. Кассіанъ, изобразить монастырскіе уставы и правила святыхъ отцевъ, какіе видѣлъ въ монастыряхъ, древле основанныхъ въ Египтѣ и Сиріи»¹⁾. Въ этомъ уставѣ находимъ нѣкоторыя предписанія, могущія имѣть отношеніе къ св. юродству: глава 41: «среди братства будь какъ глухой, немой, слѣпой и бѣдй. Чтобы все это (указанное въ предыдущихъ главахъ Устава)—шло у тебя успешно и ты навсегда могъ пребыть подъ этимъ закономъ духовнымъ, необходимо тебѣ соблюдать среди братства слѣдующіе три правила. По слову Псалмопѣвца: *азъ же яко глухъ не слышалъ, и яко немъ, не отверзая устъ своихъ* (Пс. 37, 14). будь и ты будто глухой, немой, слѣпой, чтобы кромѣ того, кто по достоинству будетъ избранъ тобою для подражанія, ты ни на кого не смотрѣлъ, и чтобы ты ни увидѣлъ въ другихъ не совѣмъ назидательное для тебя, такъ себя имѣй, будто не видѣлъ того, какъ не видишь слѣпой... Если тебя будетъ кто злословить, или другимъ какимъ образомъ обижать, — будь неподвиженъ и не противотвѣчай ничего, будто немой, поя въ сердцѣ своемъ слѣдующій стихъ Псалмопѣвца: *рѣкъ, сохраняю пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ; положихъ устомъ моимъ хранило, всегда востати грѣшному предо мною. Омлъмъхъ и смрихся и умолчашъ* (Псал. 38. 2. 3). — Впрочемъ есть еще и четвертое, что тебѣ надлежитъ воздѣ-

1) Древніе Иночскіе Уставы, см. стр. VI предисл. 513 и 518 стр.

лать *наче всего и что должно быть уграшеніемъ и завершеніемъ предыдущихъ трехъ*, именно—*сдѣлай себя, по слову Апостола (1 Кор. III. 18), буимъ въ мръ селъ, да премудръ будешь*: не разбирай и не осуждай ничего изъ того, что тебѣ будетъ приказано: но со всею простотою и вѣрою всегда изъявляй послушаніе, то только почитая святымъ, спасительнымъ и мудрымъ, что указываетъ тебѣ законъ Божій или опытность старца¹⁾.

Въ «Наставленіи Монахамъ» великаго Сирійскаго учителя, преп. Ефрема, находимъ также ясныя указанія на существенныя черты подвига юродства, съ указаніемъ въ то же время, — что содержаніе этихъ наставленій онъ заимствовалъ изъ богодухновенныхъ Писаній». Вы, превозжелѣнные и возлюбленные братія, не разъ просили меня, говоритъ преп. Ефремъ Сирій, предложить вамъ слово о томъ, какъ надлежитъ вести себя удалившемуся отъ плотскихъ удовольствій, отъ образа жизни обычнаго вѣку сему, какія надлежитъ имѣть у себя нравственныя постановленія, а также, кака я цѣль пути къ высшей добродѣтели, *что есть воля Божія благая и удобная и совершенная* (Рим. XII, 2), какое поприще и какой подвигъ предлежатъ желающимъ достигнуть совершенства, и поспѣшающимъ войти въ мѣру духовнаго возраста: и чтобы не продолжать вдалѣ слова, сіе и все къ сему относящееся просили вы меня начертать вамъ письмен-

1) Уставъ преп. Іоанна Кассіана. Книга четвертая. О порядкахъ принятія въ обитель отречающихся отъ міра. И объ обученіи новоначальныхъ. См. тамъ же стр. 583—584. Также Писанія преп. Кассіана, гл. 41, 41—42 стр. Въ послѣдней—43 главѣ своего Устава пр. Кассіанъ говоритъ: «чтобы все изложенное доселѣ (въ предыдущихъ главахъ) пространною рѣчью, удобнѣе впечатлѣлось въ сердцѣ твоёмъ и крѣпче привилось къ чувствамъ твоимъ, — сдѣлай краткій перечень всего, помощью котораго можешь ты объять памятью вкратцѣ всю полноту заповѣдаій. Выслушай же въ немногихъ словахъ весь порядокъ, какимъ безъ труда и безъ затрудненій можешь ты востечь на самый верхъ совершенства. Начало нашего спасенія, какъ и мудрости, есть страхъ Божій. Отъ страха Божія рождается спасительное сокрушеніе. Отъ сокрушенія происходитъ отреченіе отъ міра, обнаженіе себя отъ всѣхъ вещей и презрѣніе къ нимъ. Отъ обнаженія сего произрастаетъ смиреніе. Смирненіе производитъ умерщвленіе своихъ похотѣй. Умерщвленіемъ своихъ похотѣй некореняются и иссушаются всѣ страсти. Черезъ изгнаніе страстей размножаются и возрастаютъ добродѣтели. Размноженіемъ добродѣтелей приобретаея чистота сердца. Чистотою же сердца приобретаея совершенство Апостольскія любви». Тамъ же 584 страница и 42—43 страницы Писанія преподобнаго Кассіана

но къ всегдашнему памятованію душеполезнаго поученія. Посему и я, видя великое ваше стремленіе къ добродѣтели, и замѣчая желаніе взойти на высоту добродѣтели, не полѣнился сдѣлать вкратцѣ напоминаніе, заимствовавъ содержаніе мыслей изъ самыхъ богодухновенныхъ Писаній, а вмѣстѣ, въ подтвержденіе несомнѣнной вѣры, приложилъ и самыя свидѣтельства Писанія, чтобы не подумалъ кто, будто бы иное говорю самъ отъ себя, и не сталъ подозрѣвать, будто бы мудрствую съ крайней суетностію».

Затѣмъ послѣдовательно излагаетъ свои разсужденія въ порядкѣ поставленныхъ имъ положеній и между прочимъ пишетъ: «какъ въ мірѣ живущій сладострастно и всецѣло предавшійся грѣху съ великимъ удовольствіемъ удовлетворяетъ неестественнымъ страстямъ безчестія распутству, блуду, пѣнству, любостыжательности и прочимъ порокамъ, по долговременному навыку, предается съ наслажденіемъ и съ великимъ удовольствіемъ какъ естественнымъ: такъ совершенный христіанинъ всякую добродѣтель и всѣ превосходящія природу нашу совершенныя плоды духа, какъ-то: истинную и неизмѣнную любовь и миръ, долготерпѣніе и благодать, кротость и терпѣніе, вѣру и смиренномудріе, и прочія дѣла истинной добродѣтели производитъ съ услажденіемъ и духовнымъ удовольствіемъ, какъ естественныя и обыкновенныя, уже безъ утомленія и легко, не борясь болѣе съ грѣховными страстями, какъ совершенно искупленный Господомъ, какъ сподобившійся содѣлаться жилищемъ Его, и возбуждаемый къ добродѣтелямъ божественною силою, въ радованіи и веселіи отъ Святаго и достопоклоняемаго Духа пріобрѣтшій совершенный преобладающій въ сердцѣ миръ Христовъ».

Такой человѣкъ, по причинѣ дѣйствительнаго вселенія въ немъ Святаго Духа, не только подобное дѣланіе добродѣтелей совершаетъ уже съ великимъ наслажденіемъ, безъ утомленія, но легко и удобно воспріимлетъ на себя труднѣйшее, какъ то: страданія Христовы, укрѣпляемый Духомъ съ великимъ вожделѣніемъ, давая обѣтъ пострадать со Христомъ. И какъ другіе, въ мірѣ живущіе по плоти, съ великимъ удовольствіемъ и веселіемъ почи-

таютъ для себя вожделѣннымъ быть въ почестяхъ, въ славѣ, принимать поклоненія, обогащаться, роскошествовать, начальствовать и имѣть другія наслажденія жизни сей: такъ сподобившіеся достигнуть исчисленныхъ выше добродѣтелей христіанскихъ, въ удовольствіи и духовномъ услажденіи, съ радостію и веселіемъ, по блаженной надеждѣ воскресенія, безъ утомленія готовы, или лучше сказать признаютъ для себя вожделѣннымъ, быть въ нагошѣ, въ голодѣ, терпѣть всякое злостраданіе ради Господа, подвергаться ненависти, безчестію, зловѣрью, бичеванію, стать какъ бы отребіемъ міра сего, и наконецъ, быть распинаемыми и принимать на себя всякое юродство. Ибо слава христіанъ, ихъ богатство и забавы, и сокровища, и похвала—Христовы страданія, по Апостольскому изреченію: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ* (Рим. V, 3), и по сказанному самимъ Господомъ: *блаженни есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ вы челоуѣцы, и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуце Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѣ. V, 11, 12). И еще блаженный Павелъ взываетъ объ удовольствіи, какое находилъ онъ въ страданіи Христа, говоря: *Сладциъ убо похваляю въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова. Тѣмъ же благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницѣхъ: егда бо немощную, тогда силенъ есмь* (2 Кор. XII, 9, 10); и еще: *якоже Божіи слуги въ терпѣніи мнози* (2 Кор. VI, 4). Ибо самое полное вселеніе въ нихъ Духа Святаго, и нетлѣнное, дѣйствительное утѣшеніе будущею, безсмертною надеждою воскресенія пріуготовляетъ ихъ къ тому, что страданія Христовы пріемлютъ съ самою сладостною увѣренностію и съ великимъ услажденіемъ. Таковъ истинно прилѣпившійся къ Господу и содѣлавшійся *единъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. VI, 17). Ибо дѣйствительностію Духа и святостію добродѣтелей могутъ быть разсѣяны нечистыя страсти и внушенія злобы, и тогда легко и удобно принять на себя страданія Христовы¹⁾.

¹⁾ Твор. Еврема Сирина. Часть V, стр. 29—30; 64—67.

При всемъ этомъ и въ Св. Писаніи находимъ прямыя указанія на существенныя черты юродства о Христѣ. Такъ, особенно въ посланіяхъ ап. Павла къ Коринѳянамъ съ ясностію указываются тѣ черты особенностей, какими характеризуется сей христіанскій подвигъ. Въ писаніяхъ Апостола языковъ ясно говорится, что его жизнь и дѣятельность, равно какъ и другихъ Апостоловъ представляютъ осуществленіе тѣхъ же высшихъ требованій, какія видимъ и въ подвигѣ юродства: *мы буйи Христа ради, мы немощны и безчестны... позоръ быхомъ міру и ангеломъ и человекомъ. До нынѣшняго часа и алчемоу, и жаждемоу, и наготуемоу, и страждемоу, и скитаемоу, укоряемоу, благословляемоу; гонимы, терпимъ; хулимъ, утѣшаемоу: якоже отрѣби міру быхомъ, всѣмъ поправіе*¹⁾ (1 Кор. IV, 9—13). Въ 11 главѣ, 2 посла-

¹⁾ *Мы буйи Христа ради* — „проповѣдуемъ то, что невѣрные признають буйствомъ“ (Теодоритъ). За нашу проповѣдь о Христѣ Господѣ расвятоу всѣ почитаютъ насъ безумными. И пусть ихъ; мы на это не смотримъ. ибо увѣрены, что это безуміе есть истинная мудрость для тѣхъ, которые съ вѣрою принимаютъ слово наше. Вы это знаете по опыту. Приняли вы слово наше, увѣровали, прильпились къ Господу о стали мудры о Христѣ, — мудры истинною мудростію, которой никто въ мірѣ не имѣетъ кромѣ върующаго. Смотрите, какъ для васъ все стало ясно; знаете вы, что есть Богъ, что міръ сей, какъ онъ начался и чѣмъ кончится, что человекъ и какая цѣль его, откуда зло и какъ уврачевать его. Кто въ мірѣ знаетъ это такъ, какъ вы?!. (Толкованіе перваго посланія св. ап. Павла къ Коринѳянамъ еп. Теофана. Москва 1882 г., 158 стр.). *Мы немощны и безчестны*. Мы немощны и безчестны Христа ради въ томъ отношеніи, что насъ гонять изъ города въ городъ, изъ веси въ весю, бьютъ, сажаютъ въ темницы: никакой въ насъ внѣшней силы нѣтъ, какъ нѣтъ и внѣшней мудрости. Какая уже тутъ честь; когда всюду насъ считаютъ безумными. Но тѣмъ, которые послѣдуютъ нашему ученію, мы подаемъ нравственную крѣпость, которой никакая мірская сила преодолѣть не можетъ. *До нынѣшняго часа и алчемоу, и жаждемоу, и наготуемоу*. Не то, чтобы ходили безъ одежды, не пили и не ѣли, но одѣваемся, какъ пришлось, не пиѣмъ въ запасъ: одежду, кромѣ той, которую носимъ, по заповѣди Господа; ѣдимъ и пьемъ, тоже какъ случится; отъ того нерѣдко бываемъ безъ пици и питія. Апостолъ хочетъ сказать, что удовлетвореніе этихъ первѣйшихъ потребностей тѣлесныхъ у нихъ самое скудное, и не составляетъ предмета ихъ заботы и попеченій, а совершается, какъ Богъ пошлетъ.

Одежда и пища намъ достаются скудными, а жилища совсѣмъ не имѣемъ, не имѣемъ гдѣ главу поклонить; *страждемоу и скитаемоу*. *Страждемоу* — *калѣцѣнѣва*, выражаетъ, когда выталкиваютъ кого изъ дому. *Скитаемоу* *αταξομενοι*, остановиться негдѣ на ночлегъ, или для отдыха. всюду насъ гонять, толкають, мы и переходимъ съ мѣста на мѣсто.

Какая тяжелая доля! Но въ увѣренности, что Богъ такъ судилъ, и въ увѣжденіи, что иначе невозможно быть устройству спасенію міра, чего ради и самъ Господь не имѣлъ гдѣ главу поклонить, — мы всемоу свою долю благодушно и съ радостію, — не только не ропщемъ, но и радуемся, — и тѣмъ, которые намъ дѣлають зло, воздаемъ добромъ“ (Св. Златоустъ). *Укоряемоу*.

нія къ Коринѳянамъ, которая (въ послѣднихъ своихъ стихахъ 23—27) можетъ быть разсматриваема какъ сокращенное его жизнеописаніе, Апостолъ говоритъ, что жизнь его отъ начала до конца была преисполнена великихъ бѣдствій, разнаго рода лишеній и скорбей: *я гораздо больше (прочихъ Христовыхъ служителей) былъ въ трудахъ, больше въ ранахъ, больше въ темницахъ и многократно при смерти. Отъ Иудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сороку ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпѣлъ кораблекрушеніе, ночь и день пробылъ въ глубинѣ*

благословляемоу; юними, терпимъ; хулимъ, утѣшаемоу. Насъ бранять, злословить, а мы благословляемъ, благія имъ рѣчи говоримъ; насъ гонять по неприязни, но мы сносимъ то благодушно, безъ сердчанія, не нарушая любви, и не допуская движеній отищенія, насъ хулить — *βλασφημομενοι*, — влннуть, не только презрительно поносить, но какъ на непотребныхъ гнѣвъ небесъ призывать, — а мы утѣшаемоу, — *ταραξομενοι* молимъ, подразумевается, Бога: они на насъ кару съ неба призываютъ, а мы просимъ имъ отъ Бога всякой милости.

Якоже отрѣби; — *περιχαίραρα* *міру быхомъ*; т. е. ничѣмъ не отличаемся отъ того, что въ домахъ выбрасывается, какъ излишнее, овощи ли то, или очистки, или другое что подобное. Такъ маловажнымъ считаетъ насъ большая часть людей“ (Теодоритъ). Какъ соръ, который выметаютъ изъ дома на дворъ, а потомъ и со двора, такъ насъ сметаютъ отовсюду, желая и изъ міра выместъ. *Всѣмъ поправіе* *περιφρονα*, — этотъ же соръ, выброшенный и всѣми попираемый, безъ всякой опаски и всякаго вниманія. Тамъ же 158—161 стр.

Святый Златоустъ, изъясняя эти слова Апостола къ Коринѳянамъ, прибавляетъ: „да не подумаетъ кто-нибудь, что св. Павелъ говоритъ это (1 Кор. IV гл. 12 стр.) только о прошедшемъ; нѣтъ до нынѣшняго часа, и алчемоу, и жаждемоу, и наготуемоу. Видишь ли, что такова должна быть вся жизнь христіанъ, а не одинъ или два дни. Ибо изъ борцовъ, кто увѣнчанъ за побѣду въ одной только борьбѣ, тотъ не удостоивается вѣнца, если падеть въ другой борьбѣ. — И не только алчемоу, и страждемоу, и скитаемоу, и труждаемоу, но что еще выше, — никто не можетъ сказать, чтобы мы негодовали на это, или обвиняли гонителей; напротивъ, мы воздаемъ оскорбителямъ нашимъ добромъ за зло. Ибо не то важно, чтобы страдать, — это есть общій участь всѣхъ, — но чтобы страдал, не роптать и не досадовать.

Мы не только не ропщемъ, говоримъ, но и радуемся. Доказательствомъ служить то, что дѣлающимъ зло, мы воздаемъ добромъ. А что они дѣйствительно такъ поступали, послушай далѣе: *укоряемоу, благословляемоу; юними, терпимъ; хулимъ, утѣшаемоу; якоже отрѣби міру быхомъ, т. е. буйи Христа ради*. Ибо кто терпитъ зло, и не мститъ, и не оскорбляется, тотъ у внѣшнихъ (язычниковъ) почитается безумнымъ, безчестнымъ и слабымъ“ (Бесѣды Иоанна Златоуста на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ. С.-Петербургъ 1858 г. 226-7 страница).

Апостолъ буйимъ, немощнымъ и худороднымъ назвалъ по мнѣнію человѣческому; ибо истинное буйство (безуміе) не неопытность въ словѣ, но неистинныя вѣры, и немощность, и худородство — не нищета, но нечестіе и порочность нравовъ. Богъ же вселескихъ неуценными побѣдилъ ученыхъ, нищими — богатыхъ, и рыбаками удвоилъ вселенную“ (Теодоритъ). Толков. на 1-е посл. къ Коринѳ. Еписк. Теофана, 70 страница.

морской; много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ, въ опасностяхъ отъ другихъ народовъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ между лжебратьями; въ трудѣ и въ измуреніи, часто во бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ...

Слово крестное, говоритъ тотъ же благовѣстникъ Христовъ, погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ сила Божія, не обу ли Богъ премудрость мира сего? Понеже бо въ премудрости Божіей не разумъ миръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти върущихъ (1 Кор. 1, 18—21). Буяя міра избра Богъ, да премудрѣя посрамитъ и немоцная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая, и худородная міра и униженная избра Богъ (27, 28). Тотъ же Апостоль обращается съ увѣщаніемъ къ Коринѣянамъ: никтоже себе да прельщаетъ: аще кто мнитъ мудръ быти въ васъ, въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ. Премудрость бо міра сего, буйство у Бога есть (III, 18—19). Хотя эти увѣщанія ап. Павла, обращенныя къ христіанамъ богатаго и многолюднаго Коринѣа, у которыхъ была въ большой чести и уваженіи языческа я ученость, имѣютъ тотъ прямой и непосредственный смыслъ, чтобы Коринѣяне не увлекались *мнимою мудростію* и, предавъ себя водительству вѣры въ силу Креста (Распятаго на крестѣ), въ глубокомъ смиреніи сердца искали подкрѣпленія и силы въ благодати; но несомнѣнно также, что эти выраженія Апостола имѣютъ и болѣе общее приложеніе, — что для пріобрѣтенія духовной мудрости необходимо сознаніе ограниченности и несовершенствъ нашего разума, — смиренное уничтоженіе себя предъ Богомъ; но это внутреннее уничтоженіе «кичливаго разума» (1 Кор. VIII, 1) нашего не исключаетъ и самоуничтоженія внѣшняго, подобно тому, какъ внутреннее (въ сердцѣ) отверженіе богатства, заповѣдуемое Евангеліемъ, не исключаетъ и внѣшняго отверженія, на какое рѣшались многіе изъ святыхъ.

II.

то такое буйство или юродство о Христѣ по существу? «То, скажемъ словами св. Зла-тоуста, когда мы смиряемъ собственные помыслы, безвременно возносящіяся; когда упраздняемъ свой умъ отъ внѣшняго ученія, чтобы онъ былъ ничѣмъ не занятъ и очищенъ — для принятія божественнаго ученія, когда должно будетъ принять его: ибо что Богъ открываетъ, то надобно не испытывать, а принимать вѣрою» ¹⁾, потому что разумъ человѣческій въ дѣлѣ вѣры, предоставленный самому себѣ и непривыкшій прислушиваться къ голосу Откровенія, какъ къ голосу разума Божія, или впадаетъ въ заблужденія и нерѣдко грубыя или же совсѣмъ отвергаетъ высокія, чистыя и спасительныя истины: такъ какъ уму онѣ не подь силу, если онѣ не знакомъ съ ними въ самомъ ихъ источникѣ — изъ Божественнаго Откровенія. Дѣйствуя независимо отъ Откровенія, разумъ нашъ судитъ *кичливо* и разрушительно, вноситъ въ область божественныхъ истинъ такія догадки и соображенія, которыя не только не уясняютъ, но часто совсѣмъ затемняютъ тайны откровенія. «Въ своей независимой отъ слова Божія, дѣятельности религиозной и нравственной онѣ всегда своекорыстень и мечтателень и боль-

¹⁾ О непостижимомъ противъ Аномеевъ, слово 2-е. Христ. Чтеніе 1841 г., ч. 4-я, стр. 38—39.

шею частию является рабомъ собственныхъ предубѣжденій и внушеній плоти»¹⁾. Чему доказательствомъ служить «со всею своею мудростию» древній міръ, который, имѣя предъ собою постоянно открытую книгу природы, проповѣдающей о премудрости Бога Творца (Дѣян. XIV, 17; Римл. I, 20), и слыша внутри себя не заглушенный голосъ совѣсти, постоянно вѣщающій имъ о Богѣ, премудромъ Промыслителѣ міра (Дѣян. XVII, 27, Римл. II, 15),—этотъ міръ при всей своей мудрости (при своемъ умѣ и познаніяхъ) не позналъ Бога; называвшіе себя мудрыми «объюродѣша» и славу четлыннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человеку и птицамъ, и четвероногимъ, и гадамъ, прельстивши истину Божию въ ложь и поклонялись и служили твари вмѣсто Творца (Римл. I, 23, 25); а въ нравственной жизни предались постыднымъ страстямъ (26 ст.). Не только язычники, но и Іудеи, считавшіе себя болѣе другихъ народовъ «вѣдущими истину» о Богѣ и хвалившіеся тѣмъ, что имѣютъ лучшій нравственный законъ,—и они въ своей мудрости неправо разумѣли Бога и заблуждались, не зная Писанія и силы Божіей (Матѣ. XXII, 29), и въ нравственномъ отношеніи многіе изъ нихъ казались людьми праведными, внутри же исполнены были лицемерія и беззаконія (XXIII, 28). Но нельзя сказать, что таковъ умъ былъ только до-христіанскаго человѣка, а мыслители въ мірѣ христіанскомъ, въ области самостоятельнаго познанія богооткровенныхъ истинъ, достигли чрезвычайныхъ успѣховъ. Въ мнимыхъ успѣхахъ современныхъ умствованій въ области религіозной мы видимъ новое доказательство, что умъ и христіанъ, если онъ не утверждается на основаніи, положенномъ отъ Бога, чрезъ Пророковъ и Апостоловъ (Ефес. II, 20), не созидаетъ ничего прочнаго и не приноситъ для вѣры и Церкви ничего утѣшительнаго. Дѣйствительность съ ясностію говоритъ, что нѣкоторые изъ христіанъ, при полномъ свѣтѣ истины, не видятъ ея и уходятъ отъ

¹⁾ Страницы 1862 г. ч. 3; стр. 386.

нея, потому что *осутились умствованіями своими и омрачилось неразумное ихъ сердце* (1 Рим. 1, 22).

Итакъ, если *разумъ обновленнаго человѣка* (Ефес. IV, 23) нерѣдко погрѣшаетъ въ вопросахъ вѣры, въ исканіи истины, чему явнымъ доказательствомъ тѣ безчисленныя заблужденія, какія видимъ въ христіанскомъ мірѣ, то тѣмъ болѣе разумъ естественнаго человѣка въ исканіи и познаніи Бога склоненъ, какъ мы видѣли, удаляться отъ указаннаго ему пути самимъ Творцемъ, почему *Богъ благоволилъ*, по слову Апостола *спасти міръ буйствомъ проповѣди*,¹⁾ (1 Кор. 1, 21) «впрочемъ буйствомъ не дѣйствительнымъ, но кажущимся»²⁾, ибо истинное буйство (безуміе) не неопытность въ словѣ, но *неимѣніе вѣры*³⁾,—и для принимающихъ его съ вѣрою это «мнимое буйство» есть *Божія сила и Божія премудрость* (24). «Подобно тому, говоритъ св. Златоустъ, какъ учитель, приказавшій своему ученику слѣдовать туда, куда ведетъ его, когда видитъ, что ученикъ забѣгаетъ впередъ и хочетъ научиться всему самъ собою, то оставляетъ его блуждать и, давъ ему испытать, что онъ самъ собою научиться не можетъ, тогда уже начинаетъ самъ руководить: такъ Богъ въ началѣ повелѣлъ идти путемъ созерцанія тварей⁴⁾; Онъ устроилъ все такъ, чтобы человѣкъ, переходя отъ предметовъ видимыхъ къ Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля, подивись же Творцу ихъ, ибо это великое небо не только Имъ сотворено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произведена Имъ, какъ

¹⁾ Проповѣдь о Распятіи казалась буйствомъ прежде всего потому, что говорила о предметахъ непонятныхъ и странныхъ для обыкновеннаго ума человеческого; потомъ—предлагалась людьми необразованными и неприготовленными къ дѣлу проповѣди (а поручать какое нибудь важное дѣло такимъ людямъ, по общему и обыкновенному смыслу, значило напрасно терять и трудъ и время, и даже вредить дѣлу!); наконецъ, потому что предлагалась въ формахъ не искусныхъ, безъ всякаго краснорѣчія, чѣмъ привыкла облекаться обыкновенная мудрость человѣческая, чтобы сильнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать на умы и сердца людей. *Руководство къ изслѣдательному чтенію книгъ новаго заветъа*. Обзорніе посланій Апостольскихъ и Апокалипсиса. Ивановъ. Петербургъ 1886 года, 183—9 стр.

²⁾ Св. Іоанна Златоуста бесѣды на 1-е послан. къ Коринѣянамъ; 55 стр.

³⁾ Толкованіе 1-го посланія къ Коринѣянамъ еп. Феофана, Москва, 1882 г., 70 страница.

⁴⁾ Бесѣды св. Златоуста на 1-е послан. къ Коринѣянамъ, 73 стр.

И создал Бог зверей земных. И сказал Бог: сотворим человека.
И сотворил Бог человека

ничто. Такъ какъ міръ не хотѣлъ познать Бога посредствомъ этой мудрости, то Онъ научилъ *мнимымъ буйствомъ* проповѣди, не чрезъ сужденіе (соображенія ума), а чрезъ вѣру. Гдѣ премудрость Божія, тамъ нѣтъ нужды въ человѣческой. Ибо сказать, что существо, сотворившее столь прекрасный и столь великій міръ, есть Богъ, имѣющій безпредѣльную и неизреченную силу, это было дѣло сужденій (соображеній) человѣческой мудрости и значило постигать Его посредствомъ ихъ; прежде можно было предаваться и разсужденіямъ, пользоваться и внѣшнею мудростію, при руководствѣ природы, а теперь *кто не будетъ буйнымъ*, т. е. не оставитъ всякія разсужденія и всякое мудрованіе и не предастся вѣрѣ, тотъ не можетъ спастись ¹⁾. «Теперь нужна *простая вѣра*: ее вездѣ надобно искать и предпочитать внѣшней мудрости» ²⁾. Ибо вѣра Христова, какъ живая

¹⁾ Тамъ же 53 и 73 стр.

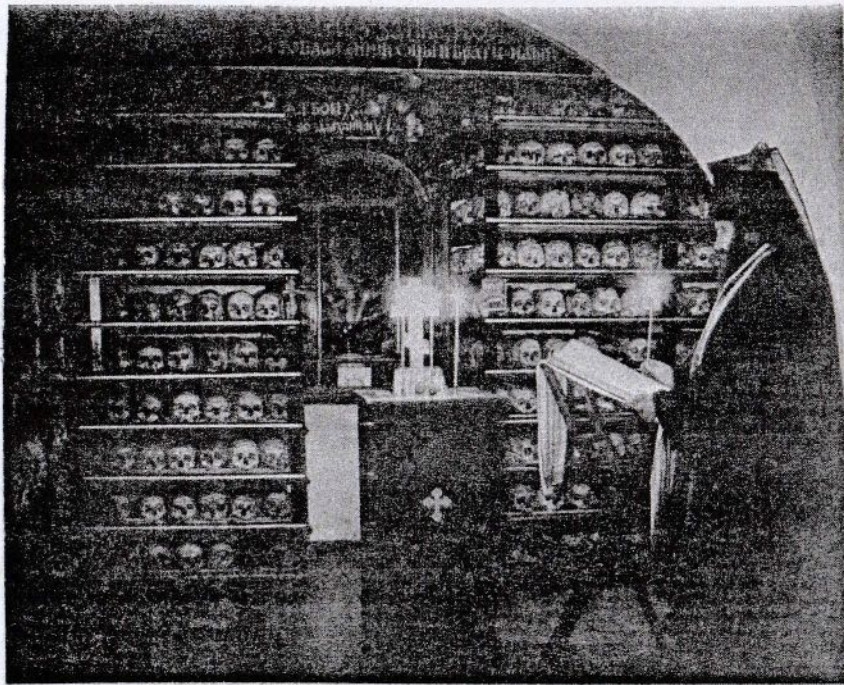
²⁾ Тамъ же 54 стр.

преданность Богу всѣхъ силъ души, *сама учитъ* (1 Иоан. II, 20, 27) христіанина безъ колебанія принимать непостижимыя Божественныя истины и, тогда какъ для естественной мудрости онѣ кажутся безуміемъ,—всякій *върующій во Христа* (Рим. I, 16) исповѣдуетъ эти истины, какъ *Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. I, 24). Христіанская вѣра, какъ благодатная сила, творитъ чудеса, ³⁾ чего естественная мудрость сдѣлать не можетъ. «Въ мудрому она совершаетъ то малозамѣтное, но за то непрестанное чудо», что каждый христіанинъ ни во что вмѣняетъ собственную мудрость, покорно преклоняется предъ неисповѣдимыми судьбами промысла Божія (Быт. XXII гл.), смиренно исповѣдуетъ немощность человѣческой мудрости, для постиженія тайнъ Божественной премудрости (Исх. III и IV гл.; Евр. XI, 23—29).

Аще кто мнитъся мудръ быти въ васъ, въ вѣцѣхъ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ (1 Кор. III, 18). «Мнящійся быти мудрымъ въ вѣцѣхъ семъ, стань безумнымъ, чтобы быть премудрымъ,—разумѣется, истинно или предъ Богомъ.—Кто это мудрый въ вѣкѣхъ семъ? Всякій, мудрствующій не потому, какъ Богъ повелѣлъ въ Откровеніи, а какъ вещи кажутся по его собственному измышленію. «Апостоль разумѣетъ здѣсь мудрость лишенную благодати Духа, водящуюся одними человѣческими помыслами» (Феодоритъ). Эту мнимую мудрость опровергая, Апостоль говоритъ: всякій такой *буй да бываетъ*, т. е. прежде всего пусть сознаетъ самъ себя, что не имѣетъ никакой мудрости; потомъ и самую мудрость мнимую пусть признаетъ не мудростію, а пустымъ призракомъ мудрости; и затѣмъ пусть приметъ *и ученіе и образъ жизни*—такіе, которые и самъ онъ прежде считалъ *буйствомъ*, и всѣ которые одинаковаго съ нимъ настроенія, и считали и считаютъ *буйствомъ*,—такимъ—буйимъ пусть явится предъ лицомъ всѣхъ мудрыхъ въ вѣцѣхъ семъ. *Буйимъ быти* значитъ и самого себя сознать таковымъ по *внѣшней мудрости*, и другіе чтобы начали считать его *такимъ*, потому что онъ во *всѣхъ перемѣнился*. Не отстать только отъ внѣшней мудрости, но и пристать къ буйству проповѣди заповѣдуетъ Апостоль. А такой не можетъ обойтись безъ того, чтобы его не

³⁾ Мате. XVII, 20; XXI, 22; Иоан. XIV, 12; Дѣян. III, 16; Евр. XI гл. и др.

ноносили, какъ буюго: вѣруеть въ Распяго, раздаеть ильнїе, умерщвляетъ плоть, ночи проводитъ въ молитвѣ; обижаетъ кто,—не защищается; предъ нимъ красоты въ разныхъ видахъ, а онъ въ нихъ вкуса не находитъ: всегда о чемъ-то думаетъ и чаеть себѣ того, чего не видитъ ни онъ и никто другой. По мудрости вѣка сего—это всякаго осужденія достойное буйство¹⁾.

Фрон. Молитва в крестнице.

¹⁾ Толкованіе еп. Феодана на 1-е посланіе къ Коринтянамъ, 131—133 стр. Св. Златоустъ, изъясняя эти слова (1 Кор. III, 18) Апостола говоритъ: „какъ повелѣваетъ Апостолъ быть мертвымъ для міра (Кол. II, 20), и эта мертвенность не только не вредитъ, но еще приноситъ пользу, содѣлываясь источникомъ жизни: такъ теперь повелѣваетъ быть безумнымъ для міра, указывая намъ въ этомъ истинную мудрость. Безумнымъ для міра бываетъ тотъ, кто презираетъ вѣшнюю премудрость (т. е. излишнюю пылливость и суетное краснорѣчіе) и убѣжденъ, что она нисколько не содѣйствуетъ ему къ принятію вѣры. Посему, какъ ничтога по Богѣ ведетъ къ богатству, смиреніе къ величію, презрѣніе мірской славы къ славі: такъ и это безуміе дѣлаетъ человека мудрѣе всѣхъ; ибо у насъ все бываетъ напротивъ. И для чего онъ не сказалъ: да оставитъ мудрость, но: *буй да бываетъ?* Для того, чтобы какъ можно болѣе унижить вѣшнюю ученость. Ибо не одно и то же сказать: оставь свою мудрость, или будь безумнымъ.... Какъ крестъ, вещь, повидимому, поносная, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ благъ, причиною и виновникомъ

Пусть называютъ меня безумнымъ о Христѣ, говоритъ великій учитель Церкви Вселенской—св. Златоустъ, и этимъ названіемъ я восхищаюсь, какъ вѣнцемъ; потому что это названіе мнѣ обще съ Павломъ, который говоритъ: *мы буй Христа ради* (1 Кор. IV, 10). Это безуміе умнѣе всякой мудрости. Ибо чего не могла обрѣсть вѣшняя мудрость, то совершенно буйствомъ Христа ради: оно прогнало мракъ вселенной, оно ввело свѣтъ познанія¹⁾. Если вѣшняя (естественная) мудрость не открыла ничего тогда, когда можно было изслѣдовать посредствомъ сужденій, то какого успѣха ожидать отъ нея теперь, когда предстоятъ предметы высшіе, когда нужна одна вѣра, а не искусство сужденій? Такъ Богъ показалъ ея безуміе; благоволилъ же спасти буйствомъ, не дѣйствительнымъ, но кажущимся²⁾, такъ-какъ въ этомъ „буйствѣ проповѣди“ сокрыта высочайшая мудрость и Божественная сила, такая мудрость, предъ которою самый великій умъ безумѣетъ, ничего не постигая въ ней. Какъ великій свѣтъ мы называемъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, такъ высочайшая премудрость есть обуяющая умъ мудрость. Этой-го мудрости проповѣдию благоизволилъ Богъ спасти теперь вѣрующихъ. Ибо когда умъ обуяется сею премудростію, то принимать ее уже нечѣмъ, кромѣ вѣры³⁾. Предметъ этой высшей мудрости составляетъ откровене неизслѣдованнаго богатства Христова (Ефес. III, 8), откровене вещей, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготована Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9). Сокровища этой высшей (духовной) мудрости познаются только

неизреченной славы: такъ и кажущееся безуміе дѣлается для насъ виною мудрости. Какъ тотъ, кто худо научился чему нибудь, если не оставитъ всего, не изгладитъ изъ души своей и не представитъ ее чистою для желающаго вновь учить его, не познаетъ ясно здраваго ученія: такъ и при вѣшней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не предашь себя вѣрѣ, подобно простолодину, то не познаешь ничего добраго надлежащимъ образомъ: подобно тому какъ имѣющіе слабое зрѣніе, если, закрывъ глаза, не вѣрятъ себѣ другимъ, а будутъ руководиться своимъ испорченнымъ зрѣніемъ, блуждаютъ гораздо болѣе тѣхъ, которые совершенно ничего не видятъ. „Бесѣды Златоуста“ 167—8 стр.

¹⁾ Противъ Аномесъ 2-е слово. христ. чтеніе 1841 г. ч. 4. 38 стр.

²⁾ Бесѣды Златоуста на 1-е посланіе къ Коринтянамъ. 55 стр.

³⁾ Толкованіе еп. Феодана. 61 стр.

только тѣмъ, кто всѣми силами своего существа довѣряется Слову Божию и живою вѣрою усваиваетъ его себѣ, какъ *Божію силу во спасеніе* (Римл. I, 16; I Кор. I, 18); кто духовнымъ окомъ вѣры видитъ эти сокровища, кто духовнымъ слухомъ вѣры слышитъ о нихъ; въ чьемъ сердцѣ, обновленномъ Духомъ Святымъ, они уже присущи вѣрою (Евр. XI, 1),—познаются, притомъ, по мѣрѣ этой вѣры или возрастанія и опытности человѣка въ жизни духовной: *душевенъ человекъ не пріимлетъ, яже Духа Божія: гордость бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнъ востязуется* (Кор. II, 14); и эта-то духовная мудрость для естественнаго человѣка и есть *буйство*, потому что она можетъ быть достигнута только духовною способностію, которой совсѣмъ лишень естественный человѣкъ. Она для него то же, что живопись для слѣпца, или музыка для глухаго ¹⁾.

Но святой апостоль Павелъ и св. Іоаннъ Златоустъ, такъ обличая ограниченность «внѣшней мудрости», или что то-же естественнаго человѣческаго разума, его притязанія право судить въ вопросахъ вѣры, были далеки отъ того, чтобы совершенно исключить дѣятельность человѣческаго разума при усвоеніи и развитіи усвоенныхъ вѣрою религиозныхъ истинъ. Они доказываютъ только то, что разумъ не можетъ быть источникомъ познанія «Божественныхъ дѣлъ», что божественныя истины не могутъ быть изобрѣтены усиліями человѣческаго разума, но должны быть приняты вѣрою—*вѣрою разумваемъ*, (Евр. XI, 3) въ томъ неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ благоволилъ открыть ихъ Самъ Богъ. «Богъ даровалъ разумъ для того, чтобы онъ познавалъ и принималъ сообщаемое отъ Бога, а не для того, чтобы онъ считалъ самого себя достаточнымъ для себя. Прекрасный и полезный членъ—глаза, но если бы они захотѣли видѣть безъ свѣта, то красота и собственная сила ихъ нисколько не принесла бы имъ пользы, но еще причиняла бы имъ вредъ. Такъ и душа, если захочетъ видѣть

¹⁾ Толкованіе на 1-е посланіе къ Коринѣ. еп. Феодана, стр. 104.

безъ Духа, то сама себѣ послужитъ препятствіемъ ¹⁾. Это послушаніе разума вѣрѣ не въ томъ состоитъ, чтобы оставить собственное мышленіе, изслѣдованіе основанія, причинъ и цѣли всего существующаго въ мірѣ. а въ томъ, чтобы въ познаніи предметовъ особенно, божественныхъ, не полагаться на свой разумъ, не довѣряться своему сужденію, а, по выраженію Апостола, нужно *разумъ плѣнить въ послушаніе Христово* (2 Кор. X, 5), т. е. подчинить разумъ вѣрѣ Христовой, божественному ученію, изложенному въ св. Писаніи, такъ чтобы оно было главнымъ, руководительнымъ началомъ въ познаніи предметовъ, особенно божественныхъ: всякое знаніе, согласное съ этимъ ученіемъ, признавать за истинное, несогласное отвергать, какъ ложное. Это *покореніе разума вѣрѣ* не только не стѣсняетъ свободы мысли и не означаетъ вѣрованія слѣпца, но напротивъ требуетъ, чтобы нашъ разумъ свободно, самостоятельно, относился къ истинамъ вѣры. Выраженіе *слѣпо вѣровать* не свойственно вѣрѣ христіанской, которая по существу есть *свѣтъ для просвѣщенія* (Лук. II, 32; Іоан. I, 9) *всѣхъ народовъ* (Матѣ. XXVIII, 19) и *умъ для познанія истины* (1 Тимоѣ. II, 4). Самъ Іисусъ Христосъ умъ называетъ внутреннимъ свѣтомъ (Матѣ. VI, 22, 23) и для доказательства раскрываемыхъ истинъ часто обращался къ здравому смыслу ²⁾ своихъ слушателей и чувству истины, убѣждая, что истина сама о себѣ свидѣтельствуется (Іоан. VIII, 32; XVIII, 37). Не слѣпая, а разумная вѣра была у Апостоловъ, какъ засвидѣтельствовало о нихъ Самъ Божественный Учитель предъ Отцемъ Небеснымъ, *глаголы, ихже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: и тѣмъ пріяша и разумѣша воистину* (Іоан. XVII, 8). Святые Апостолы всегда требовали глубокаго само-

¹⁾ Бесѣды I. Златоуста на 1-е посланіе къ Коринѣ. 117 стр., «какъ же, скажешь, продолжаетъ св. Златоустъ, прежде она (душа) видѣла сама собою? Никогда она не видѣла сама собою, но имѣла предъ собою творенія, какъ бы книгу. Когда же люди, не восхотѣвъ идти путемъ, заповѣданнымъ отъ Бога, и изъ красоты видимаго познавать Создателя, вручили скипетръ знанія уму, то впали въ безсиліе и причину несчастія, допустили бездну золь и стали утверждать, что изъ ничего не бываетъ ничего, а все произошло изъ не созданнаго вещества, откуда и явились безчисленныя ереси».

²⁾ Мѣ. XII, 9—12; 25—30; XXIII, 16—33; Лук. XII, 57; XIV, 1—6 и др.

стоятельнаго изслѣдованія предметовъ Божественнаго ученія и вооружались противъ слѣпотоу безсознательнаго исполненія его предписаній: *не бывайте несмысленны, но разумѣвайте, что есть воля Божія, убѣждаетъ Апостоль (Ефес. V, 17). Молюся, обращается онъ же къ Филиппцамъ, да любовь ваша паче и паче избыточествуетъ въ разумъ и во всякомъ чувствіи: во еже искушати вамъ лучшая (I, 9—10); общеніе твоея вѣры дѣйствительно да будетъ, въ разумъ всякаго блага, еже о Христѣ Иисусѣ (Филим. 6).* Разумное усвоеніе ученія Христова представляется необходимымъ условіемъ для достойной дѣятельности въ духѣ христіанства: *не престаемъ о васъ молящися, говорить Апостоль Колоссямъ: да исполнитесь въ разумъ воли Его во всякой премудрости и разумъ духовнымъ, яко ходити вамъ достойнъ Богу во всякомъ угожденіи (I, 9, 10 ст. II, 2).*— Если же въ св. Писаніи встрѣчаются мѣста, повидимому, умалающія значеніе разума въ дѣлѣ усвоенія вѣры¹⁾: то эти неодобрительныя отзвы и предостереженія относятся не къ истинной мудрости, не къ правильному употребленію разума, а къ мудрости мнимой или *лжеименному разуму* (I Тим. VI, 20), *взимающемуся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 5), — мудрости, которая *въ суетѣ ума* (Еф. IV, 17), *возстаетъ противъ истины Христовой.* Слѣдовательно требовать отъ разума слѣпотоу подчиненія вѣрѣ несогласно и съ самимъ словомъ Божіимъ. Отношеніе разума къ божественному Откровенію можно кратко выразить словами древняго мудреца: *вѣщающая разума человеческого показана ти суть. Посему, вышшихъ себе не ищи, и крѣпшихъ себѣ не испытай. Яже ти повелѣнна, сія разумѣвай, нѣсть бо ти потреба тайныхъ* (Сир. III, 23, 21, 22). Иначе, не слѣдуетъ усиливаться напрасно подвести все въ Откровеніи подъ формы нашего разума, постигнуть непостижимое; нужно съ благоговѣніемъ внимать голосу Откровенія божественнаго: и хотя мы обязаны, по словамъ Писанія, размышлять и судить объ истинахъ вѣры,

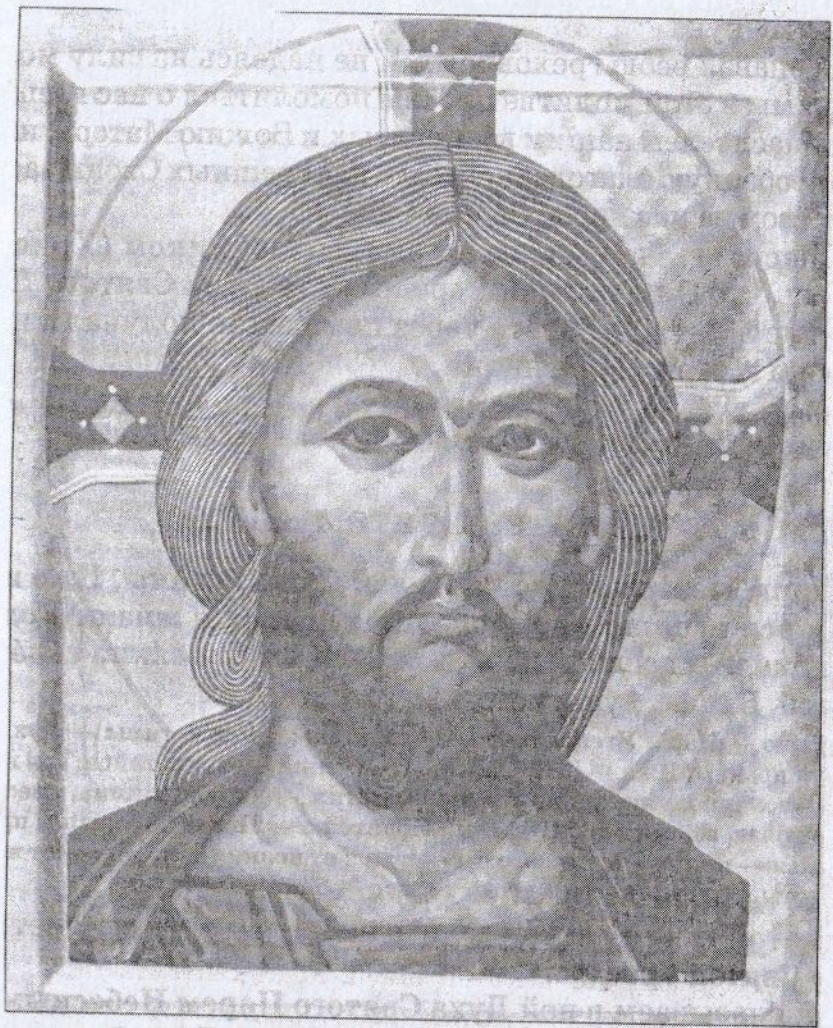
¹⁾ Матѣ. XI, 25; 1 Кор. III, 19; I, 17—27; II, 4, 5, 13; 2 Кор. X, 5, Колос. II, 8.

но понимать ихъ не иначе, какъ согласно съ источникомъ, въ которомъ онѣ содержатся, т. е. съ словомъ Божіимъ. «Разумъ нашъ въ отношеніи къ намъ не хозяинъ, потому что онѣ не его, а выше его: онѣ долженъ быть архитекторомъ, которому даны матеріалы, а не творцемъ, который можетъ отвергнуть ихъ и употребить свои собственные, какіе заблагоразсудитъ»¹⁾. Но, съ другой стороны, *яже ти повелѣнна, сія разумѣвай*: покорность нашего разума должна быть хотя и безусловною, но не слѣпою, а разумною. «Не взимайся, человѣческой разумъ, на разумъ Божій; но, отдавая себя въ плѣнъ и послушаніе вѣры, познай въ этомъ благодатномъ и благородномъ плѣну истинную свою свободу, и во свѣтѣ вѣры разумѣвай и широту, и долготу, и высоту, и глубину—*разумѣвай преслѣдующую разумъ любовь Христову* (Еф. III, 18, 19). Помни, что и Откровеніе, и разумъ равно суть дары Божіи, — что Откровеніе раскрываетъ тотъ самый Свѣтъ, отъ лучей котораго происходятъ идеи и законы разума»²⁾. «Разуму, покорившемуся въ послушаніе вѣры, Откровеніе сообщаетъ множество самоважнѣйшихъ истинъ и готовыхъ познаній и показываетъ ему путь къ соединенію съ самымъ Трїединнымъ Источникомъ премудрости: а разумъ, получивъ надлежащее развитіе и образованіе, приготовляетъ человѣка къ лучшему, сознательному, сыновнесвободному принятію истинъ Откровенія»³⁾. Св. Писаніе съ ясностію учитъ, что мудрость и знаніе истины имѣютъ своимъ непосредственнымъ источникомъ самого Бога: *въ Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II, 3) и *ниспосылаются отъ Него, какъ высшіе и драгоцѣннѣйшіе дары тѣмъ, кто достоинъ ихъ. У Него премудрость и сила, Его совѣтъ и разумъ, читаемъ у ветхозавѣтнаго праведника* (Иова XII, 13). Онѣ есть руководитель къ мудрости и исправитель мудрыхъ. Ибо въ рукѣ Его и мы, и слова наши, и всякое разумѣніе, и искусство дѣланія, говоритъ Премудрый (Прем. Сол. VII, 15—16) и про-

¹⁾ Странникъ 1862 г., 3 ч., 385 стр.

²⁾ Странникъ 1860 г., ч. 1, стр. 8.

³⁾ Тамъ же, 16 стр.

Господь Иисус Христос

должаетъ такъ: Самъ онъ даровалъ мнѣ неложное познание существующаго, чтобы познать устройство міра и дѣйствіе стихій, начало, конецъ и средину времени, смѣны поворотовъ и перемѣны времени, круги годовъ и положеніе звѣздъ, природу животныхъ и свойства звѣрей, стремленія вѣтровъ и мысли людей, различія растеній и силы корней. Позналъ я все, и сокровенное,

и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя. Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благости Его (VII, 17—21, 25—26). Размышляя о семъ самъ въ себѣ и обдумывая въ сердцѣ своемъ, что въ родствѣ съ премудростію-безсмертіе, и въ дружествѣ съ нею благое наслажденіе, и въ трудахъ рукъ ея богатство неоскудывающее, и въ собесѣдованіи съ нею — разумъ и въ общеніи словъ ея добрая слава, — я ходилъ и искалъ, какъ бы мнѣ взять ее себѣ. Познавъ же, что иначе не могу овладѣть ею, какъ если даруетъ Богъ, — и то уже было дѣломъ разума, чтобы познать, чей это даръ, — я обратился къ Господу и молился Ему отъ всего сердца моего (VIII, 17—18, 21).

Апостолъ, говоря о буйствѣ или юродствѣ въ дѣлахъ вѣры и называя себя равно какъ и другихъ Апостоловъ, буйими Христа ради, въ то же время свидѣтельствуется: мы умъ Христовъ имамы¹⁾ (1 Кор. II, 16); аще и не вѣжда (азъ) словомъ, но не разумомъ (2 Кор. XI, 6). Будите убо мудри яко змѣя, учитъ Спаситель (Мѡ. X, 16) и въ писаніяхъ Апостоловъ между другими важными наставленіями и правилами находимъ также увѣщаніе, чтобы мы заботились объ усовершенствованіи своего ума: вся искушающе, добраго держитесь (1 Сол. V, 21), не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога

1) Умъ Христовъ имамы — т. е. духовный, божественный, не имѣющій въ себѣ ничего человѣческаго, почему мы знаемъ то, что въ умѣ Христовомъ, чего онъ хочетъ: такъ какъ свое вѣдѣніе Христосъ сообщилъ нашему разуму. Мы, только имѣя умъ Христовъ, можемъ видѣть и познать предметы высокіе, таинственные и находящіеся выше насъ; а разумъ (человѣчскій, естественный) оказался недостаточныхъ, потому что посредствомъ мірской мудрости мы не можемъ постигнуть то, что выше насъ. (Св. I. Златоустъ. Бесѣда на 1-е Коринѡ. стран. 122, 121). Кто имѣетъ умъ Христовъ, у того Христовы созерцанія, Христовы расположенія, Христовы силы, планы, надежды, — все Христово. (еп. Теофанъ 104 стр.). Умъ у искупленнаго не плотный умъ, какимъ онъ часто бываетъ у чловѣка естественнаго, а умъ Христовъ (1 Кор. II, 16) т. е. умъ возрожденный благодатію Христа и постоянно дѣйствующій подъ ея вліяніемъ, умъ, властью которымъ, искупленный (духовный) востязуетъ вся (15), можетъ изслѣдовать все, даже высшія религиозно-нравственныя истины (наприм. истину искупленія о 1 Кор. 2). „Нашъ умъ“, какъ бы такъ говорить ап. Павелъ во 2-й главѣ 1-го посл. къ Коринѡянамъ, т. е. наша способность познания, была, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ очень недостаточная и затемненная прежде; вліяніе Св. Духа усовершенствуетъ нашъ умъ до

суть (1 Иоан. IV, 1); Апостоль молится о Колоссянахъ, да исполнятся въ разумъ воли Божіей во всякой премудрости и разумъ духовный, яко ходити вамъ достойно Богу во всякомъ угожденіи и во всякомъ дѣлѣ блазъ, плодоносяще и возрастающе въ разумъ Божіи (1, 9—11)¹); заповѣдуется чтобы мы постоянно возрастали въ разумъ Господа нашего Исуса Христа (2 Петр. III, 18), чтобы не были дѣтскими по уму, но младенствовали злобою, умою же были бы совершенни (1 Кор. XIV, 20), чтобы мы на всякъ день обновлялись духомъ ума своего, — такъ какъ въ этомъ обновленіи заключается возстановленіе образа Божія и воскресеніе духовнаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины (Еф. IV, 22, 23); совлекаясь ветхаго человѣка съ дѣянными его, облекитесь, убѣждаетъ Апостоль, въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу создавшаго его (Кол. III, 10). «Если я, почитаемый безумнымъ и проповѣдникомъ безумія, говорю св. Златоустъ, побѣдилъ мудрыхъ, то побѣдившая мудрость есть не безуміе, но мудрость совершеннѣйшая и столь превосходнѣйшая внѣшней мудрости, что она кажется безуміемъ»²). Разсматривая жизнь юродивыхъ и особенно исключительное отношеніе ихъ къ этой высшей познавательной силѣ человѣческой души, къ разуму, — мы съ очевидностію убѣждаемся, что они дѣйствительно были истинно мудрыми, «имѣли умъ Христовъ», — «разумъ правый и истинный». Что такое разумъ въ человѣкѣ? Это главная и основная руководительная сила всѣхъ прочихъ силъ и способностей души, посредствомъ которой обнаруживается ея внутренняя жизнь и

подобія Христову уму; мы взираемъ теперь на Бога и какъ-бы проникаемъ въ разумъ Божій духовными очами Христа; наша мысль и наше понятіе въ отношеніи къ Богу и его намѣреніямъ стали мыслію и понятіемъ, какія были во Христѣ въ этомъ отношеніи. Православное (Обзорникъ 1891 г., т. 2, 75—76 стр.

¹) Далѣе тотъ же Апостоль молится о всѣхъ, да утѣшатся сердца всѣхъ смирениемъ въ любви, и во всякомъ богатствѣ извѣщенія разума, въ познаніи тайны Бога и Отца... II, 2—7, и облекитесь во утробы щедротъ, блаость, смиренномудрости, кротость и долготерпѣніе... Слово Христово да вселяется въ васъ болатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себя самихъ... 3, 12—17; блудите, яко опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри: искупующе время, како дніе лукави суть. Сею ради не бивайте же смьсленни, но разумывайте, что есть воля Божія (Еф. V, 15—19) и др.

²) Святій Златоустъ, Бесѣда на 1-е послан. къ Коринѣ. 104 стр.

дѣятельность. «Око души, свѣтильникъ ея, есть разумъ или разумное сознание человѣка», говоритъ блаженный Иеронимъ¹). Подобно тому, какъ чувственный глазъ имѣетъ великое значеніе для тѣла нашего, потому что при посредствѣ его дается тѣлу свѣтъ; такъ и разумъ служитъ внутреннимъ орудіемъ просвѣщенія души. По мѣрѣ развитія и возвышенія этой высшей силы — разума, душа наша ощущаетъ какъ-бы нѣкоторое просвѣтленіе, сознаетъ свое достоинство и полноту жизни; напротивъ, по мѣрѣ упадка и стѣсненія этой силы, упадаетъ и какъ-бы сокращается сама душа, она находится въ состояніи томленія, страданія и смерти: оставите безуміе, говоритъ Премудрый, и живи будете, да во вѣки воцаритесь: и възвѣстите разума, да поживете и исправите разумъ въ вѣдѣніи (Притч. IX, 6). Отсюда понятна и присущая душѣ человѣка жажда познаній, потребность истиннаго просвѣщенія ума и постоянное стремленіе къ вѣдѣнію, какъ слѣдствіе чувства неудовлетворенности нашихъ силъ и неполноты нашего состоянія. Такимъ чистымъ животворнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ истиннаго просвѣщенія ума христіанина, естественно, должно служить слово Божественнаго Откровенія; въ его указаніяхъ при руководствѣ Духа Истины, разумъ нашъ долженъ почерпать истинное просвѣщеніе, къ этому источнику небесной истины должны быть направлены естественныя средства всякаго умственнаго образованія, тѣмъ болѣе внутренній, духовный взоръ человѣка христіанина. Но что можетъ быть изъ богооткровеннаго ученія болѣе важнымъ и необходимымъ предметомъ для нашего познанія, какъ не Самъ Богъ и его многообразная премудрость, открывшаяся въ созданіи всего существующаго и особенно въ возрожденіи человѣка, которое совершилось чрезъ пришествіе въ міръ Единороднаго Сына Божія?! Потому — въ вѣдѣніи этого и заключается та чистѣйшая, ни съ чѣмъ несравненная радость, которая составляетъ истинную жизнь души. Се есть животъ вѣчный, сказалъ Спаситель, да знаютъ Тебе Единого Истиннаго Бога, и Его

¹) См. Воскресное чтеніе, годъ XXV, 282 стр.

же послалъ еси Иисуса Христа (Іоан. XVII, 3). «Хотящимъ провести жизнь христіанскую въ совершенствѣ», скажемъ словами св. Макарія Великаго, настоятъ потребность «позаботиться прежде всего о смыслѣ и разсудкѣ души»¹⁾, потому что отъ чистоты и свѣтлости познаній ума зависитъ чистота и святость чувствованій сердца, также правильность и возвышенность дѣйствій воли, — такъ что когда чистъ и свѣтелъ умъ, то чиста и свѣтла бываетъ вся душа. *Свѣтильникъ тѣлу есть око*, говоритъ Иисусъ Христосъ, *аще убо будетъ око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ: аще ли око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ* (Матѳ. VI, 22, 23). Чѣмъ служитъ чувственное око для тѣла, тѣмъ — нашъ разумъ для души. У кого испорченъ глазъ, тотъ видитъ предметы неправильно; у кого совѣмъ закрытъ, тотъ и среди яснаго дня не видитъ ни себя, ни другихъ. Каждому изъ насъ случалось видѣть съ какою боязливою осторожностію подвигается впередъ слѣпецъ, и справедливо считаютъ слѣпоту, т. е. помраченіе тѣлеснаго ока, за одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. Но совершенно то же самое бываетъ съ человѣкомъ, когда у него помрачается внутреннее, духовное око, т. е. данный ему въ руководство при нравственныхъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ разумъ. У кого разумъ омраченъ, тотъ, обращаясь даже среди свѣтлыхъ указаній истины, имѣетъ ошибочныя представленія о вещахъ, или вовсе не видитъ истины; умъ его и вся душа остается во тьмѣ. *Аще убо свѣтъ*, продолжаетъ Спаситель, *имже въ тебѣ*, т. е. данный тебѣ въ качествѣ свѣтильника разумъ, «если этотъ свѣтъ будетъ тьма», т. е. — настолько помрачится, что перестанетъ различать зло отъ добра, то что сказать о самой тьмѣ, т. е. о всей душѣ, которая освѣщается при посредствѣ разума? «Если разумное сознание, которое есть свѣтъ души, говоритъ блажен. Іеронимъ, затемнено въ тебѣ душевными пороками: то какъ мрачна должна быть въ тебѣ самая тьма»¹⁾? Человѣкъ изъ свободнаго, разумнаго существа превращается въ

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго, бесѣда IV, 31 стр.

ослѣпленнаго раба, который всецѣло окруженъ тьмою и пребываетъ въ ней. Если несчастенъ слѣпецъ, пребывающій въ тѣлесной тьмѣ, то насколько несчастнѣе человекъ, который повергается во тьму духовную? Когда помрачается свѣтъ души, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, то человекъ по необходимости повергается во множество золъ.

Когда погасаетъ свѣтильникъ, утопаетъ кормчій, уходится въ плѣнъ восначальникъ, то кругомъ водворяется тьма, отчаяніе и ужасъ. То же самое и въ духовной жизни. Духовно ослѣпленный человекъ перестаетъ различать добро отъ зла, ложь принимаетъ за истину, зло за добро, грѣхъ за добродѣтель и носится по житейскому морю, какъ захваченный бурей корабль, которымъ потеряны изъ вида маякъ и на которомъ уже утонулъ кормчій²⁾. Напротивъ, чистый, просвѣщенный истиною божественнаго ученія, разумъ, оберегая душу отъ всего унижительнаго и недостойнаго ея, въ то же время даетъ особенную жизнь и направленіе вѣмъ ея силамъ и способностямъ: «если колесница, бразды, животныя и прочіе приборы, говоритъ св. Макарій Египетскій, въ рукахъ одного находятся правителя, то, когда ему угодно, носится на колесницѣ со всею быстрою, а если не угодно, сдерживаетъ колесницу, — и опять куда хочетъ, поворачиваетъ ее: потому вся колесница, находясь въ однихъ рукахъ, находится и въ полномъ распоряженіи одного возничаго. Такъ и душа наша имѣетъ много естественныхъ возбужденій сердца и пожеланій воли³⁾», вле-

кущихъ ее на пути часто невѣрные, а умъ сдерживаетъ ихъ и даетъ другое, истинное направленіе сердцу и волѣ. Отсюда, естественно, что и вся душа «подъ управленіемъ здраваго ума бываетъ цѣла, невредима, чиста, свѣтла и прекрасна». Но для того, чтобы развить и возвысить свой разумъ до степени чистыхъ, духовныхъ созерцаній, чтобы онъ могъ пріобрѣсти живую восприимчивость къ внушеніямъ небесной истины, для этого

¹⁾ Воскресное чтеніе XXV годъ, 284 стр.

²⁾ Церковный Вѣстникъ 1893 г., № 22, 337—8 стр.

³⁾ Св. Макарія Египетскаго, бесѣда XV, п. 32, 182 стр. Подобное же сравненіе находимъ и въ жизни св. Симеона юродиваго; въ житіи его читаемъ:

прежде всего нужно очистить его отъ страстныхъ помысловъ, или, по слову Апостола, *отложити по первому житію ветхаго чловѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ* (Еф. IV, 22), потому что страсти и пороки—первое начало омраченія ума; потомъ—необходимо «хорошо изучить истины небснаго ученія, углубить ихъ въ свое сознаніе и утвердиться въ нихъ духомъ», а это не только не дается чловѣку даромъ, безъ труда, напротивъ приобрѣтается продолжительною и усиленною дѣятельностію. Затѣмъ при самомъ просвѣщеніи нашего разума свѣтомъ божественнымъ, нужно употребить великій подвигъ на то, чтобы охранять его отъ притока помысловъ суетныхъ, нечистыхъ, отъ пристрастія къ земному, что не мало занимаетъ умъ и, при самомъ чистомъ его познаніи, нерѣдко отвлекаетъ его вниманіе отъ предметовъ духовныхъ — небсныхъ ¹⁾. Пристрастіе къ земному, какъ большая тяжесть, невольно влечетъ умъ къ землѣ, такъ что онъ не можетъ свободно возноситься на небо. Только по отверженіи міра и всего земного, освободившись отъ житейскихъ заботъ и происходящаго отъ нихъ развлеченія, удобнѣе можно собирать, сосредоточивать всѣ силы души, а чѣмъ собраннѣе силы, тѣмъ болѣе онѣ имѣютъ крѣпости и живости въ дѣятельности; отрѣшившись отъ пристрастія къ земному, тѣмъ легче

¹⁾ по вся пощи въ молитвѣ пребываше въ хлѣвнѣ до утрени, дню же настающу, соплеташе себѣ вѣнецъ отъ масла или отъ былія. и возложивъ на главу свою и держа вѣтвь въ руцѣ своей, вопіяше, ходя по граду и глаголя: *торжество побѣдителю царю и граду его, въ тѣхъ своихъ словахъ нарицаше святыи градомъ оуму, царемъ же умъ надъ страстными владычествующій*, якоже толковаше то діакону Іоанну другу своему, къ нему же часто отай приходя, о всѣхъ своихъ словесахъ и дѣяньхъ бесѣдоваше пространно. Чет. Мин. Іюля 21, 152 стран. на оборотъ.

¹⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1862 г. ч. 2, 333—5 стр.

могутъ стремиться на небо къ Богу. Какъ запертая въ трубахъ вода отъ сжимающей ее силы, не имѣя возможности разливаться въ стороны, стремится прямо вверхъ, такъ и *умъ чловѣчскій*, говоритъ Василій Великій, когда воздержаніе, подобно узкой трубѣ, отовсюду сжимаетъ его не имѣя случаевъ къ разсѣянію, по свойству своей подвижности, возвышается до желанія предметовъ возвышенныхъ. Будучи удерживаемъ отъ занятія суетнымъ, онъ непремѣнно принужденъ будетъ стремиться къ истинѣ ¹⁾. «Качество ума хорошо сравниваютъ съ легкимъ перомъ или пухомъ, говоритъ преп. Іоаннъ Кассіанъ; не будучи омоченъ никакою влагою, при самомъ слабомъ дыханіи вѣтерка, пухъ, обыкновенно, по своей легкости возносится на высоту; а если бываетъ отягченъ какою либо влажностію, то, вмѣсто того, чтобы подниматься на воздухъ, отъ тяжести принятой имъ влаги прилегаетъ къ нѣдрамъ земли. Такъ и *умъ нашъ, если будетъ свободенъ отъ бремени приражающихся къ нему пороковъ и мірскихъ заботъ и чуждъ растлѣнія, вредныхъ похотѣній, то облегчаемый силою природной чистоты своей, при самомъ тихомъ вѣянніи духовнаго размышленія, возвышается къ превыспреннему и, оставляя все дольное и земное, переносится къ небесному и невидимому. Посему-то и заповѣдуетъ намъ Господь: *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша обзяденіемъ и пїянствомъ и заботами житейскими*» (Лук. XXI, 34). И такъ, заключалъ преп. Кассіанъ, *если хотимъ, чтобы молитвы наши восходили не только до небесъ, но и превыше небесъ; то постараемся поставить умъ нашъ въ естественное состояніе его духовности, очистивъ его отъ всѣхъ земныхъ пороковъ и скверны страстей, чтобы такимъ образомъ молитва его, не отягчаясь болѣе никакимъ бременемъ пороковъ, могла вознестись къ Богу* ²⁾».*

Пока помыслы о земномъ свободно будутъ проникать въ душу и пока умъ привязанъ къ земнымъ вещамъ, до тѣхъ поръ нельзя назвать его умомъ чистымъ, свободнымъ отъ привязанностей къ земному, а такой умъ,

¹⁾ Творенія св. Василія Великаго, ч. 5-я. Подвижн. уставы, гл. 19, 433 стр.
²⁾ Писанія Преподобнаго Іоанна Кассіана Римлянина, гл. IV, 325 стр.

естественно, какъ бы овеществляется и дѣлается земнымъ, потому что въ немъ отпечатлѣваются образы тѣхъ вещей, о которыхъ онъ мыслить. «Для чистоты и совершенства ума требуется храненіе его отъ помысловъ земныхъ, чувственныхъ». Но такое храненіе много требуетъ борьбы и «тайнаго, невидимаго труда; должно всегда производить испытаніе помысловъ, и изнемогшія чувства души непрестанно упражнять въ различеніи добраго и худого, и ослабѣвшіе душевные члены возрѣвать стремленіемъ ума къ Богу и тѣніемъ къ Нему, всегда прилѣпляясь умомъ своимъ, чтобы, при помощи Божіей благодати, по апостольскому изреченію (1 Кор. VI, 17), *быть въ единый духъ съ Господомъ*¹⁾. Что эта «тайная борьба» составляетъ подвигъ и притомъ подвигъ столь великій и важный, что развѣ только тотъ можетъ не понимать всей его трудности: кто не брался за него и совсѣмъ не наблюдаетъ за собою. Возьмемъ для примѣра тѣ моменты изъ своей жизни, которые мы посвящаемъ на молитву. Кратки эти часы въ нашей жизни; однакоже, можемъ ли мы похвалиться, чтобы они всецѣло принадлежали Богу, безъ всякаго съ нашей стороны развлеченія? — Нѣтъ. — мы и въ эти непродолжительныя минуты не можемъ воздержаться своимъ умомъ, чтобы не мыслить о чемънибудь мірекомъ, земномъ, чѣмъ окрачается наша молитва и отнимается ея заслуга и цѣнность предъ Богомъ. Что же значитъ такое неостоянство нашего ума и развлеченіе его во время самой молитвы? То, что онъ еще слабъ и не утвердился въ насъ, что въ душѣ нашей еще много есть пристрастія къ вещамъ земнымъ, слѣдовательно умъ нашъ еще не воздѣйствовалъ на все части и составы души, не проникъ въ глубину ея и не возымѣлъ власти надъ нею. Собраться уму съ своими мыслями, прійти ему въ полную свою силу и привести ея въ порядокъ все, происходящее внутри насъ, однимъ словомъ, подчинить все дѣйствія и отправления души власти разума, значитъ побѣдить порчу своего естества, возвыситься надъ грѣхомъ

¹⁾ Преп. Ефрема Сирина, часть V, стр. 55.

и выдти изъ состоянія паденія. Ибо наше нравственное паденіе въ томъ и состоитъ, что мы, отторгшись душою отъ любви Божіей, прилѣпились къ чувственному и разсѣялись своими помышленіями по предметамъ земнымъ, вещественнымъ. Возвыситься надъ чувственностію, отрѣшиться умомъ отъ всего земнаго, собрать въ себѣ все помыслы и переселить ихъ на небо — это такъ трудно падшему человѣку, что онъ самъ собою, безъ высшей, благодатной помощи, никогда не въ силахъ этого достигнуть¹⁾. Черезъ грѣхопаденіе закрылось око ума и человѣкъ блуждалъ во тьмѣ. Благодать Св. Духа, чрезъ возрожденіе приводя человѣка въ живое общеніе съ Богомъ, вводитъ его въ духовный міръ и показываетъ опытно, истинно, полно. Такъ объ этомъ говоритъ св. Макарій Египетскій. «Когда человѣкъ преступилъ заповѣдь Божию и лишился райской жизни, тогда онъ связанъ сталъ какъ бы двумя цѣпями: во первыхъ — цѣпью житейскихъ заботъ... во вторыхъ, цѣпью невидимою; ибо душа отъ духовъ злобы связана нѣкими узами тьмы, такъ что не можно ей ни любить Бога, ни вѣрять въ Него, ни занимать я молитвою по ея желанію». — «Благодать, пришедъ чрезъ очищеніе внутренняго человѣка и ума, *снимаетъ покрывало* сатаны, послѣ преступленія возложенное на человѣка, и очищаетъ душу отъ всякой скверны и помысла нечистаго, желая, чтобы она, возвратясь въ собственное естество, открытыми и ясными очами усматривала славу истиннаго свѣта. Такъ какъ отселѣ восхищаются уже въ тотъ вѣкъ и *видятъ таинствія красоты и чудеса*. Какъ тѣлесное око, неповрежденное и здоровое, свободно смотритъ на сіяніе солнечное, такъ и сіи, *посредствомъ просвѣщеннаго и очищеннаго ума, повсюду усматриваютъ непреступное сіяніе Господа*²⁾. Блаженный Теодоритъ въ своей «Исторіи Боголюбцевъ» говоритъ: «побѣду святымъ надъ плотію, міромъ и дьяволомъ доставила не природа, сама смертная и исполненная безчисленныхъ страстей, а разумъ привлечшій къ себѣ благодать Божию. Пламенно возлюбивъ

¹⁾ Правосл. Соборъ. 1862 г., ч. II, 335—7 стр.

²⁾ Макарія Египетскаго. Беседа, ч. 2-я, беседа XXI, 2 стр.

Божественную красоту, охотно рѣшившись всею пожертвовать и все претерпѣть за Возлюбленнаго, они мужественно перенесли нападенія страстей, могущественно отразили тучи стрѣлъ діавола и, говоря словами Апостола (1 Кор. IX, 27), умертвивъ и поработивъ свое тѣло, угасили пламень вожделѣнія и заставили умолкнуть волненія похотей. Постомъ и безпрестаннымъ бодрствованіемъ усынивъ страсти и укротивъ порывы ихъ, заставили тѣло подчиниться душѣ и прекратили естественную борьбу между ними. Водворивъ такимъ образомъ миръ между душею и тѣломъ, они отогнали отъ себя все множество враговъ, которые, не зная сокровенныхъ внутри души помысловъ и не имѣя содѣйствія себѣ со стороны плоти, не могли уже вести успѣшной брани: ибо стрѣлами противъ насъ діаволь употребляетъ наши члены. Посему если глаза не обольщены, слухъ не очарованъ, осязаніе не услаждено какимъ либо пріятнымъ ощущеніемъ и разумъ не воспринимаетъ нечистыхъ вожделѣній, то тщетны все ухищренія коварнаго врага. Какъ города, построеннаго на высотѣ, огражденнаго толстою стѣною, и со всехъ сторонъ обведеннаго глубокими рвами, не можетъ взять ни одинъ непріятель, если никто, изъ находящихся въ городѣ, не измѣнитъ, и не откроетъ какого нибудь прохода: такъ и демоны, нападающіе отвнѣ, не могутъ овладѣть душею, которая ограждена благодатію Божіей, если только какой нибудь нечистый помыслъ не откроетъ какого либо окна нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и чрезъ него не впуститъ врага внутрь. Все это основательно изучивши изъ Божественнаго Писанія и внявъ гласу Господа, говорящаго чрезъ пророка, что *везде смерть сквозитъ окна* (Перем. IX, 21), ублажаемые нами святые заключили свои чувства, какъ бы запорами и замками, и *ключи отъ нихъ вручили уму*, такъ что, когда не было повелѣнія отъ ума, не отверзались ни языкъ, ни уста, и зѣницы не смѣли показаться изъ-за рѣсницъ, если имъ не было это позволено; а слухъ, будучи не въ состояніи заградить своего входа чѣмъ нибудь въ родѣ рѣсницъ или устъ, уклонялся отъ несмысленныхъ рѣчей и принималъ только тѣ, кото-

рыя услаждали умъ. Такимъ же образомъ удалили они отъ чрева пресыщеніе, и научили его принимать то, что приносить не удовольствіе, а пользу, и такой пищи принимать не болѣе, какъ сколько нужно было для того, чтобы не умереть съ голода. Такъ разрушили они и обаятельную власть сна, и, освободивъ рѣсницы изъ подъ его рабства, вмѣсто того, чтобы покорствовать ему, научились владычествовать надъ нимъ, и пользоваться имъ не тогда, когда онъ нападаетъ, но когда сами они призываютъ его для нѣкотораго подкрѣпленія естественныхъ силъ. Позабывшись такимъ образомъ объ оградѣ стѣнъ и дверей и водворивъ согласіе между внутренними помыслами, они смѣялись надъ нападающими отвнѣ врагами, которые не могли насильно войти внутрь, такъ какъ святые были ограждены Божіей благодатію и у нихъ не было измѣнника, который бы рѣшился впустить враговъ. А враги, имѣя природу невидимую, не могли овладѣть тѣломъ видимымъ и связаннымъ естественными потребностями: потому что возница его, музыкантъ и кормчій ¹⁾, хорошо держа возжи, заставилъ коней идти въ порядкѣ, — мѣрно ударяя по струнамъ чувствъ, сдѣлалъ то, что они издавали гармоническіе звуки, — искусно управляя рулемъ, отражалъ и стремленія волнъ и порывы вѣтровъ. Этимъ то людямъ, которые совершили земной путь свой посреди безчисленныхъ трудовъ, укротили тѣло постомъ и лишеніями, не знали удовольствій смѣха, провели всю жизнь въ рыданіяхъ и слезахъ, — этимъ людямъ, которые сладостнѣйшимъ наслажденіемъ считали постъ, пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ — изнурительное бодрствование, мягкимъ одромъ — твердую землю, величайшимъ и неизмѣримымъ удовольствіемъ — пребываніе въ молитвѣ и псалмопѣніи, — этимъ людямъ, которые стяжали все виды добродѣтели, кто, по справедли-

¹⁾ Тѣло представляется здѣсь подъ тремя различными образцами — коней, управляемыхъ возницею, — музыкальнаго инструмента, изъ котораго рука музыканта извлекаетъ, какіе хочетъ звуки и, наконецъ, — корабля, управляемаго кормчимъ.

восте, не удивится, или, лучше, кто воздастъ хвалу по достоинству?»¹⁾

Разумъ христіанскій, какъ мы видѣли, служить обновляющимъ началомъ падшаго естества человѣка, лучшимъ руководителемъ на пути къ высшему совершенству: на приобрѣтеніе и усовершенствованіе въ себѣ этого «благодѣтельнаго руководителя» Христа ради юродивые и посвятили всѣ свои силы духа и тѣла. Блаженный Виссаріонъ «единою ставъ на яснѣ нѣгдѣ посреди тернія, рущѣ же и очи купно и умъ къ небеси имѣя, пребысть чотыредесять дней и чотыредесять ношей на Богомысленной помысли, непоколебимо стоя аки столпъ, ни мало тѣломъ съ мѣста подвигся, ниже что вкусивъ въ тѣя дни, ни проглаголавъ что къ кому, ни воздремався, ни изнемогъ отъ естественныя немощи, ни ума своего преклонивъ къ земнымъ, но весь вперенъ въ Бога свѣй, душевными на него зряше очеси неуклонно, подражая безплотнымъ»²⁾. Василий блаженный «умомъ всегда предстоялъ Богови,» всегда Бога зря ума чистотою сей новый Боговидецъ,» говорится о немъ въ житіи³⁾. «Если ничесоже Богъ тако требуетъ, — скажемъ словами св. Димитрія Ростовскаго, — и любить, якоже разумъ правъ и истиненъ, то о семъ и подвигъ юродивымъ былъ, о семъ и труды и попеченіе, да получаютъ правъ разумъ. Ибо научивыйся разуму сохраняетъ вся заповѣди Господни, уповаеъ на Бога, любить Его всѣмъ сердцемъ своимъ и соединяется съ Нимъ воедино, во еже быти ему всему въ Бозѣ, и Богу въ немъ; ибо прицѣпляйся Господеви, по слову Апостола, единъ духъ есть съ Господеиъ (1 Кор. VI, 17); почему вышнихъ ищетъ, идъже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя, горняя мудрствуетъ, а не земная, и

¹⁾ См. *Исторія Боголюбивъ*. Блаж. Феодоритъ еп. Кипрск. С.-Петербургъ 1853 г., стр. 5—8.

²⁾ Чет. Миней Іюня 6-го. О Симеонѣ юродивомъ въ житіи разсказывается: однажды въбжалъ онъ, по своему юродству, въ баню къ женщинамъ. По выходѣ оттуда, другъ его діаконъ спросилъ, какъ онъ тамъ чувствовалъ себя? Божій человѣкъ сказалъ: «какъ дерево среди деревъ, такъ и я былъ въ банѣ среди женщинъ, не чувствовалъ, что имѣю тѣло.» «ниже помышляхъ, яко къ тѣлесамъ внидохъ», но весь мой умъ былъ занятъ богомыслиемъ: «весь умъ мой въ богомыслии бже». Чет. мин. іюля 21, 147 стр. на обор.

³⁾ Рукописное житіе святаго си. 23 и 26 стр.

животъ его сокровенъ есть со Христомъ въ Богъ (Колос. III, 1—3). Сидевый прежде воскресенія души приѣмлетъ, и прежде жизни жизнь вѣчную наследуетъ во еже жертвой быти безсловесія смерти, разума и познанію жизнию. Се бо, рече, есть животъ вѣчный, да познаемъ Господа: се же и смерть — не разумѣти о Немъ»¹⁾.

Это стремленіе юродивыхъ имѣть «правый и истинный разумъ» было такъ сильно, что все ихъ вниманіе, все ихъ «душевное расположеніе», весь ихъ духовный взоръ постоянно были заняты помышленіемъ о Богѣ и стремленіемъ къ Нему, а все земное уже не плѣняло ихъ умъ. Василий блаженный, по словамъ церковной пѣсни, «остръ умъ всегда къ Богу имѣвъ, яко нечувственъ ко всѣмъ житейскимъ былъ»²⁾. Блаженный Іоаннъ Устюжскій «умъ весь къ Богу простирая, непрестанными поученіи, плотскія любве не пощадѣ»³⁾; преп. Михаилъ Клонскій «всю мысль Богу возложилъ отъ младенства и, крестъ свой вземъ, невозвратнымъ путемъ тому послѣдовалъ»⁴⁾. Отсюда, съ одной стороны, вслѣдствіе особенной жажды къ развитію и возвышенію въ себѣ чистыхъ понятій разума христіанскаго, — съ другой — вслѣдствіе исключительнаго ихъ отношенія ко внѣшней жизни, — всѣ странности въ жизни юродивыхъ. Нельзя, конечно, допустить, чтобы та отрѣшенность отъ ума, какую мы видимъ въ юродивыхъ, была внутренняя, потому что безъ свѣта разума человѣкъ лишается истиннаго своего величія, утрачиваетъ, какъ видѣли мы высшую духовную жизнь, отпадаетъ отъ цѣли своего призванія къ бытію, дѣлается жалкимъ плѣнникомъ грубыхъ и бессмысленныхъ пожеланій своей низшей, животной природы, творитъ только волю плоти и помышленій (Еф. II, 3) и ходитъ, какъ говоритъ тотъ же Апостоль, вслѣдъ

¹⁾ Алавертъ духовный ч. I. гл. I. стр. 16—17; гл. II, 17—18 стр.

²⁾ Миней, авг. 2-го, 6-я пѣнь; также см. стихирѣ на литіи, 1 и 3 пѣнь; «разженіе плотское хладомъ Св. Духа угасивъ, всегда душевными очима на умныя силы взирати изволивъ еси, и пренялъ еси великую сію житейскую пучину жестокихъ путемъ, богоблаженне».

³⁾ Миней, мая 29, пѣнь 6-я.

⁴⁾ Миней 11 янв. 1-я пѣнь свитому. — Блаженный Прокопій «просвѣтися божественною благодатию, богомудре, и весь разумъ въ сердце отъ суетнаго міра сею къ Знждителю не уклонно положилъ», — стихирѣ на стиховнѣ.

плотскія похоти скверненія (2 Петра II, 10). Если въ возрожденномъ челоѣкѣ благодать замѣняетъ умъ, подобно тому какъ свѣтъ солнечный—свѣтъ возжигаемый, но не исключаетъ однако же его дѣятельности. И просвѣщенному свѣтому истины Христовой нуженъ «руководитель», который вѣрно указывалъ бы мѣсто челоѣку среди вселенной, то направленіе, котораго онъ долженъ держаться на краткой чертѣ своего временнаго бытія», который научалъ бы его, къ чему онъ долженъ стремиться и чего долженъ искать въ жизни; а главное—нуженъ указатель, который сказывалъ бы ему (челоѣку), что онъ имѣетъ божественнаго руководителя и слѣдуетъ его велѣніямъ,—нуженъ наставникъ, который бы указывалъ средства, какъ сохранить и утвердить въ себѣ дары благодати¹⁾. Разсматривая жизнь юродивыхъ, убѣждаемся, что несомнѣнно она текла у нихъ въ строгомъ, безусловномъ подчиненіи этому «вышему руководителю» — разуму, что всѣ движенія ихъ внутренняго міра совершались по предварительнымъ планамъ. Отсюда внутреннее отношеніе юродивыхъ къ уму было естественное: они отрѣшались отъ ума, когда дѣятельность ихъ переходила во внѣшнюю жизнь. Живя среди общества, юродивые сознательно исключали себя изъ него; они большею частію прерывали, какъ мы видѣли, почти всякія сношенія съ ближними, душа ихъ была закрыта для другихъ, они за рѣдкими исключеніями, не имѣли возможности обмѣниваться мыслями и высказывать свои чувства, что такъ естественно для челоѣка, живущаго среди подобныхъ ему. Затѣмъ, какъ извѣстно, они терпѣли самыя обидныя для челоѣка упреки въ безуміи, презрѣніи и поношеніи. Но такими «странными» юродивые являются только по отношенію къ внѣшней жизни, въ сношеніи съ другими, но въ душѣ своей, на-

¹⁾ Этого благодѣтельный руководитель есть нашъ разумъ, просвѣщенный свѣтомъ небесной истины, который мы называемъ разумомъ христіанскимъ. Разумъ христіанскій не беретъ на себя задачи перестроить и пересоздать вселенную, и не занимается изобретеніями для основанія на землѣ потеряннаго рая сладости; онъ имѣетъ своимъ предметомъ очистить и преобразовать душу челоѣка, поставить ее въ надсѣжащее отношеніе ко всему, что существуетъ въ мірѣ, и такимъ образомъ привести ее къ блаженству вѣчному на небѣ. Правосл. Собесѣдникъ 1862 г., ч. 2, 325—6 стр.

единѣ, они являются болѣе разумными, чѣмъ тѣ, которые считаютъ ихъ безумными. Оставаясь сами чуждыми внѣшней земной (мірской) жизни, они видѣли постоянную «суету и смятеніе этой жизни и зрѣлище переплетающихся челоѣческихъ отношеній», обыкновенно большею частію мелочныхъ, но много терзающихъ нашу душу,—все это могло служить для нихъ и дѣйствительно служило, какъ нерѣдко указывается въ ихъ житіяхъ и церковныхъ пѣснопѣніяхъ симъ угодникамъ Божиимъ, обильнымъ матеріаломъ для размышленія, и тѣмъ самымъ побуждало ихъ самихъ стремиться къ высшей духовной жизни¹⁾: «слышалъ еси, премудре Василіе, взываетъ церковь, Спасову заповѣдь: аще, рече, челоѣкъ весь міръ приобращетъ и отщегитъ душу свою, что дастъ измѣну на души своей: ты же сіе въ сердцахъ твоихъ скрылъ еси, и не глагола еси, како угодиши Богу»²⁾. Всѣ препятствія къ этому у нихъ удалены, ибо всѣ узы, соединяющія юродиваго съ міромъ, порваны его кажущимся безуміемъ. Отсюда понятно, что внѣшній образъ жизни являлся для нихъ тѣмъ поприщемъ, на которомъ они являлись, свергнувъ съ себя владычество ума: они отрекались отъ своего ума въ сферѣ его практическихъ понятій. Но такъ какъ и эта (внѣшняя) сторона нашей жизни ближайшимъ образомъ находится также подъ порядкомъ ума, утверждается на его законахъ, упорядочивается его правилами и предписаніями, то съ отрѣшеніемъ для сей жизни отъ ума, во внѣшней жизни юродивыхъ, естественно, долженъ произойти беспорядокъ. Послѣ этого юродивые естественно должны явиться въ общественной жизни подобными несмысленнымъ дѣтямъ. Попеченіе о пищѣ, одеждѣ, приличіи, словомъ,— всѣ обязанности, изъ выполненія коихъ большею частію слагается дѣятельность существа разумно-чувственнаго, для нихъ оставались какъ бы неизвѣстными и ненужными. Слѣдовательно, образъ жизни юродивыхъ Христа ради есть родъ самоотверженія, въ которомъ юродивые

¹⁾ Тѣсныя врата. Виды подвижничества въ Русской землѣ. С.-Петербургъ, 1893 г., 83 стр.

²⁾ Канонъ Василію Блаженному, 8-я пѣснь.

отрѣшались отъ той стороны ума, подѣ вліяніемъ коей устрояется дѣятельность человѣка, какъ существа чувственнаго, какъ обитателя міра чувственнаго, отвергались для того, чтобы, чрезъ прекращеніе отношенія къ міру, тѣмъ болѣе расширить кругъ дѣятельности для Бога, чтобы, не стѣняясь никакими посторонними отношеніями, жить и дѣйствовать *единственно для Бога* ¹⁾. А свойство любви къ Богу таково, что, преисполнивъ собою сердце христіанина, она заставляетъ его забыть и себя, и все земное, вообще отрѣшиться отъ узъ чувственности, всего себя и «вся благая міра сего» принести въ жертву Богу, чтобы тѣмъ совершеннѣе жить для Бога, «быть чистымъ орудіемъ воли Божіей, совершеннымъ органомъ жизни божественной» и жить въ Богѣ, такъ чтобы можно было взывать съ Апостоломъ: *живу не кому азь, но живу въ мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20). «Христа Бога истинно возлюбивъ, тебе самого отверглся еси, и Тому послѣдовалъ еси, якоже Онъ рече: любяй душу свою спасти, погубить ю; тѣмже душу твою въ жизнь вѣчную соблюлю еси, достохвальне Андрею» ²⁾.

Съ большею еще очевидностію убѣждаемся въ нравственной важности подвига юродства, когда разсмотримъ, сообразно ли съ духомъ христіанства вообще и въ частности съ природою человѣка какъ существа разумно-чувственнаго, отверженіе отъ ума въ томъ видѣ, въ какомъ оно было у юродивыхъ? Подвигъ юродства съ перваго взгляда можетъ показаться, повидимому, несообразнымъ съ природою человѣка, какъ существа разумнаго. Отказаться отъ обязанностей ума—этого высшаго дара природы человѣческой, при непосредственномъ участіи котораго держится самый порядокъ жизни человѣческой на землѣ, значитъ быть человѣку не человѣкомъ, по крайней мѣрѣ не такимъ, какимъ онъ долженъ быть здѣсь—въ семъ мірѣ, въ настоящемъ состояніи. Поэтому тотъ, кто обрекаетъ себя на юродство, повидимому, на мѣренно оставляетъ въ небреженіи даръ Божій, дѣлаетъ

¹⁾ Духовная Беседа, томъ 10 стр. 371.

²⁾ 9 пѣснь канона Блаженному Андрею.

насиліе собственной природѣ, нѣкоторымъ образомъ отторгается отъ общаго организма человѣчества и какъ бы теряетъ правоспособность занимать мѣсто въ ряду существъ разумныхъ. Но справедливо ли это? Въ самомъ ли дѣлѣ образъ жизни юродивыхъ не сообразенъ съ природою человѣческой?

По существу своему этотъ родъ подвижничества вовсе не стоитъ въ противорѣчій съ природою человѣка, какъ это можетъ казаться съ перваго раза; при ближайшемъ и болѣе обстоятельномъ взглядѣ на существо дѣла открывается, что юродство имѣетъ основаніе въ требованіяхъ той же природы, которая, повидимому, такъ «унижается» юродствомъ. Если внимательно посмотримъ на цѣль нашей жизни и глубже вникнемъ въ существо нашей природы, то основаніе для подвига юродства найдемъ въ той лучшей и высшей части нашего существа, въ которой преимущественно сохранились остатки величія нашей природы и нашего высокаго назначенія. Духъ нашъ, назначенный для жизни высшей и безсмертной, неужели долженъ быть въ рабскомъ подчиненіи только тому порядку, какой существуетъ на землѣ? Ужели для вѣчнаго онъ не свободенъ отказаться отъ подчиненности тому, что носитъ на себѣ печать только временнаго и случайнаго? Нельзя не согласиться съ естественнымъ требованіемъ разума, что человѣкъ, развивая всѣ стороны своей природы, о духовной сторонѣ ея долженъ преимущественно заботиться. Естественный разумъ внушаетъ человѣку низшія и земныя требованія природы подчинять высшимъ и духовнымъ, удовлетворять первыя сколько и когда они служатъ къ достиженію нравственнаго совершенства,—совѣтуетъ нерѣдко для данной цѣли отказываться нѣкоторымъ низшимъ требованіямъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣняетъ даже самую жизнь приносить въ жертву нравственной идеѣ. Христіанство тѣмъ болѣе заповѣдуетъ покорить плоть духу, земное небесному, такъ какъ духъ и основа всего христіанства состоитъ въ самоотверженіи: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѣ. XVI, 24), взываетъ Божественный Осно-

ватель христіанства къ желающимъ слѣдовать за Нимъ. Въ основѣ христіанства лежитъ проповѣдь о Распятіи (Сынѣ Божіемъ), почему христіанинъ, по требованію этой заповѣди, долженъ умереть себѣ и міру—отречься всего себя со всѣми требованіями и началами своей естественной, плотской, грѣховной природы для воли Божіей и собственнаго спасенія. Поэтому юродивые, избравшіе сей подвигъ, какъ средство къ высшему совершенству, поступали нѣкоторымъ образомъ, повидимому, противъ земной природы; но въ то же время дѣйствовали вполне цѣлесообразно съ высшимъ предназначеніемъ, въ духѣ истиннаго христіанства и сообразно съ высшими требованіями нашей духовной природы. Для низшей, чувственной стороны природы человѣка такое предпочтеніе «небесныхъ благъ» «земнымъ», безъ сомнѣнія,—стѣсненіе, но по мѣрѣ сокращенія препятствій къ свободному развитію духовной жизни, которыхъ такъ много представляетъ эта сторона, возвышается духовное совершенство человѣка: *еще вышній нашъ человекъ тѣлѣтъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16).

По мѣрѣ того, какъ у христіанина—этого странника и пришельца, *не имѣющаго на землѣ пребывающаго града, но възыскающаго грядущаго* (Евр. XIII, 14), силы духа развиваются и тѣмъ болѣе приближаются къ высшему своему назначенію, къ небесному своему отечеству,—человѣкъ не можетъ не отрѣшаться отъ видимаго, временнаго и случайнаго, а въ такомъ человѣкѣ, естественно, открывается много отступленій отъ обыкновеннаго порядка жизни. «Если же онъ несетъ бремя подчиненности порядку міра чувственнаго, то единственно потому, что силы его еще не вполне раскрыты, потребности не пробуждены, что онъ еще не вполне возвысился надъ временнымъ, скоропреходящимъ. Перемените это не вполне сродное ему состояніе на болѣе сродное, на то, въ какомъ ему быть приличнѣе, которое ближе къ его назначенію,—и человѣкъ во многихъ отношеніяхъ явится другимъ. Это состояніе человѣка, очевидно, будетъ естественное, ему сродное, но посмотрите на этого человѣка въ различныхъ отношеніяхъ его къ міру,—и въ немъ

увидите многія черты юродиваго Христа ради»¹⁾. Вслѣдствіе тѣсной связи души съ тѣломъ, всѣ внутреннія расположенія человѣка невольно отражаются и во внѣшней его дѣятельности. Посему истинные ревнители благочестія, всецѣло проникнутые стремленіемъ къ горнему своему отечеству, какъ извѣстно, вообще-то мало цѣнили земное, мало сообразовались съ требованіями міра сего: ихъ духовный взоръ до того исполнялся непрестаннымъ памятованіемъ *о единомъ на потребу*, а съ другой стороны о своихъ грѣхахъ и о недостаточности однихъ естественныхъ средствъ къ оправданію предъ Богомъ, что уже не оставалось мѣста для заботъ о земныхъ, тѣлесныхъ нуждахъ своихъ. А при такомъ преобладающемъ развитіи духовной стороны, человѣкъ не можетъ не отрѣшаться отъ того, что носить на себѣ печать временнаго и скоропреходящаго и, слѣдовательно, не можетъ не отрѣшаться отъ той стороны своей души, которая приспособляется къ настоящему (земному) его состоянію. Въ человѣкѣ, съ преобладающимъ развитіемъ духовной стороны, при отрѣшенности его отъ законовъ ума, приспособленныхъ къ его земному состоянію, естественно, не можетъ не произойти «разительнаго» безпорядка во внѣшней—земной жизни; въ дѣятельности такого человѣка, естественно, не можетъ не обнаруживаться много странностей или отступленій отъ обычнаго порядка жизни. Но неужели такая дѣятельность неестественна и несообразна съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка? «Жизнь, учреждаемая по законамъ нашего духа, во всякомъ случаѣ естественна и хотя здѣсь будутъ отвергнуты законы того же духа, законы, приспособленные къ земному его быту, но при всемъ томъ эта жизнь, какъ жизнь собственно духовная, всегда будетъ имѣть достоинство нравственно доброй жизни въ глазахъ тѣхъ, для коихъ жизнь духовная выше жизни, заключающейся въ предѣлахъ земной дѣятельности,— для коихъ жизнь настоящая есть только приготовленіе къ жизни, сообразной съ существомъ сво-

¹⁾ Духовная Бесѣда, томъ 10, стр. 373.

бодно-разумнаго духа. Отсюда отрѣшеніе юродивыхъ отъ законовъ ума, приспособленныхъ къ настоящему состоянію человѣка, при преобладающемъ развитіи высшихъ силъ ума, естественно; дѣятельность, устрояемая по законамъ сего послѣдняго, также естественна и вполне достойна нравственно-разумнаго существа; слѣдовательно, если можно и должно предполагать, что юродивые находились подъ вліяніемъ этой стороны ума, учреждали жизнь по ея законамъ и требованіямъ; то явно, что образъ ихъ жизни, несогласный съ жизнью по обыкновенному порядку, имѣетъ свое основаніе въ природѣ нашего духа, и вполне согласенъ съ нравственнымъ закономъ. И если бы мы могли понять нашу природу, выразить ея законы и требованія, опредѣлить по нимъ свое достоинство и назначеніе, измѣрить глубину, въ которую мы ниспали отъ истинной духовной жизни къ той, которая у насъ украшается и прикрывается въ своихъ недостаткахъ именемъ жизни по естественному порядку; то, можетъ быть, увидѣли бы, что эта природа, безъ постороннихъ внушеній и побужденій, сама взываетъ насъ къ отрѣшенности отъ порядка жизни, называемаго естественнымъ; увидѣли бы, что юродство, по непреложнымъ законамъ нашего духа есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, коими человѣкъ можетъ пользоваться при возстаніи отъ своего паденія, при изведеніи себя изъ жалкаго, поноснаго рабства чувственности въ состояніе свободы¹⁾.

Если наконецъ, посмотримъ на этотъ подвигъ съ чисто нравственной точки зрѣнія, то и въ этомъ отношеніи возможно примирить юродство съ природою человѣка, какъ нравственно-разумнаго существа. Необходимо въ данномъ случаѣ имѣть въ виду прежде всего личный характеръ, личное одушевленіе и проникновеніе духомъ Евангелія и ученія Апостоловъ того или другаго лица, принимавшаго на себя юродство, а съ другой стороны — нравственный уровень христіанскаго общества въ данное время, потому что «полное отрѣшеніе исторіи христіан-

¹⁾ Тамъ же 373—375 стр.

скихъ подвиговъ и раскрытія христіанской нравственности отъ общаго хода исторіи невозможно». Взматриваясь въ обнаруженія этого подвига, нельзя не замѣтить, что это отрицательный способъ представленія нравственнаго идеала въ жизни, — нѣчто подобно тому, что извѣстно въ поэзіи подъ именемъ *отрицательнаго* обнаруженія эстетическаго идеала. Возможно, чтобы поэтъ «плакалъ незримыми міру слезами» въ то время, какъ смѣется, повидимому, надъ недостатками жизни; возможно, чтобы въ это время предносился ему положительный, чистый, свѣтлый идеалъ ея, — почему же невозможно первое? Если же при этомъ обратимъ вниманіе на время, когда являлись юродивые, то еще болѣе объяснится намъ значеніе ихъ нравственной дѣятельности. Нельзя не признать, какъ увидимъ далѣе, того факта исторіи, что явленіе ихъ обуславливалось состояніемъ общественной нравственности въ данное время, что это было время болѣею частію нравственнаго упадка, нравственнаго разложенія, время, когда положительные уроки нравственности мало могли имѣть значенія, когда нужно было дѣйствовать *отрицательно*, когда нравственный идеалъ блекнулъ, когда нужно было учить добродѣтели чрезъ отвращеніе отъ порока, когда нужно было обнаружить всю наготу страсти, и картиною порока учить добродѣтели. Къ этому были направлены ихъ странныя, повидимому, дѣйствія. Это подвигъ не столько личный, сколько *общественный*: онъ предполагаетъ глубокое пониманіе жизни и глубочайшее нравственное самообладаніе. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, подвигъ юродства Христа ради представляется не только весьма разумнымъ и цѣлесообразнымъ, но и весьма многоцѣннымъ въ очахъ Божіихъ¹⁾.

¹⁾ Нравственное Богословіе Алексѣя Покровскаго 2 изд., 1892 г., Самара, 203—4 стр.

III.

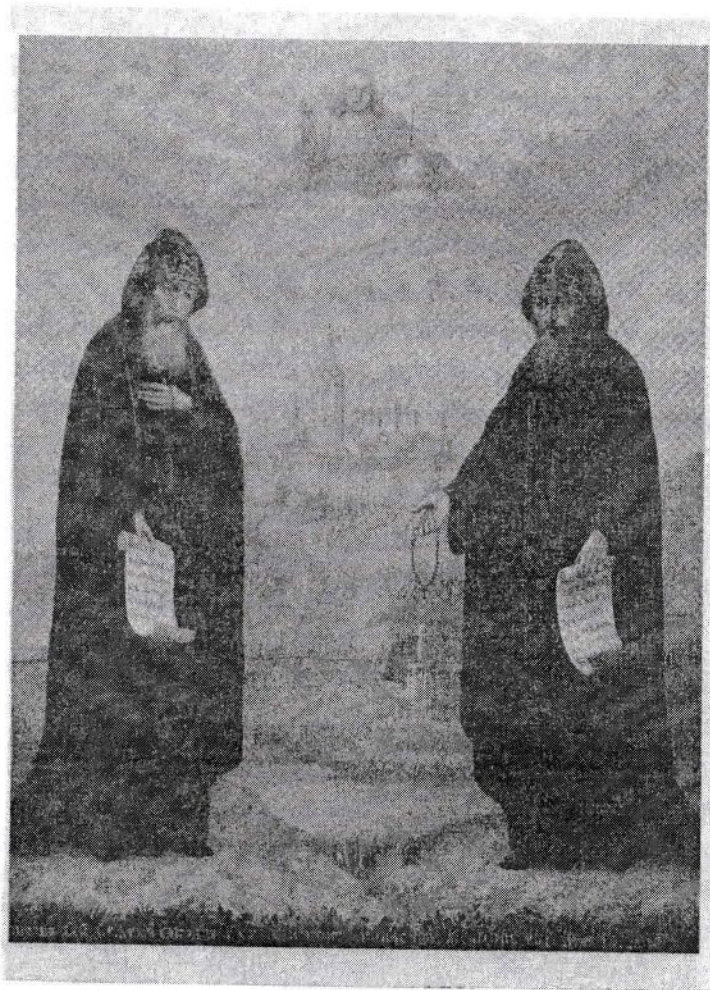
Большее благо для человека, къ достиженію котораго должны быть направлены всѣ силы духа и тѣла, есть его спасеніе, отсюда и высшее дѣло любви къ ближнимъ содѣйствовать ихъ спасенію. Въ христіанствѣ — въ царствѣ Христо-вомъ, въ царствѣ любви, каждый членъ долженъ заботиться не только о собственномъ спасеніи, но и о спасеніи всѣхъ: *да вси живють и мрутъ* (Іоан. X, 10). Выполниенію этой конечной цѣли бытія человека Христа ради юродивые строго и неуклонно слѣдовали во всей своей жизни и дѣятельности. На этой первой и большей заповѣди евангельскаго закона и второй подобной ей — на любви къ Богу и ближнимъ (Мѣ. XXII, 37 — 40), исключительно и всецѣло основанъ этотъ чрезвычайный подвигъ. Какими иными побужденіями можно объяснить этотъ труднѣйшій подвигъ, какъ не желаніемъ, *расширь себѣ міръ и себѣ міру* (Гал. VI, 14) и тѣмъ еще болѣе расширивъ кругъ своей дѣятельности для Бога и спасенія ближнихъ, всѣ силы духа устремить на служеніе Тому, Который и самую жизнь Свою положилъ за грѣшный родъ человѣческой?! Своимъ отреченіемъ отъ «внѣшняго человека» и отъ міра, посвящая себя на служеніе Богу, они всецѣло предавали себя, такъ сказать, въ руки Божіи, чтобы всецѣлымъ усвоеніемъ себя Богу усвоить себѣ Его силу, дабы *вся возмогаша о укрѣпляющеиъ Исусъ Христъ* (Филип. IV, 13). Эти истинные подвижники путемъ добровольнаго, внѣшняго самоуничженія и кажущагося безумія, ввѣривъ все дѣло спасенія своего божественному водительству, сокровенно и безпренятственно обогащали душу свою самыми высокими

добродѣтелями христіанскими, болѣе же всего смиреніемъ и любовію къ Богу и ближнимъ.

Основаніемъ всякаго подвига должно быть смиреніе или, какъ говоритъ преп. Исидоръ Пилусіотъ, — «наилучшее основаніе здравія души есть смиреніе» (Кн. 4, 6)¹⁾. «Ни бдѣнія, ни тѣлесные труды не доведутъ насъ до спасенія, говоритъ св. Θεодора, если нѣтъ въ душѣ смиренія. Былъ святой пустынникъ и изгонялъ духовъ изъ бѣсноватыхъ. Разъ спросилъ онъ демона, что прогоняетъ его, не постъ-ли? — Нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ, — и мы постимся.» — «Не бдѣніе-ли?» «Нѣтъ, ты знаешь, что и мы не спимъ и бываемъ очень дѣятельны.» «Не пустынная-ли жизнь? Нѣтъ, — и мы ходимъ по пустынямъ.» Какая же добродѣтель изгоняетъ васъ? «Смиреніе побѣждаетъ насъ, смиренія не терпимъ мы», отвѣчалъ тотъ. Видите, — продолжала пр. Θεодора, — смиреніе есть та добродѣтель, которая даруетъ намъ побѣду надъ злыми духами²⁾. Святые отцы — великіе подвижники благочестія смиреніе считаютъ одною изъ самыхъ важныхъ, необходимыхъ добродѣтелей, безъ которой нельзя спастись. Св. Макарій Великій говоритъ: «если увидишь, что кто нибудь превозносится и надмевается тѣмъ, что онъ — причастникъ благодати, то хотя бы и знаменія онъ творилъ и мертвыхъ воскрешалъ, но если не признаетъ души своей безчестною и униженною и себя нищимъ по духу и грѣшнымъ, тотъ окрадывается злобою и самъ не знаетъ того. Если и знаменія творитъ онъ, — не должно ему вѣрить, потому что признакъ христіанства и тому, кто благоискусенъ предъ Богомъ, стараться таить сіе отъ людей, и если имѣетъ у себя

¹⁾ Воскресное чтеніе годъ VI, 196 стр. Все подвиги иночества сосредоточиваются и утверждаются на одномъ, главномъ — самоотверженіи, а самоотверженіе происходитъ отъ смиренія; поэтому и въ основаніи духовнаго зданія добродѣтелей подвижника прежде всего должно быть положено смиреніе. Иначе все добродѣтели безъ смиренія, какъ зданія безъ фундамента, не могутъ прочно создаваться и долго стоять. *О монашествѣ еп. Петра*, 29 стр. примѣч.

²⁾ Св. Подвижницы Восточной церкви, преев. Филарета Черниговскаго. С.-Петербургъ 1871 г., 25 стр. Подобный же примѣръ, подтверждающій преимущества смиренія указывается и въ жизнеописаніи Макарія Египетскаго. См. Достопамятныя Сказанія, стр. 205, 217.

ПРЕПОДОБНЫЕ СЕРГИЙ И ГЕРМАН ВАЛААМСКИЕ

всѣ сокровища царя, сокрывать ихъ и говорить всегда: не мое это сокровище, другой положилъ его у меня; а я нищій; когда положившій захочетъ, возьметъ его у меня. Если же кто говоритъ: „богатъ я, довольно съ меня и того, что приобрѣлъ, — больше не нужно“, то таковой не христіанинъ, а сосудъ прелести и діавола. Ибо наслажденіе Богомъ ненасытимо и въ какой мѣрѣ вкушаетъ и причащается кто, въ такой дѣлается болѣе алчущимъ. Такіе люди имѣютъ горячность и неудержимую любовь къ Богу; чѣмъ болѣе они стараются преуспѣвать и приобретать, тѣмъ болѣе признаютъ себя нищими какъ во всемъ скудныхъ и ничего не приобрѣтшихъ. Они говорятъ нѣсть достоинъ, дабы сіе солнце меня освѣщало. Таковъ признакъ христіанства—смиреніе! ¹⁾). По словамъ св. Варсанофія, смиреніе есть мать всѣхъ добродѣтелей ²⁾ и имѣетъ первенство между добродѣтелями. Св. Исаакъ Сиринъ говоритъ: пока человѣкъ не смирится, не получаетъ награды за свое дѣланіе. Награда дается не за дѣланіе, а за смиреніе ³⁾).

Средствомъ къ приобретению смирения служить, какъ сознание всецѣлой зависимости нашей отъ Бога: во всемъ, такъ и нравственная беспомощность человѣка: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV, 5); а въ состояніи немощи и своей духовной нищеты смиренный съ большею вѣрою и любовью обращается къ Подателю силъ. Св. Доротея говоритъ: «кто постоянно внимаетъ себѣ, вникаетъ въ свое душевное состояніе, тотъ скоро увидитъ, что какъ только онъ возьмется за дѣло Божіе, врагъ еще крѣпче возьмется за него, — станетъ посѣвать въ немъ разные помыслы, возбуждать страсти, а совнѣ смущать его то оболъщеніями, то скорбями; а у человѣка не достанетъ ни благоразумія, ни силъ не только сдѣлать богоугодное дѣло, побѣдить врага, преодолѣть искушенія, подавить въ себѣ страсти, но даже и съ помыслами своими не можетъ совла-

¹⁾ Беседа XVI, § 35, стр. 184—5.

²⁾ Отв. 494, 453. 62 см. Указаніе пути ко спасенію. еп. Петра. Москва 1872 г., 288 стр.

³⁾ Слово 34 стр. 217, см. тамъ же 289 стр.

дать самъ собою безъ помощи Божіей. Убѣдившись въ своемъ безсиліи и грѣховной нечистотѣ, человекъ невольно смиряется, съ сокрушеніемъ сердца припадаетъ къ Богу, молясь о помощи. А путемъ къ приобрѣтенію смиренія, говоритъ тотъ же св. Отець, служатъ и труды тѣлесныя, совершаемыя благоразумно, и то, чтобы считать себя ниже всѣхъ (укорять, унижать себя во всемъ) и постоянно молиться Богу. Всякій, молящійся Богу: Господи! дай мнѣ смиреніе,—долженъ знать, что онъ проситъ Бога, дабы Онъ послалъ ему кого-нибудь оскорбить. Итакъ, когда кто-либо оскорбляетъ его, то онъ и самъ долженъ укорить себя, унижить себя, унижить себя мысленно, чтобы въ то время, когда другой смиряетъ его извинѣ, онъ самъ себя смирялъ внутренно ¹⁾. «Совершенство смиренія, по словамъ св. Исаака Сирина, въ томъ состоитъ, чтобы съ радостію сносить ложныя обвиненія. Кто истинно смиренномудръ, тотъ, будучи обиженъ, не возмущается и не говоритъ ничего въ свою защиту о томъ, въ чемъ онъ обиженъ, но принимаетъ клеветы, какъ истину, и не старается увѣрять людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прощенія. Иные добровольно навлекали на себя названіе непотребныхъ, не будучи таковыми; другіе же терпѣли именованіе прелюбодѣвъ, будучи далекими отъ прелюбодѣянія, и слезами свидѣтельствовали, что несутъ на себѣ плодъ грѣха, котораго не дѣлали, и съ плачемъ просили у обидѣвшихъ прощенія въ беззаконіи, котораго не совершали, когда душа ихъ была увѣнчана всякою чистотою и непорочною. Иные же, чтобы не прославляли ихъ за превосходныя правила жизни, соблюдаемыя ими въ тайнѣ, представлялись въ образъ юродивыхъ, бывъ растворены божественною солюю и непоколебимы въ своей тишинѣ, такъ что на высотѣ совершенства своего святыхъ ангеловъ имѣли провозвѣстниками своихъ добродѣтелей» ²⁾.

¹⁾ Тамъ же см. 296—7 стл.

²⁾ Исаака Сирина. Москва 1854 г. слово 58, стр. 377—8; и 53 стл., 285—92 стр. Одинъ инокъ за какой-то грѣхъ удаленъ былъ пресвитеромъ изъ церкви. Пр. Виссаріонъ всталъ и вышелъ вмѣстѣ съ «согрѣшившимъ» изъ церкви, говори: «и азъ грѣшнѣе есмь». Чет. мин. 6 іюня.

Что касается до служенія юродивыхъ дѣлу спасенія ближнихъ, то на это посвящена была вся ихъ жизнь. Что такое подвигъ юродства по существу, какъ не воплощенный протестъ противъ чрезмѣрнаго тяготѣнія людей къ землѣ, ея интересамъ и помышленіямъ?! Совершенно свободные отъ рабства вѣшнему, чувственному, всему земному, нисколько не сообразовавшіеся съ вѣкомъ симъ (Рим. XII, 2),—юродивые имѣли ближайшею цѣлію и самымъ неотразимымъ, жизненнымъ примѣромъ своимъ назидали, чтобы и всѣ другіе не увлекались ничѣмъ земнымъ, заботились о высшихъ цѣляхъ жизни: своею жизнію напоминали всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать и очи, чтобы видѣть, о томъ *единомъ*, что есть *на потребу*, напоминали постоянно, что они большею частію живутъ среди страшной и безмѣрной лжи, лицемерія, обмана и т. п. Не поучительно ли видѣть человека на землѣ, нѣкоторымъ образомъ уже не принадлежащаго землѣ, своимъ постояннымъ пребываніемъ въ себѣ, внутренней и вѣшной тишиною и всегдашнимъ самообладаніемъ разительно изобличающаго разсѣянность и шумную суету міра сего?! Самъ Богъ избиралъ этихъ дивныхъ подвижниковъ непосредственнымъ орудіемъ Своей божественной воли, чтобы въ самомъ ихъ безславіи и униженіи открывалась могущественная сила правды Божіей къ обличенію порока, униженію сильныхъ и мудрыхъ вѣка сего и къ облегченію участи страждущихъ. Сии подвижники, утверждаемые въ вѣрѣ, видимые духомъ Божиимъ, чувствуя себя свободными отъ узъ мірскихъ, независимыми отъ земного порядка вещей, имѣли святое дерзновеніе говорить открыто истину

О св. Симеонѣ юродивомъ въ житіи говорится: случилось одной служанкѣ дѣстися съ нѣкимъ юношею и зачати отъ него. И когда принуждали ее назвать виновника преступленія, она сказала, что была въ тайной связи съ юродивымъ Симеономъ. Услышавъ объ этомъ, Симеонъ не сталъ противорѣчить и сказалъ, что онъ носитъ тѣло—сосудъ скудѣльный. Когда повсюду разнеслась объ этомъ молва, старецъ «нача рабыню ту знати женою своею». 148 стр. Чет. Мин. 21 іюля. Св. блаженный Василій «печалію душевною и глубокимъ стѣваніемъ *умъ во глубину смиренія* погрузилъ, желая вселитися въ небесное царство», 8 пѣснь; «кто слыша безмѣрное твое смиреніе, Богомудре Исидоре, не удивися: ко всѣмъ кротость и незлобіе», Миней май 14, стихиры на хвалитѣхъ.

такимъ лицамъ, предъ которыми другіе не осмѣливались
возвышать голосъ правды. По истинѣ, они были ве-
ликими благодѣтелями для своихъ собратій, являясь,
смотря по требованію духовныхъ нуждъ современниковъ,
то кроткими наставниками, то грозными обличителями
и крѣпкими ратоборцами противъ зла. Въ жизнеописа-
ніяхъ юродивыхъ находимъ прямыя указанія, что жела-
ніе служить спасенію ближнихъ было главною причиною
ихъ обѣта на юродство. Въ житіи Симеона юродиваго
говорится, что когда онъ разлучался съ возлюбленною
имъ пустынею и съ единственнымъ своимъ другомъ,
подвижникомъ Іоанномъ, предъ вступленіемъ въ подвигъ
юродства, то обратился къ Іоанну: «нѣсть уже намъ,
брате, нужды въ пустыни сей пребывать, но послушай
мя, и *пойдемъ послужити спасенію иныхъ*; здѣ убо точию
себе пользуемъ, а мзды отъ пользованія иныхъ не има-
мы: не Апостолъ ли проглаголетъ: *никтоже своего си да
ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. X, 24): и па-
ки: *всѣмъ угождаю, не искій своя польза, но многихъ, да
спасутся* (33 ст). Далѣе въ житіи Симеона юродиваго
передается: «святый въ притворномъ бѣснованіи пре-
многіе челоувѣки обличаше о тайныхъ грѣсѣхъ ихъ: овья
о нечистотѣ, овья о татьбѣ, овья о клятвопреступле-
ніи, и кождо о всякомъ грѣсѣ его: обличаше же инья
особь, инья предъ другими, инымъ притчами сказоваше,
злая дѣла ихъ, да познають свою совѣсть, а иныхъ явѣ
поношаше о творимыхъ беззаконіяхъ и тако *весь градъ
удерживаше отъ грѣховъ смертныхъ, приводя поди въ
чувство и въ покаяніе*»¹⁾. Василий блаженный «божест-
венною благодатию укрѣпляемъ, не только свою душу
спасаетъ, но и многимъ душамъ ходатай ко спасенію»²⁾.

Движимые евангельскою любовію къ своимъ совре-
менникамъ. — какія иногда необыкновенныя средства

¹⁾ „Прежде дву дней своего преставленія Симеонъ глагола другу своему
діакону Іоанну: видѣхъ въкого славна глаголюща ко мнѣ: грѣди, юрде, грѣ-
ди, да примени не единъ вънецъ, но многіе вѣнцы за спасеніе многихъ душъ
челоувѣческихъ“. Чет. мин. іюль 21, 145—6, 147 на обор., и 151 на обор. и
152 стр.

²⁾ Рукописное житіе *вкратцѣ и слово похвальное и чудеса святана и пра-
ведана Христа ради юродивана блаженана Василия*, новаго чудотворца Мо-
сковскаго. 22 стр., въ бібліотекѣ Новгородскаго собора.

предпринимали юродивые для того, чтобы обратить
заблуждающихся къ вѣрѣ и жизни христіанской?! Для
блага и спасенія ближнихъ они жертвовали всѣмъ, чѣмъ
только могли, даже собственнымъ благополучіемъ, здо-
ровьемъ; нѣкоторые изъ нихъ не щадили для нихъ да-
же самой своей жизни. Преп. Серапіонъ, по словамъ
Палладія, еп. Еленопольскаго, ¹⁾ посвятилъ всю жизнь
свою на спасеніе ближнихъ. Въ одномъ городѣ продалъ
себя за двадцать монетъ комедіантамъ язычникамъ и оста-
вался у нихъ, питаясь только хлѣбомъ и водою, пока
не обратился къ христіанству и не заставилъ оста-
вить театр. Утвержденный его наставленіями въ благо-
честивой жизни со всѣмъ семействомъ, комедіантъ хотѣлъ
отпустить его на свободу. Тогда Серапіонъ открылъ имъ
тайну своего намѣренія и возвратилъ въ цѣлости день-
ги, которыя хранилъ запечатанными, говоря: «видя
васъ во многомъ заблужденіи и погибели, милосердство-
вахъ о васъ, и того ради продахъ себя вамъ, да воз-
могу васъ помощію Божіею наставить на путь спасенія:
нынѣ же спасшеся вы отъ Господа мною смиреннымъ,
возьмите серебро ваше, азъ же пойду о другихъ спасе-
ніи пеущися»²⁾.

Чѣмъ глубже было нравственное паденіе, чѣмъ больше
распространялся соблазнъ порочной жизни; — тѣмъ съ
большею силою воспламенялась ревность сихъ дивныхъ
подвижниковъ о спасеніи такихъ людей отъ погибели.
Глубина паденія подобныхъ грѣшниковъ не устранила
сихъ ревнителей спасенія ближнихъ: съ твердою наде-
ждою на помощь Божію, они предпринимали всѣвозмож-
ныя средства, какія только могли придумать для того,
чтобы исправить порочныхъ, обратить ихъ на путь спа-
сенія. Ни своимъ душевнымъ спокойствіемъ, ни тѣлес-
ными трудами, ни людскимъ мнѣніемъ о себѣ не доро-

¹⁾ *Лавсаикъ*, 210 стр., 69 глава.

²⁾ Чет. Мин. мая 14. Въ другой разъ Серапіонъ — „сей наилучшій изъ мо-
наховъ“ продалъ себя манихей и въ два года успѣлъ отклонить отъ ереси
его самого, жену со всѣмъ домою и присоединить къ церкви. *Лавсаикъ* 70
глава. Чет. Мин. 14 мая. — Симеонъ юродивый обратился ко Христу домою
„сочевника“ — содержателя харчевни, принадлежавшаго Севировой ереси; такъ
же и „жидовинъ вѣкій“ обращенъ былъ ко Христу преп. Симеономъ Чет.
Мин. 21 іюль, 149 стр.

жили они, когда видѣли возможность спасти погибающаго. Въ жизнеописаніяхъ юродивыхъ нерѣдко встрѣчаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ вращались среди самыхъ порочныхъ членовъ общества. Свободные отъ узъ міра, не связанные общественными условными приличіями, по глубокому самоотверженію, они тѣмъ съ большою пользою для порочныхъ членовъ общества могли дѣйствовать, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, ни на презрѣніе общества къ великому грѣшнику: они видѣли въ немъ только погибающаго брата и старались освободить его отъ оковъ порока. Такъ въ Скитскомъ Патерикѣ читаемъ о юродивомъ Виссаріонѣ: «шелъ нѣкогда блаж. Виссаріонъ чрезъ одну Египетскую деревню и, увидѣвъ блудницу, которая стояла у своей горницы, сказалъ ей: ожидай меня вечеромъ; приду къ тебѣ и ночую съ тобою. Хорошо, авва! отвѣчала блудница. И вотъ она приготовилась и постлала ложе. Вечеромъ старецъ пришелъ къ ней и, вошедши въ ея горницу, спросилъ: приготовила ли ложе? — Приготовила, авва, отвѣчала блудница. Старецъ заперъ дверь и сказалъ ей: подожди немного; я только исполню наше обычное правило. И старецъ началъ свое молитвословіе. Читалъ онъ Псалтирь: послѣ каждаго псалма молился Богу о ней, прося Бога, да даруетъ ей покаяніе и спасеніе, — и Богъ услышалъ его. Блудница стояла въ трепетѣ и молилась подлѣ старца. Когда старецъ окончилъ весь Псалтирь, она пала на землю. Старецъ взялъ Апостоль, много прочиталъ изъ него и окончилъ свое молитвословіе. Блудница пришла въ сокрушеніе и, узнавъ, что старецъ пришелъ къ ней не для грѣха, но чтобы спасти душу ея, поверглась предъ нимъ и просила: сдѣлай милость, авва, отведи меня туда, гдѣ могу я угодить Богу. Старецъ повелъ ее въ женскій монастырь и поручилъ матери настоятельницѣ, сказавъ ей: прими сію сестру и не натагай на нее бремени или заповѣди, какъ на другихъ сестеръ, но давай ей, чего она захочетъ, и если захочетъ идти, позволяй ей. По прошествіи немногихъ дней, женщина сказала: я грѣшница и желаю вкушать пищу черезъ два дня. Еще нѣсколько

нѣсколько дней спустя, она сказала: много грѣховъ у меня, и я желаю поститься по сорокъ дней. Наконецъ, еще чрезъ нѣсколько дней, она упрашивала настоятельницу такъ: сильно оскорбила я Бога моими беззаконіями: сдѣлай же милость, отведи мя въ келлюю, запри ее и подавай мнѣ въ окно немного хлѣба и рукодѣлье. Мать исполнила ея просьбу и бывшая блудницею въ остальное время своей жизни благоугождала Богу¹⁾.

Совершенно чуждые мірскихъ заботъ и попеченій, движимые чувствомъ милосердія къ ближнимъ, юродивые иногда совершенно всего лишали себя самихъ, если видѣли, что ихъ помощь благотворна будетъ бѣдному, на котораго люди мірскіе не хотѣли обратить даже и вниманія. Примѣръ такого высокаго самоотверженія и любви къ ближнимъ видимъ въ преп. Серапіонѣ. Этотъ св. подвижникъ не имѣлъ у себя никакой другой одежды, кромѣ эпанчи, не имѣлъ онъ также ни келліи, ни постояннаго пристанища и обыкновенно носилъ съ собою только Евангеліе. Однажды, на пути въ Александрію, онъ встрѣтился съ нищимъ, который безъ одежды дрожалъ отъ холода. Св. Серапіонъ, остановившись, подумалъ: меня почитаютъ постникомъ и исполнителемъ Христовыхъ заповѣдей, между тѣмъ ношу я одежду, а этотъ нищій — рабъ Христовъ, погибаетъ отъ холода. По истинѣ, какъ убійца, осужденъ буду въ день страшнаго суда, если не покрою наготы его и поущу ему умереть отъ холода. Тотчасъ снялъ съ себя эпанчу и отдалъ нищему; потомъ сѣлъ нагой на распутии, держа въ рукахъ св. Евангеліе. Въ то время одинъ знакомый, проходя мимо его, спросилъ: отецъ Серапіонъ, кто обнажилъ тебя? Св. подвижникъ, указавъ на Евангеліе, сказалъ: оно раздѣло меня. Потомъ св. Серапіонъ увидѣлъ, что мимо его ведутъ должника въ темницу; жалившись надъ нимъ и не имѣя, что дать ему, продалъ

¹⁾ Скитскій Патерикъ, 52—3 стр.. Подобными же подвигами при обращеніи такихъ же грѣшницъ ознаменовалъ себя Симеонъ юродивый: онъ, обративъ блудницъ, давалъ имъ деньги съ тѣмъ, чтобы онѣ болѣе не грѣшили, а на тѣхъ, кои не слушались увѣщаній насылалъ болѣзни. Чет. Мин. 21 июля, 149 стр. на обор.; также см. Достопамяти. сказ., 375—6 стр. Древній Патерикъ, 333 стр.

Евангеліе и отдать тому человѣку деньги для уплаты долга. Послѣ того, какъ Серапіонъ пришелъ въ келлію, ученикъ спросилъ его: гдѣ Евангеліе? Св. старецъ сказалъ: сынъ мой, оно постоянно твердило мнѣ, — *продаждь ильнїе твое и даждь нищїмъ* (Матѳ. XIX, 21; Марк. X, 21). Я послушался и сдѣлалъ такъ, чтобы за послушаніе получить дерзновеніе предъ Богомъ¹⁾. Изъ состраданія къ бѣдствующимъ онъ не только продалъ единственное свое сокровище—Евангеліе, но нѣсколько разъ самого себя продавалъ въ рабство: то, какъ мы ранѣе видѣли, чтобы привести заблуждающихся ко Христу, то,—чтобы помочь вдовѣ, которая съ дѣтьми своими умираетъ съ голоду, и еще въ другой разъ, — чтобы замѣнить въ плѣну сына вдовы, единственное ея на землѣ утѣшеніе²⁾.

Въ жизнеописаніяхъ юродивыхъ находимъ также ясныя указанія на то, что они имѣли даръ предсказывать будущее и нерѣдко отвращали гнѣвъ Божій отъ своихъ современниковъ, тѣхъ самыхъ своихъ собратьевъ, у которыхъ они были въ поношеніи и посмѣяніи. Такъ св. Симеонъ предсказывалъ страшное землетрясеніе бывшее въ царствованіе Юстиніана³⁾. Св. Прокопій Устюжскій, предсказавъ согражданамъ своимъ нашествіе каменной тучи, обратилъ ихъ къ покаянію и молитвою своею вмѣстѣ съ ними отвратилъ гнѣвъ Божій. Въ указанное время туча дѣйствительно явилась, но, перемѣнивъ свое направленіе, двинулась отъ города на западъ и тамъ надъ

¹⁾ Чет. Мин., 14 мая.

²⁾ Святитель Александрійскій—Іоаннъ Милостивый неоднократно со слезами прочитывалъ житіе блаж. Серапіона среди «экономовъ, казначеевъ, діаконовъ» и др. завѣдующихъ раздаваніемъ милостыни, показывая, какъ еще мала любовь ихъ въ бѣднымъ въ сравненіи съ любовью милосердаго Серапіона: «Ахъ, возлюбленные братія и христолюбцы, что значимъ мы предъ симъ святымъ мужемъ, котораго подвиги припоминаемъ! Я думалъ, что, раздавши свои деньги, сдѣлалъ хоть что нибудь; но я не зналъ, что были такіе люди, которые увлекались состраданіемъ, продали и самихъ себя». *Житїи св. Иоанна Милостиваго, патр. Александрійскаго*. Москва 1840 г., 46 стр.

³⁾ Юродствуя, онъ однажды бѣгалъ по городу и ударилъ по столпамъ зданій и приговаривалъ: «стойте крѣпко, вамъ придется скакать». Послѣ землетрясенія замѣчено было, что все столпы, по которымъ билъ блаженный, устояли, а прочіе или «мало преклонився стояше», или совсемъ пали. Онъ же предъ моровою извою прощался съ нѣкоторыми изъ дѣтей и тѣ, которыхъ онъ цѣловалъ, во время мора померли. Читаніи Минецъ, 21 июля.

лѣсомъ разразилась страшнымъ градомъ огромнѣйшихъ камней, не причинивъ никакого вреда жителямъ Устюга¹⁾. Св. Михайлъ Клопскій, во время трехлѣтняго бездождя въ Новгородѣ, молитвами своими извелъ изъ земли обильный источникъ воды²⁾. Извѣстенъ также «спасительный поступокъ» юродиваго Николы Салоса, который умною смѣлостію вразумилъ Грознаго царя и тѣмъ отклонилъ истребленіе Пскова, какое готовилъ ему раздраженный царь³⁾. Василий блаженный незадолго предъ нападеніемъ Татаръ (въ 1521 г.) на Русское царство, однажды ночью предъ сѣверными дверьми Успенскаго, въ Москвѣ, собора долго молился со слезами Богу объ избавленіи согражданъ отъ угрожавшей опасности⁴⁾; въ другой разъ (1547 г.) «Василій юродивый, говорить лѣтописецъ, прииде въ монастырь Воздвиженія⁵⁾, иже зовется на островѣ, и ста предъ церковію, къ ней же умильно зря и умно молитву дѣяша и плакашеса неутѣшно»⁶⁾. Это таинственное моленіе было предвѣстїемъ страшнаго пожара, случившагося утромъ слѣдующаго дня и начавшагося съ этого храма. По истинѣ сїи избранники Божїи въ своемъ милосердомъ и человѣколюбивомъ служеніи согражданамъ своимъ *облеклись, по Апостолу, въ милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе* (Колос. III, 12); *надъ всеми же силами стяжали любовь, яже есть союзъ совершенства* (14 ст.), *да совершенъ будетъ Божїи челоуѣкъ на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III, 17).

¹⁾ Чет. Мин. июль 8, 48 стр. на обор.

²⁾ Прологъ, 11 января.

³⁾ «Русскіе Святїи» преосв. Филарета Черниговск., февр. 28, 276 стр.

⁴⁾ Кн. Степенная ч. 2, 195 стр.

⁵⁾ На Воздвиженкѣ,—теперь приходская церковь.

⁶⁾ Степенная книга, ч. 2, 245 стр.

IV.

акъ высокъ по существу и такъ благотворенъ подвигъ юродства по отношенію къ ближнимъ, когда мы смотримъ на него съ внутренней, свѣтлой стороны, но не такимъ онъ можетъ показаться, если судить о немъ совнѣ, по тѣмъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ поступкамъ, какіе мы нерѣдко видимъ во внѣшней жизни юродивыхъ. *Пути праведныя, говоритъ Соломонъ, подобно свѣту свѣщаются, предъходятъ и прощаютъ, дондеже исправится день.* Отраднѣе видѣть въ дѣяніяхъ подвиговъ святыхъ Божіихъ, гдѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается все, что есть лучшаго въ природѣ человѣка; въ жизнеописаніяхъ святыхъ свѣтъ подвиговъ и ученія ихъ такъ сіяетъ, по изреченію Спасителя, *предъ всеми людьми, что видя ихъ добрыя дѣла, мы прославляемъ Отца Небеснаго (МѠ. V, 16), благоговѣемъ къ святымъ Его и соуслаждаемся имъ по внутреннему челоуку (Римл. VII, 22).* Совершенно иное, повидимому, можетъ проявляться чувство, при чтеніи «Житія» Христа ради юродивыхъ: большею частію неразумныя поступки, бѣснованія, иногда обращеніе съ самыми порочными, отверженными членами общества, иногда нарушеніе священныя для христіанина правилъ и постановленій церкви, — чему здѣсь очевидецъ можетъ научиться, чѣмъ назидаться¹⁾! Если многое, какъ выше видѣли, находимъ въ жизни юродивыхъ, что даетъ другой, свѣтлый видъ всему ихъ поведенію: такъ они

¹⁾ О Симеонѣ юродивомъ говорится: «овогда храмли, овогда скача хождаше; овогда же по земли ползаше и текущимъ по пути заинаше нозъ, и лежа на земли, бѣше землю ногами, на новый же мѣсяць притворяше себѣ бѣснованіе, и падаша аки бѣсенъ и на многая очеса мъ челоуцкимъ неугодна и нелъпая дѣяше, всѣмъ себе безумна быти являя, да никтоже мнѣть его быти свята». Чет. Мин., 21 июля, 149 стр., или о немъ же говорится: «вселяше въ корчемникъ піющихъ старецъ юродствующи»; также см. 149 стран. на оборотъ; 150 и 151 стр.

являлись то наставниками заблуждавшихся, то обличителями порочныхъ, предрекали будущее, исцѣляли болѣзни или же наказывали ими ожесточенныхъ грѣшниковъ; но въ такихъ важныхъ случаяхъ они поступали загадочно, таинственно, иносказательно; если же когда и прямо говорили, то подѣ строгимъ запрещеніемъ, требуя отъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣли дѣло, хранить все за сокровенною тайну¹⁾. Притомъ, какъ скоро замѣчали въ другихъ выгодное о себѣ мнѣніе, они тотчасъ старались уничтожить его своими странными на видъ поступками²⁾.

Если иное впечатлѣніе получаемъ, при взглядѣ на жизнь юродивыхъ, то это зависитъ, конечно, отъ того, что мы смотримъ на нихъ, такъ сказать, съ свѣтлой стороны, какъ на истинныхъ подвижниковъ благочестія; намъ извѣстны высокія нравственныя ихъ побужденія, которыя они, по глубокому смиренію своему, старались скрывать подѣ личиною мнимаго безумія. Но какъ смотрѣть на жизнь юродивыхъ, тѣмъ, для кого она была открыта съ одной внѣшней, мрачной стороны? Не могутъ ли ихъ странныя поступки служить поводомъ къ соблазну другихъ?

Прежде всего нужно помнить, что подвигъ юродства принимали на себя люди уже утвердившіеся въ духовныхъ подвигахъ, испытанные въ духовной мудрости. Первые примѣры юродивыхъ — иноки, искушенные въ духовномъ бодрствованіи, извѣстные другимъ своимъ высокимъ житіемъ, послѣ продолжительной и, нужно полагать, не легкой внутренней борьбы на пути къ этому труднѣйшему и чрезвычайному подвигу. Такъ о блажен-

¹⁾ Св. Андрей юродивый обличалъ большею частію въ притчахъ, такъ что его обличенія были понятны для однихъ обличаемыхъ. См. его житіе въ Чет. Мин., окт. 2 Всѣ почти юродивые строго — «клятвами запрещали» разглашать о своихъ чудесныхъ дѣяніяхъ, прежде чѣмъ они (юродивые) умрутъ, о чемъ упоминается въ Житіяхъ ихъ послѣ каждаго чудеснаго случая. — Предъ вступленіемъ въ подвигъ юродства, въ Иерусалимѣ Симеонъ моляшеся преставленъ будетъ, яко да убъжитъ тщетныя славы и возношенія, но яко безумнаго и несмысленнаго вси да имѣютъ его Чет. Мин. 146 стр.

²⁾ «Егда начинаху люди имѣти (Симеону юрод.) яко свята, онъ нѣчто таково содѣловаше, еже не святости, но безумія явнымъ бываше показаніемъ»; стр. 149 на обор. Извѣстенъ тотъ поступокъ, которымъ сей же блаж. хотѣлъ уничтожить выгодное о себѣ мнѣніе въ своемъ хозяйнѣ — «корчемникъ», 146 стран. на оборотъ.

ной Исидорѣ, подвижницѣ женской Тавенской обители, первой по времени изъ юродивыхъ, у еп. Палладія говорится, что она «избрала сей родъ подвижничества „по своему рѣдкому смиренію“¹⁾; о преп. Серапіонѣ разсказывается, что онъ отъ «юности бысть монахъ», много упражнялся въ нестяжательности и ревности къ слову Божію (наизусть читалъ все Божественное Писаніе) и приобрѣлъ совершенное безстрастіе»; „ради большаго совершенства рѣшился оставить келлію“, чтобы юродствовать въ мірѣ²⁾. О Симеонѣ юродивомъ извѣстно, что 30-ти лѣтъ онъ принялъ иночество, около 30 лѣтъ подвизался въ пустынѣ, близъ Мертваго моря, въ этомъ лучшемъ разсадникѣ избраннаго подвижничества, подъ наблюдениемъ истинныхъ столповъ иноческаго житія и уже въ 60 лѣтнемъ возрастѣ *пошелъ изъ пустыни „ругаться міру“*³⁾. Предъ вступленіемъ въ подвигъ юродства, на просьбу друга своего пустытника Іоанна — не оставлять пустыни и не разлучаться съ нимъ, Симеонъ отвѣчалъ: «вѣру мнѣ ими, брате, яко азъ здѣ прочее не пребуду, но о силѣ Христовой иду, и поругаюся міру. Іоаннъ же рече ему: *азъ еще не придохъ въ таковое совершенство, дабы возмогъ ругаться міру, боюся, да не како онъ поругается мнѣ и обнажитъ мя благодать Божія*»; и далѣе продолжаетъ Симеонъ: «помышляй о мнѣ, яко умрохъ (міру), ибо еще бы уже умерлъ, то не пребылъ ли бы еси единъ; ими же мнѣ вѣру, яко еще поидеши со мною, добръ сотвориши, аще же не идеши, буди воля твоя: азъ же здѣ не пребуду, но иду, *а може*

1) Лавсаикъ, гл. 37, 120 стр. Въздвѣіе откровенія пустынникъ Птиримъ — „мужъ знаменитый подвигами“ пришелъ въ Тавенскій женскій монастырь, чтобы видѣть здѣсь избранную рабу Божію, Исидору. Созвавъ всѣхъ сестеръ монастыря, потребовалъ и Исидору, которая подъ личиною юродства исправляла самыя низкія и тяжелыя работы въ монастырской кухнѣ, и когда ему замѣтили, что эта безумная не достойна его вниманія, онъ, наученный откровениемъ, сказалъ: „вы всѣ обманываетесь; эта святая жена умнѣе всѣхъ насъ! потому когда явилась юродивая, пасть ей въ ноги и просить у нея благословенія. Что же дѣлаетъ святая? Пада и она предъ Птиримомъ, исповѣдуя себя величайшею грѣшницею, а потомъ видя, что на нее обращено вниманіе, какъ на святую, вдругъ скрылась и убѣжала въ мѣста пустынныя. Тамъ же, 121—3 стр.

2) Прологъ мая 14, и 211—13 стр. Лавсаикъ.

3) Четин Миней 21 июля и Полный Мѣсяцесловъ Востока, преосвящ. Сергія, ч. 2, замѣтки, июля 21, 210 стр.

мнѣ велитъ Богъ¹⁾. Преп. Виссаріонъ былъ сначала ученикомъ образованнаго и опытнаго въ духовной жизни Исидора Пилусіота, но потомъ, по смерти родителей, раздавъ имѣніе нищимъ и монастырямъ, отвержеся міра и бысть монахъ, удалился въ пустыню для усовершенствованія въ подвигахъ и затѣмъ принялъ юродство²⁾. Св. Тома въ одномъ изъ Сирійскихъ монастырей «иночествоваше»; желая скрыть отъ другихъ «добродѣтельное свое житіе», принялъ юродство о Христѣ³⁾. Изъ юродивыхъ на Руси — преп. Исаакій «бѣ купецъ, родомъ Торопечанинъ, помысли быти мнихъ и раздая имѣніе свое требующимъ, и иде къ Великому Антонію, въ пещеру, моляся, дабы его сотворилъ черноризцемъ и пріять и Антоній... сей же Исаакій воспріять житіе крѣпко», говоритъ лѣтописецъ; 7 лѣтъ сначала былъ въ затворѣ и потомъ рѣшился юродствовать⁴⁾. Преп. Михаилъ Клопскій до принятія юродства былъ инокомъ⁵⁾.

Почти всѣ юродивые Востока и нѣкоторые изъ нихъ на Руси, какъ сейчасъ видѣли, — были иноки. Отсюда съ перваго взгляда можетъ показаться, что юродство о Христѣ вообще противорѣчитъ идеѣ монашества: «ибо юродствовать можно только въ міру, а инокъ неисходно долженъ пребывать въ монастырѣ»⁶⁾. Но служба, видимо, отрицаніемъ монашества, какъ наглядное доказательство возможности спастись среди мірекой суеты. подвигъ юродства тѣмъ не менѣе имѣетъ несомнѣнное родство съ монашествомъ. Прежде всего юродство представлялось какъ бы нѣкою воинскою хитростію противъ демоновъ. «Постараемся», говоритъ Св. Іоаннъ въ Лѣст-

1) Чет. Мин. 21 июля, 145 стр. на обор.

2) Тамъ же июля 6 и Прологъ 23 мая.

3) Чет. Мин. 24 апрѣля.

4) См. Истор. Русской церкви Е. Е. Голубинскаго, томъ 1-й, вторая половина, сн. 541 и 548 стр.

5) Степенная кн. 2 ч., 99 стр.

На Руси желавшіе юродствовать несомнѣнно пользовались высокими въ этомъ отношеніи примѣрами востока, что такъ естественно, особенно, если вспомнимъ, какъ велико было тяготѣніе нашего русскаго подвижничества къ своимъ старшимъ собратіямъ, подвижникамъ восточнымъ, о чемъ подробно скажемъ послѣ.

6) Исторія Русской церкви Е. Е. Голубинскаго, томъ 1-й, 2 полов., 547 стр.: „впрочемъ, продолжаетъ историкъ, въ юродствѣ подвизались не одни монахи, а и міряне“. Тамъ же.

вицѣ (XXVI: 138—139) «не только бороться съ демонами, но и нападать на них... Кто побѣдилъ страсти, тотъ поражаетъ демоновъ, притворно показывая, что имѣетъ страсти, и тѣмъ обманываетъ своихъ враговъ, оставаясь неуязвимымъ для нихъ. Нѣкто изъ братій потерпѣлъ однажды безчестіе, и ни мало не тронувшись этимъ, помолился умомъ, потомъ началъ роптать по поводу нанесеннаго ему безчестія. Другой изъ братіи, вовсе не желавшій первенства, притворялся, что весьма домогается этого. Какъ же изображу тебѣ непорочность того, кто вошелъ въ блудный домъ, повидимому, ради грѣха, но блудницу привлечь къ подвижнической жизни¹⁾! Еще: одному изъ безмолвниковъ очень рано утромъ принесъ нѣкто виноградную кисть, а онъ, по выходѣ принесшаго, съ какою-то торопливостію, впрочемъ безъ всякаго вождельнія, съѣлъ ягоды, показывая демонамъ въ себѣ чревоугодника. Другой еще, потерявъ нѣсколько прутьевъ, цѣлый день представлялся скорбящимъ о томъ». Предъ вступленіемъ Андрея въ подвигъ юродства, «во снѣ Христа (прежде), воспѣваетъ ему перковы, видѣлъ еси, на демоны ил. укрѣпляюща, и вѣнецъ тебѣ подающа и со эіопомъ братися поучающа», или еще: «со эіопомъ брався, побѣдилъ еси того, отъ Христа дерзновение примъ, многу печаль демономъ сотворилъ еси»²⁾. Василий блаженный — «мудрѣйшимъ юродствомъ прехитрилъ діавола»³⁾, св. Іоаннъ Устюжскій — «бѣсовская ополченія посрамирлъ»⁴⁾. «Но таковымъ много нужно трезвости, продолжаетъ преп. Лѣствичникъ, чтобы, вознамѣрившись насмѣяться надъ демонами, самимъ не сдѣлаться ихъ игралищемъ. О сихъ-то, безъ сомнѣнія, сказалъ Апостоль: яко лестцы и истинни (2 Кор. VI. 8)». Но юродствовать такимъ образомъ, для обмана демоновъ, само собою разумѣется, можно было, и не выходя изъ келліи. Поэтому аргументація, связывающая юродство съ монашестввомъ, должна идти далѣе. Основною всякаго подвига, какъ и вообще иночества, какъ мы видѣли, должно слу-

1) Это извѣстно о преп. Серапіонѣ, см. Достопамятн. сказанія 375—6 стр.

2) Миней, октябрь. 2. 3 пѣсь канона.

3) На стиховнѣ стихиръ.

4) Удаленъ 1-й канонъ, Миней 29 мая.

жить смиреніе, а оно всего удобнѣе достигается и сохраняется вслѣдствіе людскаго безчестія. Для того, чтобы получить иноку отъ людей безчестіе, нѣтъ болѣе вѣрнаго способа, какъ путь юродства. (Терновскій—318 стр.). Далѣе, необходимо помнить, что тѣ немногіе изъ ревнителѣй благочестія, которые обрекали себя на этотъ подвигъ, принимали его не самовольно, а по особенному призванію Божію¹⁾, избирали сей опасный путь «по особенному указанію промысла Божія, иногда же и по чрезвычайному откровенію, что потомъ самъ Богъ благословлялъ и утверждалъ ихъ на семъ пути, сопровождалъ подвигъ ихъ Своею благодатною помощію, нерѣдко чудесною, и Самъ же открывалъ ихъ Церкви, какъ Своихъ избранныхъ и святыхъ»²⁾. Пустынникъ Іоаннъ, «плача о разлученіи» съ другомъ Симеономъ, предъ вступленіемъ послѣдняго въ подвигъ юродства, въ продолжительной бесѣдѣ убѣждалъ его «блюсти», чтобы «еже собра пустыня, да не расточитъ прелесть мірская», на что святой Симеонъ отвѣчалъ ему: «не бойся, любезный мой брате, Іоанне, еже хочу творити, не моймъ изволеніемъ хочу, но Божіимъ повелѣніемъ и о семъ познаемъ угодно быти Богу мое дѣло, яко прежде смерти моя приду къ тебѣ и цѣлюю, и позову тя за собою и не по многихъ днехъ постигнеши мя»³⁾. По особенному откровенію свыше принялъ, какъ извѣстно, юродство св. Андрей. Въ ночномъ видѣніи былъ къ нему голосъ Господа: «Тецы на добрый подвигъ, нагъ буди и юродъ Мене ради и ты получишь великую награду въ де Моего царствія». И «отъ того часа сотворися Андре юродство Христа ради»⁴⁾. «Званіе твое не отъ челоу бысть но отъ Бога», вѣщаетъ Церковь блаженному В илию⁵⁾;

1) Душеполезн. Чтеніе 1865 г., ч. 1, 332 стр.

2) Воскресное Чтеніе, IV годъ, 259 стр.

3) Въ концѣ житія св. Симеона передается, что за два дня до своей смерти юродивый, находясь въ Емесѣ, по особенному откровенію Божію, «видѣлъ» пустытника Іоанна, находившагося въ то самое время въ своей пуст. близъ Мертваго моря, и «обрѣтохъ его вельми преуспѣваща въ добродѣтели и видѣхъ на главѣ его вѣнецъ терпѣнія пустыянаго». Четія Миней, 21, 152 стран. на оборотѣ и 146 стр.

4) Прологъ. 2 окт. и Чет. Мин., 2 окт.

5) Миней августа 2, пѣсь 5 или тамъ же—«по благодати, преблаг е, въ юродство приложился еси».

или блаженному Иоанну Устюжскому чудотворцу—«егда божественное званіе приде на тя, богомудре, тогда святымъ духомъ подвижася, возникль еси отъ мірскаго сладострастія къ свѣту богоразумія»¹⁾).

Потому въ юродивыхъ благочестивое чувство христіанское всегда видѣло и почитало истинныхъ ревнителей благочестія. Эти носители божественной благодати, стремившіеся подь личиною юродства къ осуществленію христіанскихъ идеаловъ, не укрывались отъ людскаго вниманія и благоговѣнія: ихъ странными рѣчами и поступками не только не соблазнялись, но охотно предавали особенный, таинственный—пророческій смыслъ. Память о нихъ, какъ о великихъ угодникахъ Божіихъ, тайныхъ молитвенникахъ за грѣшный міръ, переходила изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе и, ставъ достояніемъ исторіи, не соблазняетъ, а высоко назидаетъ желающихъ истинной жизни по Богу.

Въ виду чрезвычайной трудности этого подвига и опасностей, которыя съ нимъ могутъ быть связаны и того духовнаго искуса, какой необходимъ для истинно-юродивыхъ, — опытные старцы-руководители удерживали стремившихся юродствовать. Св. Исаакъ Сиринъ сообщаетъ о себѣ слѣдующую автобіографическую замѣтку: «пришелъ я однажды, пишетъ онъ, къ опытному старцу и сказалъ ему: пришелъ мнѣ, отче, помысль пойти въ воскресный день на церковную паперть, съѣсть тамъ и рано утромъ ѣсть, чтобы всякій входящій и выходящій, увидѣвъ меня, уничижилъ. Старецъ отвѣчалъ на это: «писано, что всякій, кто дѣлаетъ соблазнъ мірянамъ, не узритъ свѣта. А ты никому неизвѣстенъ въ этой сторонѣ, житія твоего не знаютъ, а будутъ гово-

¹⁾ Стихиря на вечерни, Мисса 29 мая. Но при такомъ благодатномъ, или «свѣтлѣ» призваніи къ юродству, нравственное достоинство сего подвига не умаляется, такъ какъ «безъ согласія воли человѣческой Самъ Богъ, говоритъ св. Макарій Египетскій, ничего не производитъ въ человѣкѣ, хотя и могъ бы, но причиняетъ свободу, которою одаренъ человѣкъ» (Беседа Макарія XXXVII, п. 10. 139 стр.).

Благодать Божія не «распоряжается насильственно» и принудительно волею людей: она подается имъ только тогда, когда они сами ищутъ ея и становятся ей достойными: слѣдовательно ея действительность зависитъ отъ свободной воли человека.

рить, что монахи съ утра ѣдятъ; особливо же братія здѣсь новоначальные и немощные въ своихъ помыслахъ, многіе изъ нихъ, имѣя вѣру къ тебѣ и пользуясь отъ тебя, какъ скоро увидятъ, что сдѣлалъ ты это, потерпятъ вредъ. Древніе отцы дѣлали такъ, по причинѣ многихъ, совершенныхъ ими, чудотвореній, и по причинѣ оказываемой имъ чести и прославленія ихъ имени, и дѣлали это, чтобы подвергнуть себя безчестию, скрыть славу житія своего, и удалить отъ себя причины къ гордости. А тебя что заставляетъ поступить подобнымъ сему образомъ? Не знаешь развѣ, что всякому житію свой чинъ и свое время? Ты не имѣешь такого отличнаго житія и такого имени и живешь, какъ и прочіе братія. Ты себѣ не принесешь пользы, а другому повредишь. Притомъ такое дѣйствованіе полезно не всею, но однимъ совершеннымъ и великимъ; потому что въ этомъ есть отрѣшеніе отъ чувствъ. Достижимъ же только середины и новоначальнымъ оно вредно; потому что они имѣютъ нужду въ большей предосторожности и въ подчиненіи чувствъ. Старцы уже пережили время осторожности и извлекаютъ пользу, изъ чего только захотятъ. Ибо неопытные купцы въ большихъ оборотахъ великіе причиняютъ себѣ убытки, а въ маловажныхъ оборотахъ скоро идутъ съ успѣхомъ впередъ. И опять, какъ сказалъ я, всякому дѣлу свой порядокъ, и всякому роду жизни извѣстное время. Кто прежде времени начинаетъ, что сверхъ его мѣры, тотъ ничего не приобретаетъ, а усугубляетъ только себѣ вредъ. Если вождѣльно тебѣ это, съ радостію терпи то безчестіе, которое по Божію смотрѣнію, а не по твоей волѣ, постигнетъ тебя, и не смущайся, не питай ненависти къ тому, кто безчеститъ тебя¹⁾».

О подвигѣ юродства преп. Никонъ Черногорецъ писалъ въ 38 посланіи и преп. Кириллъ Бѣлозерскій написалъ это въ своемъ сборникѣ: «О юродствѣ якоже и предніи отцы сотвориша, смотрительно бѣ, а не обдержительно преданіе, но паче и на соблазнъ всею и

¹⁾ Исаака Сириня Слово 11, стр. 62—63.

на вредъ. И ради сего якоже и въ житіи святаго Симеона уродиваго Христа ради пишетъ о соблажняющихся, яко помолися Богу, яко да ни въ грѣхъ вмѣнитися имъ. Сего ради святой соборъ отреченнѣ повелѣъ, яко да нынѣ не бываетъ ¹⁾».

Грѣхъ соблазна, конечно, тяжкій грѣхъ, какъ объ этомъ ясно говоритъ Евангеліе (Лук. XVII, 2), и ап. Павелъ заповѣдуетъ, вѣрующимъ всячески удаляться отъ повода соблазну другихъ (1 Кор. VIII, 9 ст.). Но странные поступки юродивыхъ могли ли быть предметомъ соблазна или поводомъ къ осужденію ихъ (юродивыхъ) со стороны тѣхъ, которые считали юродивыхъ безумными? Правила благоразумія и особенно чувство чело­вѣколюбія говорятъ, что, взирая на поступки умалишенныхъ, не смѣяться нужно, а должно скорбѣть объ ихъ печальной участи: не презирать ихъ долженъ христіанинъ, но молить Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ умы этихъ несчастныхъ, лишенныхъ лучшаго свѣтильника и руководителя жизни чело­вѣка—разума; послѣ этого для кого же юродивые могутъ быть предметомъ соблазна? Очевидно, только для тѣхъ, въ комъ совершенно утратилось чувство чело­вѣколюбія, — только для людей нравственно испорчен­ныхъ; но изъ-за такихъ людей должно ли осуждать юродство? Притомъ же, — если бы даже юродивые и сняли съ себя личину безумія, то прекратился ли бы поводъ къ соблазну для подобныхъ людей? Напротивъ, нужно полагать, еще увеличился бы. «Открытое благочестіе также несносно для нечестія и порока, какъ свѣтъ солнца нестерпимъ для большаго глаза». Поэтому, если бы юродивые въ полномъ свѣтѣ своей добродѣтели пред­стали предъ міромъ, то для нечестивыхъ сдѣлались бы еще большимъ камнемъ преткновенія ²⁾, ибо міръ, во злѣ

1) Читеніи въ Императорскомъ Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ, 1860 г., кн. 2-я, 61 стр. Преп. Пиконъ Черногорецъ—постриженникъ и настоятель Богородицкаго монастыря, по изгнаніи изъ него, жилъ въ монастырѣ Симеона Дивногорца (*Черной горы*), близъ Антіохіи и здѣсь 1088 года, по порученію патріарха Θεодосія, написалъ собраніе правилъ, благочестія и нравственности: „Пандекту“ собраніе правилъ, мыслей, повѣстей, „Тактиковъ“ въ 40 главахъ (письма его). См. Русскій Энциклопедическій Словарь Березина т. III, отдѣлъ 3-й. С.-Петербургъ. 1876 г., 8 стр.

2) Духовная Бесѣда, тамъ же 10, 432 стр.

лежащій, не терпитъ обличителей. Не ложны слова Апостола: *хотящій жить благочестиво, гонимъ бываетъ* (2 Тим. III, 12). Кто изъ святыхъ Божіихъ, открыто свѣтившихъ на свѣщницѣ міра, не былъ поносимъ и преслѣдуемъ отъ грѣшнаго и развращеннаго міра? Далѣе, хотя грѣхъ соблазна тяжекъ, но нельзя сказать, чтобы всякій безусловно поступокъ, который можетъ послужить поводомъ къ соблазну другихъ, былъ грѣхомъ для допускающаго такіа странности. Если вообще благоразуміе требуетъ отъ насъ большой осторожности въ сужденіи о дѣйствіяхъ о поступкахъ другихъ, то тѣмъ болѣе должны быть осторожны относительно «странныхъ» поступковъ юродивыхъ; прежде чѣмъ осуждать послѣднихъ, необходимо всмотрѣться въ тѣ мотивы и побужденія, въ силу которыхъ они «странно» поступали, въ противномъ случаѣ отвѣтственны за соблазнъ сами соблазняющіеся; такъ объ этомъ разсуждаетъ св. Исаакъ Сиринъ: «если чело­вѣкъ, что дѣлаетъ ради душевной чистоты, а другіе, не понимая, соблазняются его духовнымъ житіемъ; то должно ли ему удаляться божественнаго своего житія по причинѣ соблазна, или дѣлать, что полезно для его намѣренія, хотя то и вредно взирающимъ на него? — Скажемъ о семъ, что если законно, какъ принялъ отъ бывшихъ прежде него отцевъ, дѣлаетъ онъ, что бы то ни было, служащее къ очищенію ума его, и предположилъ въ себѣ эту цѣль, — достигнуть чистоты, а другіе, не знающіе, соблазняются его намѣреніемъ; то въ отвѣтственности не онъ, а соблазняющіеся. Не для того онъ воздерживается, или постится, или живетъ въ строгомъ за­творничествѣ и дѣлаетъ, что полезно для его цѣли, чтобы другіе соблазнялись, но для того, чтобы очистить свой умъ. А соблазняющіеся порицаютъ его по незнанію цѣли житія его, и дѣйствительно подлежатъ отвѣтственности за то, что, пребывая въ нерадѣніи, неспособны были уразумѣть ту духовную цѣль, какую предположилъ онъ въ себѣ, то есть, чистоту своей души. О нихъ божественный Павелъ написалъ, говоря: *слово крестное по­гибающимъ збо юродство есть* (1 Кор. I, 18). Что же теперь? Поелику слово крестное сими неощутившими

силы слово, вмѣнено было въ юродство; то Павлу должно ли было молчать, а не проповѣдывать? Но вотъ и донинѣ ученіе крестное служить преткновеніемъ и соблазномъ для Иудеевъ и для Еллиновъ; поэтому и намъ молчать объ истинѣ, чтобы они не соблазнялись? Но Павелъ не только не молчалъ, но даже громко взывалъ, говоря: *мнѣ да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа* (Галат. VI, 14). Сія похвала о крестѣ высказана святымъ не для того, чтобы другихъ соблазнять, но потому что велика проповѣдуемая сила креста. Посему и ты, совершай житіе свое подобно съ тою цѣлю, какую предположилъ себѣ предъ Богомъ, въ чемъ не осуждается совѣсть твоя, и житіе свое испытывай по божественнымъ писаніямъ и по тѣмъ заповѣдямъ, какія принялъ ты отъ святыхъ отцевъ. И если будешь обвиняемъ ими, то не бойся того, чѣмъ соблазнились другіе. Ибо ни одинъ человѣкъ не можетъ всѣхъ равно удостовѣрить, или всѣмъ угодить, и въ сокровенности своей трудиться для Бога¹⁾. Если же кто и послѣ этого желаетъ видѣть въ жизни юродивыхъ поводъ къ соблазну для другихъ, то пусть помнитъ, что юродивые постоянно молили Бога, чтобы Онъ простилъ невѣдѣнію тѣхъ, кои «ругались юродству» ихъ, какъ объ этомъ нерѣдко замѣчается въ житіяхъ ихъ; Симеонъ юродивый молился за соблазняющихся: «да не вмѣнится имъ грѣхъ сей»; «азъ молился», говоритъ св. Андрей, «Владыцѣ, да не будетъ имъ грѣха о семь, иже ми бѣненіе творять²⁾»; блаженный Прокошій взывалъ ко Господу о врагахъ своихъ: «Господи, не постави имъ грѣха сего»³⁾.

Но могутъ сказать, если подвигъ юродства, по существу настолько высокъ и спасителенъ для другихъ;—

1) Исаакъ Сиринъ. Москва. 1854 г., Слово 54, стр.—294—295.

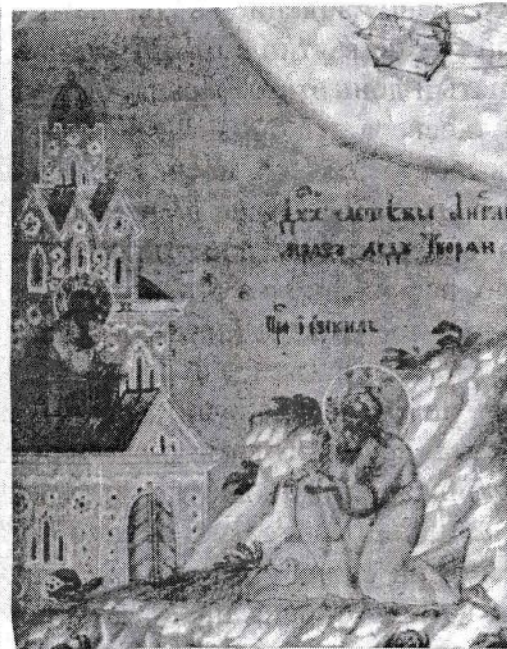
2) Прологъ 16 октября; „по Христову словеси, за бѣущія молился“, говоритъ Церковь: 9 пѣснь канона св. Андрею; также см. Чет. Мин. 2 окт. 11 стр.—Подъ 16 октяб. въ Прологъ см. Слово о свят. Андрей, какъ онъ молился Богу за творщихъ ему злое.

3) Чет. Мин., 8 июля, 48 стр.; св. Писидоръ Ростовскій молился за своихъ враговъ этими же словами Распятого, см. Прологъ, 14 мая.

то къ чему человѣку принимать на себя такой странный образъ жизни, когда и безъ него есть другіе способы спастись? «Не лучше ли человѣку жить такъ, чтобы дѣятельность его и угодна была Богу и вмѣстѣ подобна съ настоящею землею жизнью,—съ положеніемъ его въ обществѣ; и что было бы съ міромъ, когда всѣ стали бы жить подобно юродивымъ, что стало бы съ обществами человѣческими и съ образованностію человѣчества?» — Прежде чѣмъ отвѣчать на возможные въ этомъ родѣ возраженія со стороны сомнѣвающихъ въ великой важности этого исключительнаго подвига христіанскаго, невольно напрашивается на мысль вопросъ ап. Павла: *ты кто еси противъ отвѣщайи Богови? еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако? Или не имать власти скудельникъ на брени* (Римл. IX. 20, 21). Исторія Церкви представляетъ намъ много, повидимому, странностей въ такихъ мужахъ, которые дѣйствовали по наставленію Божию. Такъ — одинъ изъ сыновъ пророческихъ въ искаженномъ видѣ предсталъ Ахаву и *покры покрываломъ очи своя* (3 Цар. XX, 35—39, 43), Исаія, предсказывая плѣненіе Египтянъ,

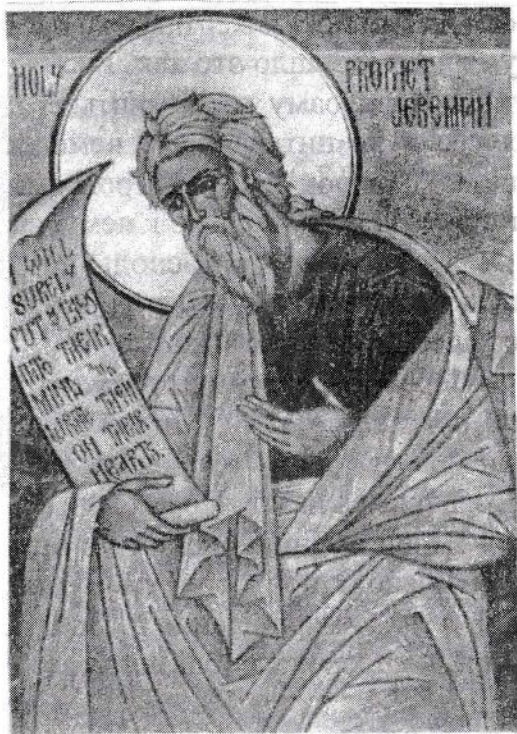
св. Тирарок Исаия

св. Тирарок Иезекииль

три лѣта ходилъ нагъ и босъ (Исаи ХХ, 2), Іеремія нѣсколько времени носилъ на шеѣ яремъ и чрезъ слово, приходившихъ къ Седекіи, послалъ оный къ со-сѣднимъ царямъ (Іерем. XXVII и XXVIII гл.). Іезе-кіиль лежалъ 150 дней на лѣвомъ боку и 40 дней на правомъ, пекъ въ ланнѣ мотылъ человеческихъ, мечемъ обрилъ голову и бороду, и одну часть волосъ сжегъ среди города, другую изрубилъ мечемъ, а третью раз-вѣялъ на вѣтрѣ (Іезек. IV. 4,—6, 12; V, 1—3). Осія имѣлъ жену блуженія и чада блуженія (Осіи 1—2). Пы-тливый и кичливый умъ, стремящійся все въ вопросахъ и дѣлахъ вѣры подчинить власти своего «пониманія», можетъ находить и дѣйствительно находить много стран-ностей въ жизни христіанскихъ подвижниковъ, не со-образовавшихся вѣку сему, но дѣйствовавшихъ по все-благой волѣ Творца. Самъ подвигоначальникъ Іисусъ Христосъ, распятый на крестѣ, развѣ не возбуждалъ мно-гихъ недоумѣній? Проповѣдь о крестѣ *Иудеямъ* была со-

Св. Пророкъ Іеремія.

близнѣ, *Еллинамъ же* безуміе. Не высокоумдрствовать и пререкать, но смиряться и благоговѣть мы должны предъ дѣлами всеумдраго Бога, памятуя, «что совѣты Божіи не таковы, какъ совѣты человѣческіе», но *якоже от-стоитъ путь Господень отъ путей нашихъ, и помышленія наши отъ мысли Его* (Исаи LV, 8, 9) и что *муд-рость человѣческая есть буйство предъ Богомъ, а буйе Божіе разумнѣе человѣкъ* (1 Кор. 1, 25). Всеблагій Про-мыслитель, *хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ ра-зумъ истины прийти* (1 Тим. II, 4), безконечно лучше каждаго знаетъ, кому и какія средства болѣе пригодны для совершенія спасенія.

Всякій избираетъ себѣ путь, который соотвѣтствуетъ его силамъ и наклонностямъ, и никто не въ правѣ назна-чать другому образъ жизни, чтобы онъ тѣмъ, а не дру-гимъ путемъ достигалъ спасенія. Силы у людей различ-ны и всякій, лучше зная свой внутренній мѣръ, лучше можетъ опредѣлять для себя и образъ дѣятельности, чѣмъ кто либо другой. По крайней мѣрѣ, никто не имѣетъ права упрекать другаго, что онъ избралъ тотъ, а не другой путь ко спасенію; при томъ, спасеніе совершается не одними силами человѣка, но и содѣйствіемъ благо-дати,—и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ благодать, наставляя че-ловѣка на всѣхъ путяхъ его жизни, тамъ разсчеты ума должны умолкнуть.

Далѣе, совершенно не основательно требованіе, чтобы образъ дѣятельности, угодный Богу, былъ для всѣхъ одинъ и тотъ же, мы уже замѣтили, что при различіи силъ въ людяхъ, такое единство въ образѣ дѣйствования совершенно не возможно. Важность юродства не умень-шается отъ того, что этотъ образъ жизни не можетъ быть всеобщимъ, какъ и дѣвственность не перестаетъ быть возвышенною добродѣтелію отъ того, что не всѣ могутъ быть дѣвственниками. Напрасно также опасеніе, что общественный порядокъ разрушился бы, если бы всѣ стали юродивыми. Юродивыми всѣ не могутъ быть уже потому прежде всего, что путь юродства, какъ мы уже видѣли,—удѣлъ «совершенныхъ», утвердившихся въ добродѣтели и при всемъ этомъ, какъ ранѣе замѣтили,

что тѣ немногіе, которые совершали свое спасеніе этимъ труднымъ и скользкимъ путемъ,—принимали его по призванію свыше. Что же касается мысли, что юродивые были бесполезными членами общества, то это опровергается со всею очевидностію тѣмъ высокимъ благотворнымъ вліяніемъ, какое имѣла ихъ жизнь для современниковъ. Если же они не служили обществу внѣшними трудами, то — развѣ на однихъ трудахъ вещественныхъ зиждется благосостояніе общества? Общество, какъ и каждый человѣкъ въ частности, кромѣ жизни вещественной, тѣлесной, имѣетъ жизнь внутреннюю, духовную, и нѣтъ сомнѣнія, что услуги, оказываемыя обществу для поддержанія его жизни внутренней, гораздо важнѣе услугъ, дѣлаемыхъ для поддержанія жизни вещественной, по извѣстной Евангельской истинѣ: *не душа-ли больше есть пищи и тѣло одежды* (Матѳ. VI, 25). Еще ветхозавѣтный мудрецъ сказалъ: *правды возвышается языкъ, умалютъ же племена грѣси* (Притч. XIV, 34). И нѣтъ нужды доказывать истинность сихъ словъ. Всѣмъ извѣстно, — какъ слабы бываютъ всѣ общественныя связи при ослабленіи главнаго элемента жизни общественной нравственности. Печальную истину эту подтвердило бы собою не одно общество; не одно государство пало отъ растлѣнія нравовъ: исторія представляетъ безчисленное множество примѣровъ сему. Какъ же послѣ этого важны для общества тѣ люди, кои трудятся надъ улучшеніемъ нравовъ? Юродивые, какъ мы уже видѣли, безспорно были одни изъ лучшихъ учителей благочестія: вся ихъ жизнь исключительно была посвящена на врачеваніе нравственныхъ недуговъ современниковъ. Можно ли послѣ этого сказать, что они были бесполезными членами общества?!

Наконецъ, что касается того мнѣнія, будто юродивые погрѣшали противъ той важной обязанности, выполненіе которой составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія и улучшенія человѣчества—противъ обязанности относительно образованія умственныхъ силъ своихъ; то это возраженіе, строго говоря, не заслуживаетъ и опроверженія. «Юродивые не упражнялись въ

томъ тѣлесномъ обученіи, которое по слову Апостола, *малѣе есть полезно* (1 Тим. IV, 8); но при всемъ томъ, какой ученый въ мірѣ восходилъ когда нибудь на такую степень вѣдѣнія, на какой стояли юродивые? Какой естествоиспытатель могъ со всею подробностію и точностію предугадывать имѣющія бытъ явленія въ мірѣ физическомъ? Какой психологъ до того возвысился на поприщѣ своей науки, что могъ бы проникать въ сокровенныя мысли и желанія человѣческія? Но для просвѣщенныхъ свѣтомъ небесной мудрости юродивыхъ самое таинственное, неудобопостигаемое въ природѣ физической и нравственной было удобопонятно, доступно. Они со всею точностію предсказывали и предугадывали не только явленія міра видимаго, но и скрывающееся въ глубинѣ души человѣческой. Не говоримъ уже, чтобы какой мудрецъ міра могъ когда нибудь проникать въ міръ высшій, духовный! Въ храмѣ Влахернскомъ были, конечно, и мудрецы міра; но дивное явленіе въ духовномъ мірѣ видѣлъ одинъ юродивый и еще тотъ, кому этотъ юродивый указалъ на него. Послѣ сего очевидна неосновательность возраженія, что юродивые не выполняли обязанностей относительно образованія духовныхъ силъ своихъ»¹⁾.

V.

стественно теперь является вопросъ, когда же именно, съ какого времени, мы видимъ въ церкви христіанской этихъ дивныхъ подвижниковъ благочестія, Христа ради юродивыхъ? Если общія черты этого подвига, какъ мы уже видѣли, заповѣдуются Евангеліемъ, особенно же непосредственнымъ выразителемъ духа его—ученіемъ апостоловъ и изложены

¹⁾ Духовная Бесѣда, 1860 г., 437 стр.

въ наставленіяхъ первыхъ насадителей подвижничества, — то съ какого именно времени видимъ, такъ сказать, живые примѣры дѣйствительности, въ которыхъ воплотились эти особенности юродства? Несомнѣнно, что этотъ подвигъ появился въ скоромъ времени послѣ того, какъ христіанство восторжествовало надъ язычествомъ, — съ признаніемъ христіанства государственною религіею. Но съ побѣдою христіанства надъ язычествомъ, послѣднее не только умерло, но нерѣдко вступало съ своими страстями и пороками въ общество христіанъ. Когда надъ христіанами постоянно висѣлъ мечъ гонителей, принимали христіанство только по истинному расположенію, а теперь, когда, по требованію закона, каждый членъ государства долженъ быть и членомъ церкви, немало было примѣровъ, что принимали «новую вѣру», потому что это было необходимо, или потому что выгодно. Не малая часть христіанъ того времени была только по имени христіанами и многіе думали, что достаточно числиться въ обществѣ христіанскомъ, безъ исполненія заповѣдей Евангелія, чтобы быть христіанами. Отсюда, естественно, что нравственный идеалъ христіанства началъ омрачаться въ членахъ Церкви Христовой; стало замѣчаться оскудѣніе той нравственной чистоты, какою была ознаменована первенствующая Христова Церковь. «Я самъ такъ же, какъ и вы, говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ современнымъ ему порицателямъ монашества, и даже болѣе, нежели вы, желалъ бы, чтобы не было нужды убѣгать въ пустыни. Но поелику здѣсь все извращено и самые города, несмотря на судилища и законы, полны нечестія и пороковъ и только пустыня приноситъ богатые плоды любомудрія; то по всей справедливости слѣдовало бы порицать не тѣхъ, которые желающихъ избавляютъ отъ такой бури и смятенія и вводятъ въ тихую пристань, но тѣхъ, которые каждый городъ сдѣлали до того недоступнымъ и неспособнымъ для любомудрія, что желающіе спасенія должны удалаться въ пустыню»¹⁾.

¹⁾ Исторія православнаго монашества на Востокъ, П. С. Казанскаго ч. 1-я, 40 стр.

Такъ какъ общественная жизнь распадавшейся Римской имперіи представляла собою очень грустную картину въ нравственномъ отношеніи, то люди, проникнутые христіанскими убѣжденіями, не надѣясь пересоздать все общество, рѣшились, по крайней мѣрѣ, ради собственнаго спасенія удалиться изъ грѣшнаго міра въ пустыню. Вотъ почему образъ жизни Антонія Великаго и другихъ египетскихъ пустынножителей скоро нашель себѣ много подражателей и даже подражательницъ. Изъ Египта—этой колыбели монашества, оно быстро начало распространяться по всѣмъ краямъ тогдашняго христіанскаго міра, но нельзя не видѣть и того, что съ быстрымъ распространеніемъ монашества, началъ ослабѣвать идеалъ иночества, за исключеніемъ, конечно, лучшихъ его представителей. Если по словамъ св. Златоуста, такъ испорчены были нравы тогдашняго общества, которое унаслѣдовало отъ язычества многіе недостатки и перенесло ихъ въ христіанство; то нельзя также сказать, чтобы и иночество все было на высотѣ своего идеала. Если оно количественно росло такъ быстро, то нельзя сказать, чтобы оно и нравственно соотвѣтствовало начертаннымъ своимъ идеаламъ. Вотъ въ это то время — «одновременно почти съ умирненіемъ Церкви Константиномъ Великимъ въ средѣ вѣрующихъ» — иноковъ и мірянъ является рядъ особыхъ, «доселѣ не бывалыхъ и совершенно неизвѣстныхъ подвижниковъ христіанства», которые для того, чтобы спастись въ мірѣ, и среди онаго, должны были принять на себя тяжелый подвигъ юродства и только при исключительныхъ его условіяхъ могли подвизаться среди «бурныхъ волнъ житейскаго моря», жертвуя для этого всѣми требованіями и, такъ называемыми, приличіями и принятыми обычаями мірской жизни¹⁾.

Мы уже видѣли, какъ рано въ христіанахъ проявилось стремленіе къ подвижничеству, хотя больше по существу, чѣмъ по имени. Но эти ревнители высшаго совершенства первоначально, во время языческихъ им-

¹⁾ Душепол. Чтеніе 1873 г., ч. 1, 439 стр.

ператоровъ и жестокихъ гоненій, скрывались въ пустыняхъ и жили здѣсь въ неизвѣстности, работая предъ лицомъ одного только Бога. Притомъ же, ихъ смиренный подвигъ заслоняемъ былъ блестящими и громкими подвигами св. мучениковъ. Но когда Евангеліе восторжествовало надъ язычествомъ и прекратились гоненія на христіанъ, то взамѣнъ мученичества выступаетъ подвижничество: иноческая жизнь служила продолженіемъ подвига мученическаго. «Рече авва Аѳанасій, говорится въ одномъ Патерикѣ, яко множицею глаголють нѣдци отъ васъ, яко гдѣ есть гоненіе и мучительство? Се уже мучимъ буди совѣстію, умри грѣху, умертви уды земныя и се будеши мученикъ изволеніемъ. Они съ царями и съ князи боряхуся, имаши и ты противляющагося діавола, царя грѣху и князи бѣсове»¹⁾. Это добровольное мученичество ставилось даже выше подвига св. мучениковъ: «мученицы бо во единъ часъ времени подвизавшеся скончавшеся, житіе же чернеческое по вся дни страждущій Христа ради мученъ бываетъ. Не противу плоти и крови ополчаяся, но противу владыкамъ и противу властемъ, противу міродержцемъ тьмы и противу духовомъ лукавства, до послѣдняго издыханія брань имуще, и страждутъ и вѣнчаются. Оружіе Божіе имуще, за помогающаго намъ и совершающаго ны Христа»²⁾. Монашество, какъ извѣстно, прежде всего развилось въ Египтѣ. Ревность къ иноческой жизни, какъ будто быстрый сильный потокъ, доселѣ сдерживаемый въ своемъ теченіи, разорвалъ преграду и готовъ былъ наводнить всю страну. Подобно плодотворному и обожаемому нѣкогда Нилу, монашество разлилось по всему Египту и дало ему плодоносіе не земныхъ, но небесныхъ плодовъ. «Не столь свѣтло небо, испещренное сонмомъ звѣздъ, бесѣдуетъ св. Златоустъ, какъ пустыня Египетская, являющая повсюду иноческія кущи. Кто знаетъ древній оный Египетъ, богоборный, бѣснующійся, — какихъ нибудь животныхъ страшившагося и трепетавшаго предъ огороднымъ лукомъ, тотъ вполне увѣрится въ силѣ Хри-

¹⁾ Прологъ 8 май.

²⁾ Тамъ же, 17 января.

стовой. Египетская пустыня лучше рая: тамъ увидимъ въ образѣ человѣческомъ безчисленные лики Ангеловъ, сонмы мучениковъ, собраніе дѣвъ; увидимъ, что все тиранство дьявольское ниспровергнуто, а царство Христово сіяетъ; увидимъ, что Египетъ нѣкогда мать и стихотворцевъ, и мудрецовъ, и волхвовъ, изобрѣтшій все виды волхвованія и передавшій оныя другимъ, теперь хвалится Крестомъ»¹⁾. Въ этотъ блестящій расцвѣтъ монашества, въ жизни иноковъ видимъ осуществленіе *самыли дѣломъ*. — живой примѣръ того совершенства христіанской жизни, какое заповѣдуютъ Евангеліемъ. Пламенія чистою любовію къ Богу, они въ дѣятельномъ своемъ богоугожденіи не ограничивались общими для всехъ правилами дѣятельности и предписаніями закона Евангельскаго, данными всемъ вообще, не довольствовались обыкновенными подвигами благочестія, но, по сильной ревности и пламенной любви къ своему Спасителю, со всею крѣпостію силъ старались служить и благоугождать Ему высшими подвигами благочестія, сколько достанетъ ихъ силъ, даже въ такой мѣрѣ, въ какой не обязывается христіанинъ къ тому положительнымъ закономъ. По истинѣ это былъ не земной міръ среди этого міра, изумляющій величіемъ своего духа и жизни, дающій разумѣть, какую чудную силу являетъ природа человѣческая, какая власть и могущество заключены въ душѣ и тѣлѣ человѣка, когда онъ весь проникается силою благодати Христовой. «Видѣлъ, пишетъ историкъ Руфинъ»²⁾, истинно видѣлъ сокровище Христово, сокровище въ человѣческихъ сосудахъ. Видѣлъ я въ Египтѣ отцевъ, живущихъ на землѣ и проводящихъ жизнь небесную, и новыхъ нѣкихъ пророковъ, воодушевленныхъ какъ добродѣтелями душевными, такъ и даромъ пророчества, о достоинствѣ коихъ свидѣтельствуешь даръ знаменій и чудесъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему тѣмъ, которые не желаютъ ничего земнаго, ничего плотскаго, не получить

¹⁾ О монашествѣ, Казанскаго, ч. 1. 41—42 стр.

²⁾ Историкъ Руфинъ—родомъ изъ Італіи. 6 лѣтъ (въ началѣ 378—379 г.) провель въ Египтѣ. См. предислов. 11, 13, 14 стр. Исторія монашества Казанскаго.

небесной силы? Нѣкоторые изъ нихъ такъ свободны отъ всякой мысли о нечестии, что забываютъ, было ли въ мѣрѣ что нибудь злое. Таковъ миръ ихъ души, такова ихъ доброта, что истинно объ нихъ можно сказать: *миръ много любящимъ законъ Твой* (Псал. 118, 165). Они обитаютъ въ пустынѣ, разсѣянные и раздѣленные по келліямъ, но соединенные любовію. Для того раздѣляются жилищами, чтобы никакой звукъ, никакая встрѣча, никакой праздный разговоръ не возмущали наслаждающихся покоемъ безмолвія и священнымъ вниманіемъ ума. Собравши умъ, каждый въ своемъ мѣстѣ, ожидаютъ пришествія Христа, какъ благаго Отца, или какъ воины въ лагерѣ—присутствія Императора, или рабы—прихода господина, обѣщавшаго дать имъ свободу и дары. Всѣ они не заботятся о пищѣ или одеждѣ и подобномъ, ибо знаютъ, что *всѣхъ сихъ языцы ищутъ* (Мѣ. VI, 32). Они ищутъ правды и царствія Божія и все сіе, по обѣщанію Спасителя, прилагается имъ¹⁾. Эти истинные выразители евангельскаго ученія о высшемъ совершенствѣ отыскивали самыя строгія правила божественнаго писанія, давали имъ самое обширное значеніе, старались выполнять ихъ со всѣмъ усиліемъ воли; для нихъ «достаточно одного легкаго намека въ Словѣ Божіемъ, чтобы изъ него развить цѣлую систему жизни и дѣятельности; въ данномъ случаѣ выраженіе Апостола: *мы юроды Христа ради* (1 Кор. IV, 10) послужило основой и оправданіемъ подвига юродства²⁾. (Терновскій).

¹⁾ Тамъ же 20 стр.

²⁾ Общее названіе сихъ подвижниковъ—юродивые. Въ древнемъ языкѣ чаще употреблялось слово *оуродъ*: юродъ и употреблялось нерѣдко для перевода греческаго *ψυδός* (*ψυδός* *μαρτί* *ἐν* *Χριστῷ* 1 Кор. IV, 10). Такъ въ древнемъ переводѣ, говоритъ Срезневскій, пророковъ, Исаи XXXII, 6: *Юродъ бо Яродиво съвѣщаетъ*. Въ житіи блаж. Симеона онъ постоянно называется оуродомъ—юродомъ; такъ и въ Печерскомъ Общей Миней, печатанной при патр. Іоакимѣ въ 1865 году, тропарь юродивымъ: *„гласъ апостола твоего Павла услышавъ глаголющъ: мы оуроды Христа ради, рабъ твой Христе Боже—оуродъ бысть на земли... и см. это же мѣсто Общей Миней позднѣйшаго времени, написанъ въ 1680 г., гдѣ: „гласъ апостола твоего Павла услышавъ—мы юроды Христа ради... юродъ бысть; также см. Прологъ 11 января. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово это издревле употребляется и для перевода греческаго *σαυός* простый, глупый. У грековъ это слово употребляется вмѣсто нашего юродивый; отсюда прозваніе юродиваго Николая Новгородскаго *Савосъ* есть греческое *σαυός*, Карамзинъ IX, прим. 297. Историкъ Е. Е. Голубинскій это прозваніе даетъ Михаилу*

Читая сказанія вообще о подвижникахъ иноческаго житія, разсматриваемаго нами времени, и въ частности о Христѣ ради юродивыхъ, часто встрѣчаемъ указанія на то, что эти ревнители жизни по Богѣ *всѣцѣло руководились* Словомъ Божіимъ, старались исполнять законъ Господень во всей полнотѣ, *осуществить его на дѣлѣ* со всею точностію. О св. Исидорѣ Палладіи Еленопольскій говоритъ: *«сія блаженная была отребіемъ монастыря и самымъ дѣломъ исполняла написанное въ святомъ Евангеліи: иже хощетъ въ васъ влещій быти, да будетъ всѣмъ рабъ и всѣмъ слуга* (Мѣ. XX, 26; Марк. X, 43); также: *иже кто мнитъся мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. III, 18)¹⁾. О блаженномъ Серапіонѣ тамъ же повѣствуется, что *«подъ мышкою онъ всегда носилъ Евангеліе, для испытанія ли себя въ постоянномъ послушаніи слову Божію, или для того, чтобы имѣть при себѣ утѣненіе, которое онъ исполнялъ самымъ дѣломъ»*²⁾. Св. блаженный Василій, по словамъ церковной пѣсни, *«вся Христова ученія дѣла исполнилъ»*³⁾. Преп. Михаилъ Клопскій *«Христовы бо возжелѣвъ божественныя заповѣди и дѣломъ совершилъ, преподобне»*⁴⁾. Это осуществленіе слова Божія въ жизни иногда прямо указывается въ сказаніяхъ о подвижникахъ,⁵⁾ иногда же открывается изъ сопо-

Клопскому (см. его Исторію 2 пол. 1 тома, примѣч. 547 стр.). Въ древнемъ Славянскомъ Прологѣ и древнихъ житіяхъ употребляются объ юродивыхъ выраженія: *похабъ и похабство*: *„похаба себѣ сотворивъ“*; Андрей блаж. *похабъ* ся творя (Прологъ 16 окт.); въ Прологѣ XV в. (подъ 2 окт.) *„о святомъ Андрее како ему сотворися Христа ради похабство“*—(смотри словарь церковнославянск. языка Востокова 86 стр.). Василій блаженный *похабся творя* (Рукоп. жит. 27 стр.); Николай Салосъ, *„похабъ ся творя“*—Карамзинъ IX. 298 примѣч.

¹⁾ Лавсаикъ 37 г.; 121 стр. и Чет. Мин. 10 мая. Слова Спасителя, *иже любитъ отца или мать нече Мене, иже любитъ Мене достоинъ* (Мѣ. X, 37), побудили преподобнаго Феодора Освященнаго, ученика Пахомія Великаго, отказаться отъ свиданія съ родною матерію. Прологъ 16 мая.

²⁾ Лавсаикъ 69 и 101 гл. и Прологъ 14 мая.

³⁾ Стихира литіи 2 августа, Миней.

⁴⁾ По подвѣдеи, сдѣланъ, Миней января 11.

⁵⁾ Въ Чет. Миней іюня 6 о блаж. Виссаріонѣ читаемъ: *„уподобися Моисею, иже Моисей древле горькія воды въ пустыни, показаннымъ ему отъ Бога древои претвори въ сладость, да напоитъ жаждущаго Израиля (Исх. XVII, 6), такъ преп. Виссаріонъ „горестъ морскія воды молитвою и знаменіемъ крестнымъ услади, да напоитъ изнемогающаго отъ жажды ученика своего“; далѣе—„уподобися Іисусу Навину: иже той иногда побѣждая Аморрею, воспити*

ставленія разсказовъ съ соответствующими имъ текстами Св. Писанія. Своимъ постояннымъ странствованиемъ преп. Серапіонъ исполнилъ слова Апостола: *не имамы збѣ прибавляющаго града, но грядущаго зыскуемъ* (Евр. XIII, 14). Стѣдую словамъ Евангелія: *продажь ильнѣе твое и ождеи нищилъ* (Мѡ. XIX, 21), св. Серапіонъ, какъ извѣстно, отдать нищему единственную свою одежду «синдонъ», а въ другой разъ во имя той же заповѣди продать даже Евангеліе ¹⁾. Преп. Пафнугій *всѣмъ быхъ вся, да всяко ѣлкія спасетъ* (1 Кор. IX, 22), и потому, желая обратиться на путь спасенія разбойниковъ, шлъ съ ними вино, вопреки своему обѣту ²⁾. По примѣру Спасителя, пришедшаго призвать не праведныхъ, а грѣшныхъ (Лук. V, 32; Мѡ. IX, 13), блаж. Серапіонъ, Симеонъ юродивый, Іоаннъ Коловъ, преп. Виталій и др. спасали блудницъ ³⁾. Преп. Серапіонъ, Симеонъ юродивый, монахъ Левъ, Петръ мытарь и Павлинъ Ноланскій продали себя въ рабство для спасенія ближнихъ и тѣмъ буквально исполнили заповѣдь Спасителя: *болѣи сея любви нилтоже имати, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоанна XV, 13 ⁴⁾. Воодушевляемые пламенною вѣрою въ непреложность слова Божія, ревнители благочестія глубоко были убѣждены, что *не прѣидеть всѣмъ глаголь Господень* (Мрѣ. XIII, 31, Лук. XXI, 33), и этотъ глаголь дѣйствительно не преходилъ у нихъ. Многіе изъ нихъ, говорить того времени историкъ Руфинъ, если

солнце отъ теченія" (Ис. Nав. X, 12, 13 Сир. XLVI, 5), точно также по молитвѣ пр. Виссаріона "солнце стало", пока "преподобный дойде" къ вѣскому стурцу. Также см. *Достопамятныя сказанія* 74 и 75 стр.

¹⁾ Прологъ 14 мая; Лавсанъ 69 гл., Чет. Мин. 14 мая.

²⁾ Прологъ 25 ноября, Достопамят. сказанія, стр. 334.

³⁾ Прологъ ноября 2, Достопамят. сказанія 375 стр.; Древній Патерикъ 333 стр.; Чет. Мин. 21 июля; Достопамятныя сказанія 157—8, стр.; Прологъ 14 сентября; Прологъ 22 апрѣля.

⁴⁾ Чет. Мин. мая 14 и 21 июля; Прологъ 29 февр.; 22 сент. и 23 января. «Святые отцы Скита (или Египта), читаемъ въ Древнемъ Патерикѣ, пророчески говорили о послѣднемъ поколѣннѣ, говоря: что сдѣлали мы? На это отвѣчали: одинъ изъ нихъ великій по жизни, по имени Нехиріонъ: *мы исполнили заповѣди Божію отцомъ; а иже по насъ, въ подвѣдъ нашихъ прѣидуть; а иже по нихъ, послѣдніе монахи... не имуть ти отиодъ дѣла монашескаго сотворити. Прѣидуть въ нихъ искушеніи и оказавшіеся достойными въ ономъ искушеніи, окажутъ вамъ насъ и отцевъ нашихъ».* см. См. Древній Патерикъ прилож. съ Душею. Чтенію 6 стр. Достопамят. Сказанія 140 стр., Терновскій 83 стр. О происхожденіи Пролога, Петрова, Кіевъ 185 г., 121 стр.

почувствуютъ нужду въ чемъ либо необходимомъ для тѣла, не къ людямъ прибѣгаютъ, но обратясь къ Богу и прося отъ Него какъ отъ Отца, получаютъ просимое. Ибо такова въ нихъ вѣра, что можетъ и горы представлять. Посему, нѣкоторые изъ нихъ молитвами останавливали стремленіе волнъ рѣки, готовой затопить соседнія селенія, какъ по суху переходили по водѣ, укрощали лютыхъ звѣрей и совершали многія и безчисленныя чудеса, такъ что нѣтъ сомнѣнія, что ихъ добродѣтелями стоитъ мѣръ ¹⁾.

Въ писаніяхъ одного изъ первыхъ подвижниковъ, основателя иночества въ Скитской пустынѣ, — въ бесѣдахъ преп. Макарія Египетскаго (жившаго 300—390 гг.), сохранились «драгоценныя изображенія» тѣхъ особенныхъ, высокихъ состояній, въ которыхъ находились души нѣкоторыхъ современныхъ ему Скитскихъ подвижниковъ. Преп. Макарій, говоря вообще о дѣйствіяхъ благодати въ душѣ человѣка, въ нѣкоторыхъ своихъ бесѣдахъ описываетъ еще особенныя болѣе частныя состоянія душъ облагодатствованныхъ. «Удостоившіеся быть чадами Божіими, — говорить онъ, — и отъ Духа Святаго родиться свыше, различно водятся Духомъ Святымъ. Мы возьмемъ примѣры отъ наслажденных, встрѣчающихся въ мѣрѣ, и по частямъ изобразимъ чрезъ нихъ дѣйствія благодати въ душѣ. Возбуждаемые благодатию, иногда, подобно находящимся на царскомъ пирѣ, радуются и веселятся наслажденіемъ неизреченнымъ. Иногда они, подобно невѣстѣ, наслаждающейся съ женихомъ своимъ, наслаждаются Божественною сладостию. Иногда, какъ безтѣлесные Ангелы, они бываютъ весьма легки и свободны, находясь еще въ тѣлѣ. Иногда, какъ увидѣвшіеся отъ вина, они веселятся, упоенные св. Духомъ, т. е. питіемъ Божественныхъ и духовныхъ тайнъ. А иногда они плачутъ и рыдаютъ о родѣ человѣческомъ, и, молясь за весь родъ Адама, по любви духовной къ человечеству проливаютъ слезы. Иногда Духъ Святой исполняетъ ихъ такимъ восторгомъ и любовію, что, если-

¹⁾ О монашествѣ Каланскаго, ч. 1, 20 и 21 стр.

бы можно было, они желали бы принять въ свои нѣдра всякаго человѣка, не разсуждая, хорошъ ли онъ или худъ. А иногда, по смиренномудрію духовному, они такъ себя унижаютъ, что почитаютъ себя всѣхъ хуже и презрѣннѣе. Иногда Духъ Святой держитъ ихъ въ неизреченной радости. Иногда, какъ сильный ратникъ, облекшись въ царское всеоружіе и вышедши на брань, мужественно сражается съ врагами и побѣждаетъ ихъ: такъ и духовный человѣкъ ихъ, принявъ небесное оружіе Духа, выходитъ противъ враговъ, сражается и повергаетъ ихъ къ ногамъ своимъ. Иногда душа успокоивается въ великой тишинѣ и мирѣ, находясь въ духовной радости, неизреченномъ покоѣ и безопасности. Иногда она научается отъ благодати знанію и непостижимой премудрости и разумнѣннѣи тѣхъ вещей, которыхъ никакой языкъ пересказать не можетъ¹⁾. «Хотя благодать, говоритъ св. Макарій въ другомъ мѣстѣ, непрестанно сопробываетъ, укореняется и дѣйствуетъ, какъ закваска, въ человѣкѣ съ юнаго возраста, и сіе сопробывающее въ человѣкѣ дѣлается чѣмъ-то какъ бы природнымъ и неотдѣлимымъ, какъ бы единою съ нимъ сущностію; однако же, какъ ей угодно, различно видоизмѣняетъ она свои дѣйствія въ человѣкѣ къ его пользѣ. И огонь иногда возгарается и бываетъ сильнѣе, а иногда слабѣе и тише; и свѣтъ временемъ сіяетъ и свѣтитъ сильнѣе, а временемъ сокращается и меркнетъ. Равнымъ образомъ и сія свѣща, т. е. благодать, всегда горящая и свѣтящая, иногда горитъ ярко, и тогда душа возгарается сильнѣе отъ упоенія любви Божіей; но потомъ издаетъ свѣтъ умѣреннѣе, хотя и это, остающееся въ душѣ, есть свѣтъ только слабѣйшій. Иногда отъ сего самаго свѣта, возгарающагося въ сердцѣ, открывается внутреннѣйшій и глубочайшій и сокровенный свѣтъ, такъ что человѣкъ, весь погружаясь въ сладостное созерцаніе, не владѣетъ болѣе собою и становится *буримъ—и страннымъ для міра сего, по преизобилію любви и услажденія и по сокровеннымъ тайнамъ, имъ созерца-*

¹⁾ Бесѣда VIII, § 7. 8 и 9.

емымъ: высвободившись на то время, онъ спѣшитъ достигнуть мѣру совершенства, чтобы быть чистымъ и свободнымъ отъ грѣха¹⁾».

Четвертый вѣкъ по Рождествѣ Христовомъ представляетъ собою, какъ мы уже замѣтили выше, періодъ самаго блестящаго расцвѣта восточнаго иночества, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ слава объ иночествѣ распространяется по всему тогдашнему міру, возбуждая другихъ къ подражанію великимъ подвижникамъ,—въ то же время приготовляетъ оскуднѣніе духа иночества, потому что она дѣйствуетъ на самолюбіе болѣе слабыхъ подвижниковъ, въ противоположность ихъ иноческому призванію. Въ различныхъ *Патерикахъ и Сказаніяхъ о жизни и изреченіяхъ св. отцевъ* нерѣдко можно встрѣчать извѣстія о тщеславіи иноковъ своими чудесами, или побѣдами надъ страстями. Современный намъ истинный выразитель иноческаго житія, недавно почившій преосв. Теофанъ въ своемъ трудѣ «Древніе Иноческіе Уставы» объ одномъ изъ первыхъ и лучшихъ расадниковъ восточнаго иночества — обители Тавеннисіотовъ²⁾, славившейся во всемъ мірѣ и отовсюду привлекавшей къ себѣ посѣтителей,—говоритъ: величественное «зданіе святости, столь прочно основанное и такъ крѣпко сплоченное трудами преп. Пахомія, казалось, должно бы простоять непоколебимо до конца вѣковъ; но немощи человѣчeskія какихъ не обманывали ожиданій? Блаженный Палладій, св. Кассіанъ, Иеронимъ и Руфинъ, 50 лѣтъ спустя послѣ преп. Пахомія, говорятъ о Тавеннисіотахъ съ полною похвалою и уваженіемъ; но тогда замѣчалось уже, что чрезмѣрно умножившееся число братій, дѣлая необходимымъ умноженіе средствъ содержанія, начало уже вводить среди ихъ заботы и печали вѣка сего. Эти заботы въ связи съ нерадѣніемъ, а отчасти и любочестіемъ нѣкоторыхъ настоятелей, мало по малу ввели распушенность и въ отношеніи къ иноческимъ порядкамъ и въ отношеніи къ нравственности вообще, которая (распушенность) возрастая, со временемъ сдѣлала то, что въ

¹⁾ VIII, §§ 2. 3.

Тавеннисіотахъ нельзя было уже узнать тѣхъ славныхъ иноковъ, какіе при преп. Пахоміи и ближайшихъ его преемникахъ такъ сіяли благодатію Христовою¹⁾.

Велѣдствіе упадка духа иночества и проникновенія въ него разнаго рода нравственныхъ недостатковъ явилась неотложная нужда оградить добрыя начала иночества и, по возможности, ослабить эти недостатки. Однимъ изъ существенныхъ къ этому средствъ относится составленіе разнаго рода *Патериковъ, Сказаній о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ Отцевъ*²⁾, *Исторіи Богопочетвъ* и отдѣльныхъ житій святыхъ и много разнаго рода другихъ подобнаго содержанія писаній, гдѣ излагались жизнь и подвиги лучшихъ выразителей иночества, указывалась также и отрицательная сторона подвижничества, т. е. разнаго рода страсти и пороки, вкравшіеся въ жизнь иноковъ съ прибавленіемъ, такъ сказать, и средствъ, какими нужно врачевать эти нравственные недуги ино-

1) Это имѣвшее быть измѣненіе не было сокрыто,—продолжаетъ свититель Теофанъ,—отъ преп. Пахомія. „Богъ далъ ему это провидѣть сначала нѣсколько неопредѣленно, а потомъ и съ совершенною ясностію чрезъ одно видѣніе, котораго удостоилъ его Богъ по неотступной его молитвѣ.—Видѣлъ онъ великое множество иноковъ, совершившихъ путь по рву, крайне глубокому и кремнистому. Одни изъ нихъ, желая выбраться оттуда, встрѣчали преграды и стояли въ нерѣшимости; другіе, блуждая туда и сюда, ударялись другъ о друга лбами, потому что мѣсто то было покрыто густою тьмою; третьи, выбившись изъ силъ, падали въ изнеможеніи; четвертые, не зная какъ быть, испускали лишь плачевные вопли; и развѣ какіе—какіе, послѣ страшныхъ усилій успѣвали выбраться на свѣтъ Божій изъ этой мрачной бездны, выражая великую свою о томъ радость живыми чувствами благодаренія Богу. Таково было видѣніе. Въ то же время было дано ему разумѣть и значеніе сего видѣнія. Онъ понялъ, что число иноковъ, держащихся его устава, увеличится до чрезвычайности, но что вмѣстѣ съ тѣмъ внутренняя жизнь среди нихъ крайне ослабѣетъ; что нерадивые возьмутъ верхъ надъ ревностными и станутъ утѣнять ихъ; что невѣжество, нечувствіе и разгнѣніе заступятъ мѣсто совершенствъ духовныхъ, какими теперь украшаются всѣ иноки; что большая часть зла произойдетъ отъ недостатка хорошихъ настоятелей, мѣста которыхъ будутъ занимаемы лицами честолюбивыми, неспособными вести къ совершенству, по недостатку своей омытности и нехотѣвю самимъ проходить путь, который должны бы указывать другимъ; что они будутъ добиваться сихъ мѣстъ не прямыми путями, спора другъ съ другомъ и внося смуты въ обители; что при этой борьбѣ человеколюбцевъ, злые будутъ преслѣдовать добрыхъ, которыхъ, наконецъ, едва можно будетъ жить въ монастырѣ и они должны будутъ умолять. Такъ то это прекрасное учрежденіе, которое достойно наименовать Божественнымъ, станетъ наконецъ чисто человѣческимъ, не въ лучшемъ значеніи сего слова, по причинѣ испорченности людей“. *Древо. Инок. Уст.* стр. 46—47.

2) П. С. Казанскій въ предисловіи объ источникахъ для Исторіи Монашества Египетскаго, 5 стр.

чувствующихъ. Всѣ эти сборники высокопоучительнаго содержанія, главнымъ образомъ, предназначались для назиданія братіи, почему наполнены по преимуществу наставленіями объ избѣжаніи гордости и самомнѣнія, о терпѣннѣи, смиреніи, послушаніи, нестяжательности и тому подобнымъ добродѣтелямъ. Что же касается того сходства, какое нерѣдко видимъ въ повѣствованіяхъ о жизни подвижниковъ, то естественно, что различные подвижники могли быть поставляемы и дѣйствительно въ одинаковыя жизненные обстоятельства, которыя «какъ струны, натянутыя до извѣстной степени, всегда издавали и будутъ издавать одинаковый звукъ, чья бы рука не прикасалась ихъ». Съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что въ подобныхъ случаяхъ сходства иногда было и преднамѣренное подражаніе, такъ какъ вполне естественно, что жизнь извѣстнаго подвижника могла служить предметомъ подражанія для послѣдующаго поколѣнія иноковъ. Часто позднѣйшіе св. отцы нарочито старались подражать и подражали древнимъ святымъ отцамъ. «Если слышишь житія св. отецъ, подражай имъ, говорится въ одномъ Патерикѣ¹⁾. «Повѣсти же ти да будутъ къ подражанію словеса живущихъ съ тобою братій и благоговѣнство ихъ», говоритъ Неофиту авва Пиннуфрій²⁾. Независимо отъ подражанія, сходство между Патериками, какъ и вообще въ сказаніяхъ о подвижникахъ, объясняется иногда личнымъ знакомствомъ и личными связями составителей этихъ повѣствованій, часто литературнымъ подражаніемъ и заимствованіемъ и нерѣдко различными редакціями пересказовъ объ одномъ и томъ же событіи³⁾. Отсюда въ повѣствованіяхъ о подвижникахъ очень часто находимъ сходство до буквальности. Такъ и въ Житіи Симеона юродиваго передается аналогичный случай до буквальнаго сходства по мѣстамъ съ повѣствованіемъ изъ жизни преп. Макарія Египет-

1) Прологъ 10 февр.: „аще слышиши святыхъ отецъ житія, то начни (подражать) и ты“: „слово отъ патерика о плачи“.

2) Смотр. Разборъ Пролога Петрова, 144 стр.

3) Тамъ же 144 стр.; см., напримѣръ, житіе св. Фомы юродиваго въ Церковной исторіи Евагрія, кн. 4, 35 гл.; и въ „Дугѣ Духовномъ Іоанна Моска, гл. 87, стр. 87—88. 1848 года.

скаго. Въ началѣ иноческихъ трудовъ сего великаго свѣтильника египетскаго подвижничества—преп. Макарія оклеветала одна дѣвица, сдѣлавшаяся беременною, какъ виновника ея грѣха. Кротко, безъ ропота перенесъ св. Макарій безчестіе и удары, которымъ подвергли его жители селенія, изъ котораго была дѣвица. Онъ принялъ даже на себя обязанность доставлять пропитаніе дѣвицѣ и для сего изнурялъ себя усиленными трудами. Но Промыслъ чудеснымъ образомъ обнаружилъ невинность святаго подвижника. Когда наступило время родить несчастной, она подверглась страшнымъ мученіямъ и не могла разрѣшиться отъ бремени, пока предъ всѣми не объявила невинности Макарія и не назвала дѣйствительнаго виновника ея грѣха. Мучимые раскаяніемъ за оскорбленіе, безъ вины нанесенное отшельнику, жители селенія собрались къ нему просить прощенія. Услышавъ это, преп. Макарій скрылся въ дальнѣйшую пустыню—Скигскую¹⁾. Совершенно такой же случай и при такой же обстановкѣ и съ такимъ же заключительныхъ исходомъ, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями въ подробностяхъ, передается и въ житіи Симеона юродиваго²⁾. Еще дальше идетъ эта подражательность въ повѣствованіяхъ о жизни преп. Серапіона и Виссаріона чудотворца. Что передается, напримѣръ, въ «Лавзаикѣ», еп. Палладія о Серапіонѣ, то самое говорится по мѣстамъ до буквальности въ Прологѣ и Четь-Минейхъ о Виссаріонѣ и обратно; притомъ—что передается у извѣстнаго составителя житія объ одномъ изъ этихъ подвижниковъ, то это самое у этого же составителя уже не повторяется о другомъ изъ нихъ: такъ что житія сихъ подвижниковъ смѣшиваются³⁾. Житіе блаж. Андрея заключаетъ въ себѣ подражательный элементъ. Андрей юродивый, принявъ на себя подвигъ юродства, видитъ

1) *Достопамятныя Сказанія*, о Макарія Египетскомъ 195—6 стр.

2) *Чет. Миней*. 21 июля, 148 стр.

3) *Сн. Лавз.* гл. 69, 70, 71, 72 и 101. Прологъ, 14 мая, *Достопамятныя Сказанія*, стр. 75—9, и 375—8; также *Чет. Мин.* мая 14 и июня 6. *Св. Леонтій*, еп. Неапольскій „Жизнь св. Іоанна Милостиваго. патр. Александрійскаго“; также повѣствуетъ (45—6 стр.) о Серапіонѣ Синдонитѣ то, что передается въ „Лавзаикѣ“ о преп. Виссаріонѣ.

во снѣ то же самое, что видѣлъ и Моисей Мурицъ, соблазняемый отъ блуднаго помысла, т. е. борьбу полковъ демонскихъ и ангельскихъ изъ-за рода человѣческаго и въ особенности изъ-за подвижниковъ и праведниковъ¹⁾. Разсказъ изъ Житія св. Андрея о гробокопательѣ, котораго остановила въ могилѣ обокраденная имъ умершая дѣвица, совершенно сходенъ съ такими же разсказами изъ Лавсаика и Пролога²⁾. Въ Житіи Андрея юродиваго есть разсказъ о томъ, какъ сонмище бѣсовъ напало на него и страхомъ хотѣло отклонить отъ начатаго имъ подвига, и какъ св. Іоаннъ Богословъ, призванный въ помощь блаженнымъ Андреемъ, далъ желѣзнымъ ужіемъ каждому изъ демоновъ по 100 ударовъ³⁾. Подобнымъ же образомъ бѣсы нападали на св. Нифонта и тоже были наказаны, но гораздо строже: самъ св. Нифонтъ далъ каждому изъ демоновъ по 1,000 ударовъ⁴⁾.

1) *Прол.* 2 окт., *Достоп.* Сказ. 22 стр. и *Прол.* 20 мая.

2) *Прол.* 5 окт., 11 февр. и 2 сент., *Лавсаикъ* гл. 40.

3) *Прол.* 3 октября.

4) *Прологъ* 23 декабря.

5) Чтенія въ обществѣ любителей духовн. просвѣщенія 1893 г., Июль—Августъ, 62 стр.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введение.

Общее понятіе о юродствѣ Христа ради . . . . . Стр. 3
Значеніе и особенная трудность сего подвига вообще и по сравненію съ другими видами христіанскаго подвижничества. Всегда ли Христа ради юродивые считались истинными подвижниками и ученіе Церкви о нихъ . . . . .

I глава.

Заповѣдуется ли Словомъ Божиимъ сей подвигъ? 21
Время и условія благоприятствовавшія появленію подвижничества въ христіанствѣ. . . . .
Предписанія иноческихъ уставовъ относительно подвига юродства . . . . .
Указанія на существенныя черты юродства въ посланіяхъ ап. Павла къ Коринтянамъ . . . . .

- Что такое буйство или юродство о Христѣ по существу? . . . 37
- Отношеніе разума человѣческаго къ Божественному Откровенію, какъ источнику истинной мудрости . . . . .
- Обязанности христіанина заботиться о просвѣщеніи ума свѣтомъ истины Христовой и значеніе въ душѣ человѣка чистаго, христіанскаго разума . . . . .
- Большая трудность сохранять разумъ отъ привязанностей къ земному и средства къ тому, по ученію преп. Макарія Египетскаго и блаж. Теодорита Кирскаго . . . . .
- Стремленіе юродивыхъ имѣть «истинный и правый разумъ». Отношеніе ихъ къ разуму: «внутреннее» было естественное, — они отрѣшались отъ ума только во внѣшней жизни . . . . .
- Сообразенъ ли подвигъ юродства вообще съ духомъ христіанства и въ частности съ природою человѣка? . . . . .

III глава

70

- Ведетъ ли и какимъ образомъ ведетъ юродство о Христѣ человѣка къ нравственному совершенству . . . . .
- Сообразенъ ли онъ съ любовью христіанина по отношенію къ ближнимъ . . . . .

IV глава.

82

- Не можетъ ли юродство о Христѣ служить поводомъ къ соблазну другихъ?—Юродство принимали утвердившіеся въ духовныхъ подвигахъ и по непосредственному призванію свыше; притомъ — не всякій соблазнительный поступокъ, по словамъ преп. Исаака Сирина, должно ставить въ вину тому, кто допускаетъ его . . . . .
- Не лишнее ли принимать такой образъ жизни, когда и безъ него много путей, которыми христіанинъ можетъ совершать свое спасеніе? . . . . .

V глава.

97

- Время, когда впервые видимъ въ христіанствѣ подвижниковъ этого рода и особенности Египетскаго иночества, способствовавшія появленію его: стремленіе иноковъ Восточныхъ *самымъ деломъ* исполнить законъ Христовъ . . . . .
- Сравнительный упадокъ восточнаго иночества, какъ причина появленія назидательныхъ писаній о подвижничествѣ; подражательный характеръ этихъ писаній . . . . .